

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2010 – 9 (219)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2010**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малашенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2010. – № 9 (219). – 145 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Баранов.</i> Зигзаги постсоветской российской государственности	4
<i>Александр Белоусов.</i> Политическая пропаганда в современной России	18
<i>Владимир Семёнов.</i> Антиэкстремистская деятельность мусульманских религиозных организаций Поволжья.....	28
<i>Галина Хизриева.</i> Суфизм в России: Вирдовые братства Кадирийя на Кавказе	34
<i>В. Колосов.</i> Российский геополитический дискурс о Северном Кавказе и общественное мнение.....	42
<i>Эмиль Агаев.</i> Кто такие азербайджанцы. (Этнолирические заметки).....	62
<i>К. Балтабаева.</i> Этнополитический контекст современных казахстанско-российских отношений	71
<i>А. Назимов.</i> Политика «языкового ренессанса» в Таджикистане	79
<i>Л. Тимофеев.</i> Туркменистан: Диверсификация маршрутов экспорта энергоресурсов	85
<i>Нурбек Атаканов.</i> Водно-энергетические проблемы в Центральной Азии	91
<i>Сулаймон Шохзода.</i> Механизмы безопасности в Центральной Азии	94
<i>В. Юртаев.</i> Иран: Геополитика и стратегия развития	103
<i>В. Шлыков.</i> Турецкие религиозные организации в Германии и проблемы интеграции турок в немецкое общество.....	118
<i>Д. Нечитайло.</i> Террористы-смертники в движении джихада	120
<i>Е. Гаврилина, А. Семедов.</i> Общая характеристика политического ислама	141

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!** ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Н. Баранов,

ПОЛИТОЛОГ

ЗИГЗАГИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Начало нового тысячелетия стало для России точкой отсчета государственного возрождения, связанного с переосмыслением после десятилетия неопределенности и утраты международного влияния своего нового места в мире. Поиск сопровождается спорами политиков и экспертов по поводу роли государства в новых исторических условиях, о путях обретения былого величия Российского государства.

С цивилизационной точки зрения государство не только представляет собой определенную организационную форму, но и является носителем специфической культуры, так как состоит из людей, связанных между собой не только посредством вертикальных и горизонтальных связей, но и особой государственной субкультурой, определенными ценностями. Именно эта субкультура лежит в основе принимаемых на всех уровнях государственной власти решений. Российское государство явилось продуктом уникальной евроазиатской цивилизации, что наложило отпечаток на весь ход его исторического развития.

Важным элементом российской государственности является духовная основа. Суть ее заключается в высокой ценности определенного типа складывающихся в обществе отношений, стремлении к их воспроизводству, что позволяет говорить о нравственных основаниях государственности. Среди духовных идеалов России чаще всего рассматриваются традиционные (вечевой) и либеральные идеалы.

Традиционный идеал ориентирован на сохранение статичного состояния, допуская инновации в жестко определенных рамках, выход из которых рассматривается как опасный. Либеральный идеал включает возможность и необходимость постоянного изме-

нения допустимых нововведений, их адаптацию в существующую культуру и в отношения людей. В условиях современности развивается также утилитарный идеал, являющийся промежуточным между двумя обозначенными и характерный для переходного общества. Суть его заключается в развитии ценностей человеческой деятельности, росте возможностей человека первоначально в рамках исторически сложившихся отношений с постепенным распространением на все общество и усилением способности людей подчинять общественные отношения поставленной цели. Традиционалистский подход в интерпретации исторически сложившихся представлений о механизмах развития России и ее государственности основан на архаичной мифологии, либеральный – на опыте западных стран, который используется для интерпретации исторического опыта России. Однако ни опыт традиционализма, ни опыт либерализма не помогает понять, каким образом преодолеть раскол во всех его формах.

Государство порождается обществом, несет его достоинства и недостатки, в том числе сложившийся уровень дезорганизации. Но государство отличается от общества своей особой организованностью, что является условием успешной борьбы с дезорганизацией в обществе. С этой целью в сталинское время применялась система репрессий, что в конечном итоге привело к разложению государственного аппарата. В современный период дезорганизации общества призвано противостоять формирование демократических порядков. Основой для такого преобразования является убеждение в том, что «в демократическом обществе государство существует по воле и с согласия граждан, на деньги граждан, во имя граждан».

Достаточно широко распространено мнение, что Россия может быть либо великой, либо ее вовсе не будет. Но для того чтобы быть великой, необходимо реально оценить свое место в глобализирующемся мире, свои потенциальные возможности в сложившихся условиях. Эти место, роль и значение определяются не единственно правильной и верной идеологией, а способностью решать стоящие перед страной задачи, рациональностью нашего мышления и способностью адекватно реагировать на вызовы современности.

Жить за счет старого багажа в настоящее время не представляется возможным, но делать выводы из исторического прошлого необходимо. Возрождение российского патриотизма, связанное с периодом президентского правления В. Путина, носит неоднозначный характер. В данном контексте следует отметить, что пат-

риотизм заключается не в возвеличивании или оправдании исторического прошлого, а в поиске путей эффективного развития современного государства. Представляется актуальным по данному поводу высказывание П.Я. Чаадаева: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной... Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы».

Сам факт существования на протяжении многих столетий огромного государства является, несомненно, фактором высокой устойчивости российского образа жизни в прежних исторических условиях. По мнению М. Гефтера, Россия не может соразмерять свое движение только с западным типом развития, но она вынуждена «учитывать всемирный опыт, внутри которого гигантские противоречия и разломы сочетаются с той универсальностью, которая нам необходима». В. Путин назвал их «выстрадавшими стандартами цивилизации», соответствовать которым предполагают новоявленные демократии. В становлении российской государственности в качестве современного приоритета выделяется демократизация политического процесса, с которой связываются возможные успехи и достижения в социально-экономическом развитии страны.

В постсоветское время произошли существенные изменения в институциональной системе, сказавшиеся на становлении российской государственности: расширение либеральных и демократических практик привело к большей самостоятельности граждан; противоречивость формально-правового пространства привела к делегитимизации юридических норм, не соответствующих реальным условиям жизнедеятельности общества; государственный контроль за выполнением правовых норм оказался неэффективным.

Отечественные исследователи выделяют различные этапы в становлении современного Российского государства. Так, О. Смоллин выделяет четыре основных периода в социально-политическом процессе, в результате которых произошло формирование новой российской государственности: реформистский (апрель 1985 – август 1991 г.); революционный (август 1991 – август 1996 г.); постреволюционный (август 1996 – декабрь 1999 г.);

период стабилизации и реформирования постреволюционного политического режима (январь 2000 г.).

1. С точки зрения автора настоящей статьи, в качестве отправной точки для периодизации становления современного Российского государства можно выделить 12 июня 1990 г., когда I Съездом народных депутатов РСФСР была принята Декларация о государственном суверенитете. Правда, это было всего лишь заявление, не имеющее юридических последствий, однако его принятие означало потенциальную возможность в случае определенных обстоятельств создать свою государственность. Первый этап можно рассматривать как создание юридических, политических и экономических основ для формирования самостоятельного Российского государства. Он был ознаменован введением поста президента и избранием на этот пост Б.Н. Ельцина. Завершается первый этап распадом Советского Союза и созданием Содружества Независимых Государств (12 июня 1990 – декабрь 1991 г.).

2. Второй этап (1992–1993) обычно определяют как антиэтатистский, сущность которого заключается в стремлении вытеснить государство, прежде всего, из экономической сферы, где его функции должен был выполнять саморазвивающийся рынок. На этом этапе были ликвидированы институты планового регулирования экономики, началось ее разгосударствление. Приватизация государственной собственности, либерализация цен, создание институтов рыночной экономики должны были привести к становлению независимых от государства хозяйствующих субъектов и вызвать соответствующие социальные изменения: формирование класса крупных частных собственников и среднего класса, составляющих основу гражданского общества, способного подчинить себе государство. В социальной сфере государство оставляло за собой поддержку образования, медицины, пенсионного обеспечения, помощь безработным. Государство должно было обеспечивать продвижение реформ, создавая для них правовое пространство, обеспечивая правопорядок и стабильность общества, поддержку мирового сообщества, достаточную обороноспособность страны. В политической сфере этап был ознаменован противостоянием Верховного Совета и президента, роспуском Съезда народных депутатов и прекращением функционирования советской власти.

3. На третьем этапе (1994–1998) выявилась иллюзорность намерений реформаторов ограничить вмешательство государства в экономическую сферу. Опыт реформ свидетельствовал о том, что государство не ушло из экономики, изменились лишь характер и

способы его влияния на экономические процессы. Причем некоторые специалисты отмечают, что эти изменения имели крайне негативные последствия как для государства, так и для общества. Государственные институты активно влияли, прежде всего, на процесс приватизации государственной собственности. Это стало основой для сращивания государственной бюрократии с сформировавшимся классом частных собственников, сопровождавшегося всплеском коррупции, возникновением номенклатурно-олигархических кланов, стремившихся подчинить государство своим интересам. Государство, лишившись значительной части своей собственности, не имея возможности собирать налоги в размере, необходимом для выполнения своих важнейших функций, оказалось в ситуации острого кризиса. Этот кризис проявился: в неспособности государства консолидировать общество, в котором резко усилились социальная поляризация, противостояние власти и оппозиции, приобретавшие порой чрезвычайно острые формы; в невыполнении важнейших социальных функций, о чем свидетельствует кризис систем здравоохранения, образования, науки, культуры, пенсионного обеспечения; в неэффективной деятельности органов правопорядка, не сумевших остановить вал нарастающей преступности, вызванный переделом собственности; в деградации Вооруженных сил России, терявших свою боеспособность; в перманентных кризисах правительства; в падении внешнеполитического престижа и влияния Российского государства; в неопределенности перспектив экономического сотрудничества России с развитыми государствами, которая особенно усилилась после дефолта. К осени 1998 г. выявились просчеты выбранной модели взаимодействия государства и общества, которые складывались в процессе современных российских реформ, причем мнение об оздоровлении государства и усилении его роли разделяли все основные политические силы страны.

4. Четвертый этап (сентябрь 1998 – декабрь 1999 г.) был ознаменован сменой правительства, которое возглавил Е. Примаков, заявивший о необходимости корректировки курса реформ. Основной целью этой корректировки стало повышение роли государства в реформировании российского общества, прежде всего, в экономической сфере. Это было необходимо для повышения эффективности реформ в интересах всего общества, а не номенклатурно-олигархических кланов, что не означало возврата к методам жесткого государственного регулирования, свойственного советской эпохе. Необходимы были методы, обеспечивающие оптимальный баланс механизмов саморазвития общества и государственного

регулирования. В период либерально-рыночных преобразований государство не уменьшало и не усиливало своей роли в обществе, а меняло методы и средства своего воздействия на общество, оставаясь основным фактором, обеспечивающим устойчивое, стабильное развитие сложных социально-экономических систем. Принятые правительством меры привели к росту промышленного производства и постепенной стабилизации в экономической и социальной сферах.

5. Пятый этап (2000 г. – середина 2008 г.) начался с приходом к власти В. Путина и характеризовался усилением вертикали власти, повышением роли государства в социально-экономической сфере, сменой приоритетов в региональной политике, попыткой создания действенной судебной системы. Не отказываясь от либеральных преобразований в экономической сфере, государство стало проводить активную социальную политику путем перераспределения ресурсов в пользу проигрывающих слоев общества (бюджетников, пенсионеров, молодежи). Политические преобразования носили в значительной степени авторитарный характер, но не вызывали резких протестов основной части общества. Президентом был определен курс на создание сильного государства посредством проведения эффективной экономической политики при реализации принципа верховенства права. В своих президентских посланиях глава государства акцентировал внимание на взаимосвязи сильного государства и защиты гражданских, политических и экономических свобод. Усиление государства связывалось с достижением эффективности во всех сферах жизнедеятельности общества, чему способствовали высокая цена на энергоносители и приток иностранных инвестиций в российскую экономику. Курс страны под названием «план Путина» был выдвинут в качестве основного лозунга в период парламентских и президентских выборов 2007–2008 гг. и поддержан большинством российских граждан. Для власти поддержка со стороны населения является фактом первостепенного значения, так как, по выражению Е. Ясина, она «делает режим легитимным, даже при свертывании демократических институтов, которые еще не успели доказать гражданам свою полезность и которые общество еще не готово отстаивать». По мнению английского исследователя Р. Пайпса, В. Путин приобрел высокую популярность потому, что восстановил в России традиционную модель управления: автократическое государство, где граждане освобождены от ответственности за политические решения, а для укрепления искусственного единства используются образы воображаемых иностранных врагов.

6. Шестой этап (начался со второй половины 2008 г.) характеризуется внесением корректив в стратегию развития страны, связанных с изменением внешнеполитической обстановки и кризисными явлениями в мировой экономике. Военный конфликт с Грузией сплотил российское общество вокруг власти и способствовал стремительному росту патриотических настроений. Патриотизм, являясь широко распространенным явлением в национальных государствах, влияет на все сферы жизнедеятельности общества. Патриотично настроенные группы людей, классы, различные слои общества своей поддержкой или неприятием проводимой политики формируют тот режим, который отвечает в наиболее полной мере потребностям нации-государства. Недаром патриотично настроенная элита рассматривается современными российскими идеологами как одно из важнейших условий успешного развития общества. Российская власть явилась фактором объединения общества, когда стали решаться вопросы социальной справедливости и усиления могущества страны. При этом ценности свободы и прав человека по-прежнему находятся на периферии общественного сознания. Их значимость повысится лишь в том случае, если они смогут вписаться в поддержанную обществом парадигму развития. Все чаще из уст политиков звучат слова о возможном возвращении былого величия России. Однако единой точки зрения о характере величия и о том, какими путями оно должно быть достигнуто, еще не сформировано. Среди российского политического дуумвирата, несмотря на кажущееся единство взглядов, имеются разные подходы к реализации такой перспективы: силовой, ориентированный на силу и мощь государства, и демократический, ориентированный на гражданское общество.

Созданная В. Путиным вертикаль власти остановила центробежные тенденции в стране, повысила значимость федерального центра и его влияние на региональные процессы, восстановила единую систему власти. Как отмечал А. Мигранян, это были «действия со стороны властей, более или менее адекватные сложившейся реальности». Однако вертикаль власти проникла во все сферы жизнедеятельности общества и стала препятствием для развития инициативы и свободного волеизъявления граждан, источником всевластия бюрократии, неподконтрольной обществу, способствовала расширению коррупции. В результате положительный эффект вертикали власти, выразившийся в установлении политической стабильности в начале 2000-х годов, сменился негативными факторами, что явилось вполне закономерным результатом проводимой политики. Вертикаль власти стала воспроизводиться

во всех социальных процессах, подчиняя себе практически всю сферу общественных отношений. Под нее подстроились чиновники, для которых вертикаль оказалась наиболее понятной системой власти – удобной для бюрократии и неэффективной для общества.

Как считает Г. Сатаров, пирамида власти в демократическом государстве заканчивается народом, который нанимает чиновников для управления. Поэтому самые большие потери от коррупционной составляющей такой пирамиды несут граждане, так как именно они производят все материальные блага и платят налоги, за счет которых и работает власть. «Значит, конечной жертвой любого коррупционного акта оказываются граждане», – делает вывод отечественный политолог.

Вертикаль власти не справилась с финансово-экономическим кризисом, требует увеличения государственного финансирования всех значимых проектов, личного вмешательства первых лиц государства для решения даже региональных политических и экономических проблем, что свидетельствует о ее неэффективности и необходимости перехода к отношениям, в большей степени зависимым от граждан и определяемым ими. Степень недоверия к формальным институтам государственной монополии проявляется в сложившихся клише массового сознания: суду – «действующие органы власти всегда правы»; правоохранителям «от тюрьмы и от сумы...»; депутатам – «лоббируют только свои интересы»; выборам «победители распределены заранее»; политическим правам и свободам – «их невозможно реализовать, от нас ничего не зависит», и т.д. Как пишет В. Куренной, «проблема в том, что само государство отходит от декларируемых ценностей и целей, подавая обществу примеры, когда монополия не действует. Это слияние власти и собственности, неравенство перед законами, увеличивающийся разрыв реальных возможностей населения, явные противоречия политической риторики и практики».

Д. Медведев, которого западные средства массовой информации в преддверии выборов Президента Российской Федерации позиционировали как либерального политика, действительно демонстрирует стремление изменить существующую политическую практику, повысить эффективность власти, побороть коррупцию, построить демократию с учетом российских национальных особенностей. Такая тенденция отвечает выводам тех исследователей, которые определяют очередной этап модернизации как максимально учитывающий национальные особенности государства. Своеобразие современной российской ситуации заключается в том, что народ пока не может возвыситься до демократии, а госу-

дарство еще не в состоянии стать народным, демократическим. Низкий уровень гражданственности, конформизм по отношению к власти, нетребовательность и смирение, сочетающиеся с неуважением к закону, являются основными препятствиями на пути построения демократического общества. Для России, страны с высоким государственным потенциалом, является актуальным исследование Ч. Тилли относительно будущего демократии в таких странах. Анализируя зависимость демократии от высокого государственного потенциала, американский ученый пришел к выводу, что мощь страны растет до того, как происходит «глубокая демократизация». Демократические процессы в таком государстве происходят уже при сложившейся системе принятия решений с постепенным расширением влияния народа при обсуждении политического курса. То есть нейтрализация независимых внутренних соперников, контроль над ресурсами и хозяйственной деятельностью, а также над силовыми структурами происходят до начала демократических преобразований. Демократизация сопровождается переориентацией государственного потенциала с политической борьбы на подчинение публичной политике, в которой все активнее участвуют граждане. В публичной политике для развития демократии необходим отказ от категориальных неравенств, связанных с принадлежностью к социальным группам, ущемленным в материальном, статусном и другом отношении. Неравенство в повседневной жизни не должно быть связано с неравенством политическим. Решающее значение в демократическом процессе Ч. Тилли отводит интеграции в публичную политику социальных сетей доверия, основанных на миграционных потоках, этнической принадлежности, религии, родстве, дружбе и совместной работе. Государство отказывается от принуждения и ослабляет правительственный контроль социальных сетей, что создает условия для политического доверия. В начале демократических преобразований возникает опасность массовых волнений, связанных с сопротивлением различных слоев общества экспансии государства, «но в конечном итоге следует ожидать неизбежного снижения накала политических страстей с установлением относительно мирных форм общественной политики, где сильное государство держит под контролем те формы притязаний, которые могут вызвать вспышку насилия».

В современной России идет поиск точек приложения государственного потенциала. Одним из таких приоритетов стала концепция инновационного развития, которая охватывает как политическую, так и социально-экономическую составляющую.

В условиях инновационного развития общества существует объективная потребность в расширении политического поля, допуске к участию в принятии политических решений различных политических и социальных субъектов, отказе от политического монополизма, какими бы благими намерениями он ни оправдывался. Принципиально важным для России является смена персоналистской парадигмы управления на институциональную. Американский политолог Джеффри Стаут по данному поводу писал: «Чем больше пространства мы отдаем лидерам... тем ближе мы оказываемся к неограниченному правлению властей предрержащих. Чем ближе мы приближаемся к неограниченному правлению, тем меньше оснований у граждан доверять властям в деле своей защиты или иного способа служения их интересам».

Вектор развития России как открытой страны направлен в сторону свободного волеизъявления и не может определяться лишь одной политической силой, стимулируя появление альтернативных идей, моделей, концепций. Политико-административные отношения, выстраиваемые в условиях демократизации и опирающиеся на потенциал государства, имеют тенденцию к большей открытости и прозрачности, но лишь при условии ее поддержки со стороны общества и повышения политической, экономической, социальной активности населения, что является для России пока скорее гипотетическим, чем реальным фактором.

Российская политическая практика свидетельствует о том, что в условиях мирового финансово-экономического кризиса государственные органы стали чаще обращаться за помощью к обществу, к гражданам. Регулярные встречи с трудовыми коллективами, открытость в принятии государственных решений, участие в обсуждении антикризисных мер как политической оппозиции, так и всего гражданского общества, доступность власти для средств массовой информации свидетельствуют о превалировании демократических тенденций в политическом режиме современной России.

Отчет Председателя Правительства Российской Федерации, прозвучавший 6 апреля 2009 г., можно расценивать как знаковое событие в отношениях между законодательной и исполнительной властью. Глава Правительства РФ теперь не может игнорировать представительную власть и обязан отчитываться о своей деятельности, а депутаты могут задавать ему вопросы, на которые вправе ожидать ответов. Изменение формата отношений между ветвями власти можно рассматривать в качестве антикризисной меры, которая логично вписывается в систему сдержек и противовесов, по-

вышая ответственность обеих ветвей власти за проводимую политику. Можно согласиться с Председателем Правительства РФ в том, что «антикризисный план требует согласованных действий на всех уровнях публичной власти. Людей не волнует, кем именно обязательство не исполняется, – федеральными органами власти, региональными либо муниципальными – для них важно, как это скажется на их повседневной жизни». И здесь следует отметить, что власть не всегда использует демократические процедуры и механизмы.

В демократическом государстве решающую политическую роль играют партии. Создание в современной России правовых норм, закрепляющих высокий статус партий в политической жизни страны, с одной стороны, повышает ответственность политической партии за проводимую в стране политику на всех уровнях государственной власти и органов местного самоуправления, с другой стороны, резко ограничивает возможности конкретного гражданина на участие в политической жизни без посредничества политических структур.

Одним из приоритетов в деятельности политической власти в период борьбы с кризисом стало обращение к средствам массовой информации как важнейшему каналу политической коммуникации. Вошли в практику регулярные встречи политического руководства страны с журналистским сообществом, интервью различным телевизионным каналам и печатным СМИ, ежедневное информирование о кризисных проблемах и путях их решения. Такой диалог в режиме on-line повышает доверие населения к власти, делает прозрачным процесс принятия решений, что сказывается на общественном настроении и в целом на ситуации в стране. Развитие информационного общества в России сталкивается с социально-экономическими и политическими проблемами. Образование должно сформировать потребность человека в информации, развитая инфраструктура – передачу и получение необходимой информации, политические структуры – высокий уровень информационно-аналитического обеспечения для эффективного управления обществом. Современные технологии управления невыгодны административно-бюрократическому аппарату, который является основным препятствием на пути распространения нового стиля жизни, основанного на свободном информационном пространстве и не нуждающегося в привычных традиционных институтах и моделях поведения. Внедрение новых технологий нарушает привычный механизм функционирования социальных институтов и организаций, позволяет пересмотреть критерии их эффективности,

заставляет переосмыслить те масштабные изменения, которые несет информационная эпоха, изменяет характер деятельности человека, его восприятие современного мира.

Необходимый компонент современного государства – это эффективная судебная система, определяющая степень демократичности власти. Судебная власть – единственная, которая защищает человека от государства. Сломать коррупционную составляющую в судебной сфере – значит институционализировать отношения власти и общества, сделать их открытыми и прозрачными, основывающимися на нормах права. Судебная реформа при молчаливом сопротивлении российского правящего класса не сдвинется с места. Проблемы судебной системы заключаются в неоднозначности законов, которые можно трактовать в тех или иных интересах, чем нередко пользуются судьи. В России распространено предпочтение расплывчатых норм права, так как неопределенность выгодна прежде всего власти предрержащим, которые могут ее интерпретировать в своих интересах.

Социальная направленность политики, борьба с коррупцией, реформа судебной системы, снижение зависимости СМИ посредством развития информационного общества – таковы новые тенденции в становлении российской государственности, появившиеся в 2008–2009 гг. Президентские инициативы по формированию обновленного облика Российского государства имеют в большей степени демократическую направленность, хотя и воспринимаются значительной частью общества и оппозицией достаточно скептически, поскольку ориентированы на более решительные шаги власти в сторону открытости и расширения политического пространства. Среди президентских инициатив, не способствующих демократизации политического процесса, наибольший резонанс вызвали увеличение срока полномочий Президента РФ до 6 лет и депутатов Госдумы до 5 лет, а также изменение порядка избрания Председателя Конституционного суда и его заместителей, которые вполне резонно воспринимаются в качестве продолжения выстраивания властной вертикали. В качестве демократических инициатив можно выделить следующие: ежегодный отчет правительства о своей работе перед представительным органом власти как на федеральном, так и на региональном уровне; представительство в Госдуме и законодательных органах власти субъектов Российской Федерации политических партий, набравших от 5 до 7% голосов; изменение порядка формирования Совета Федерации, в соответствии с которым его членами могут быть только граждане, победившие на региональных или местных выборах; изменение

порядка наделения полномочиями губернаторов (кандидатуры может предлагать партия, победившая на региональных выборах); отмена избирательного залога; снижение количества подписей, необходимых для участия в выборах, а в перспективе отказ от их сбора; расширение сферы вопросов, по которым Общественная палата может давать свое заключение; наведение порядка с досрочным голосованием на местных выборах; принятие законов о гарантиях равного освещения в средствах массовой информации деятельности партий, представленных в региональных парламентах; принятие законов о борьбе с коррупцией.

Еще в конце XX в. зарубежные политологи предполагали для развивающихся стран два пути: либо интеграция в западный порядок, либо его отрицание и появление стран-изгоев, изолированных от остального мира. Однако уже в начале XXI в. один из ведущих американских политологов – Ф. Закария стал выразителем иной точки зрения: развивающиеся страны, по его мнению, идут по третьему пути, поскольку «они вливаются в западный порядок, но на своих собственных условиях», преобразуя саму систему. Россия вносит в данную тенденцию свою лепту, переориентировавшись с первого пути, характерного для 1990-х годов, на третий, исходя из своего нового места в складывающейся глобальной конфигурации политического устройства мира.

В своей статье «Россия, вперед!» Д. Медведев, характеризуя политическую систему, к которой стремится Россия, называет ее «предельно открытой, гибкой и внутренне сложной», адекватной «динамичной, подвижной, прозрачной и многомерной социальной структуре», отвечающей «политической культуре свободных, обеспеченных, критически мыслящих, уверенных в себе людей», в которой «лидерами в политической борьбе будут парламентские партии, периодически сменяющие друг друга у власти» и формирующие «федеральные и региональные органы исполнительной власти (а не наоборот)», имеющие «длительный опыт цивилизованной политической конкуренции». Президент в своей работе по модернизации Российского государства может опереться только на гражданское общество, потому что небольшая часть честных чиновников не в состоянии решить возникающие проблемы. Активные, заинтересованные граждане, свободные средства массовой информации смогут сделать гораздо больше, чем предпринятые административные меры. «Нашей работе, – пишет президент, – будут пытаться мешать. Влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимающих “предпринимателей”». Административно-чиновничий аппарат, которого вертикаль власти

научила по-другому работать, сложно представить в качестве помощников главы государства. Помощь может исходить также от инновационно настроенной части правящей элиты, малого, среднего и частично крупного бизнеса. Перспективы такой поддержки можно оценить высоко, так как при решительной власти общество активизируется и сможет обеспечить легитимность намеченных преобразований. Именно на такую поддержку рассчитывает Д. Медведев.

Для современной российской государственности стало характерным позиционирование страны в качестве великой державы. Об этом косвенно свидетельствует девиз, избранный Д. Медведевым, – «Россия, вперед!». Именно так называется его нашумевшая статья, именно этими словами заканчивается второе президентское Послание Федеральному собранию. Претензии на величие всегда были характерны для России. Как отмечает И. Нойманн, «такова эксплицитная самореферентная аксиома российской политики идентичности». Однако недостаточно государству или отдельной нации считать себя великой, что равносильно самолюбованию. Для того чтобы действительно быть великой державой, необходимо признание такого величия со стороны других государств. Причем не любых, а тех, которые сами являются великими державами и чей статус не вызывает сомнений. Как показывает политическая практика, критерии величия изменяются с течением времени в зависимости от общественных потребностей и складывающихся международных условий. В индустриальную эпоху в качестве критериев великодержавности были военная и экономическая мощь государства, что соответствует реалистическому подходу в теории мировой политики. Одновременно существовало еще одно объяснение величия государств – моральное, свидетельствующее о возможности распространять свою культуру среди других государств и принятии ими новых ценностей без насилия по причине морального превосходства. Между реалистическими и моральными критериями имеется связь, так как именно культура способствует комплексному развитию государства, включая экономическую и военную сферу. С переходом к постиндустриальной эпохе изменяются и критерии великодержавности. Так, по мнению И. Нойманна, «держава может считаться великой, если способ управления в ней признается образцовым другими». Одним из современных критериев величия государства является также качество жизни граждан, реализация их прав и свобод, степень демократичности. С данной точки зрения, путь, по которому следует

Россия, не отвечает общеевропейским критериям, с чем согласны не все российские политики. В. Путин в феврале 2008 г. говорил: «Россия вернулась на мировую арену как сильное государство – государство, с которым считаются и которое может постоять за себя». Однако Д. Медведев в своих последних статьях и выступлениях критикует сложившуюся социальную практику и делает акцент на необходимости всесторонней «модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии», что позволит построить «настоящую Россию – современную, устремлённую в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда».

Таким образом, вектор развития Российского государства будет зависеть от того, какая точка зрения станет преобладающей в ближайшей перспективе, что, несомненно, повлияет на персоналии претендентов на следующих президентских выборах, на результаты выборов в Государственную думу, а в целом и на будущее страны.

«Политэкс», СПб., 2010 г., т. 6, № 1, с. 49–66.

Александр Белоусов,
кандидат политических наук
**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Последний год первого десятилетия XXI в. позволяет приступить к подведению итогов. Настоящую статью можно рассматривать также в этом ключе. Правда, речь идет о весьма специфической плоскости – пропагандистской работе с населением, элитами, общественными структурами и (в той мере, в какой это возможно в ограниченных рамках журнального текста) международным сообществом. Причем кризисное состояние экономики, а в определенной степени – и общественной жизни, заставляет более трезво оценить масштабы и результаты этой работы.

Приходится прежде всего констатировать наличие определенного пропагандистского вакуума: 30–40% населения вообще не ходят на выборы (даже президентские) и проявляют полную аполитичность. С учетом бесперспективности воздействия на эту целевую аудиторию, озабоченную лишь потреблением, средствами политической пропаганды последняя довольно часто подменялась пропагандой потребительской. Именно на эту часть россиян (хотя, разумеется, не только на них) были рассчитаны телевизионные

рапорты об успехах экономического развития, повышении цен на нефть, росте уровня потребления, доступности кредитов и т.п. Все закончилось осенью 2008 г. со вступлением России в процесс мировой экономической рецессии. Возникло некое пропагандистское зависание системы, в наличии у которой не оказалось смыслов, пригодных для тиражирования в условиях общего снижения уровня жизни.

В результате возникли такие фантомы, как борьба с «невидимыми и неуловимыми врагами»: коррупцией, педофилами, милиционерами-убийцами. Можно полагать, что актуализация подобных тем свидетельствует о следующем: политическая пропаганда в настоящий момент не способна мобилизовать общество для решения возникающих проблем; ей под силу лишь временно притупить протестные настроения. На фоне возникшего вакуума более отчетливо видны пропагандистские успехи 2001–2007 гг. Нельзя даже исключить возникновения через некоторое время определенной ностальгии по эпохе, стремительно уходящей в прошлое, точнее – по ее образам: «Путин», «стабильность», «вертикаль власти», «двукратное повышение ВВП», «суверенная демократия», «Стратегия-2020». Такая ностальгия может быть сродни сожалениям старшего поколения о золотом веке брежневского «застоя», во многом внешнем и пропагандистски рукотворном. Именно поэтому ниже мы сосредоточимся на характеристике базовых идеологем, внедрившихся в общественное сознание в «нулевые».

Однако, прежде чем приступить к анализу пропагандистского контента, необходимо остановиться на средствах распространения соответствующей информации и связанного с ней влияния. В этой сфере в первую очередь следует отметить снижение роли печатной прессы и повышение таковой Интернета, что явствует из результатов исследований, проведенных M'Index TNS Russia в 2008 г. (они фиксировали время, затраченное россиянами разных возрастных категорий, на получение информации из различных источников). Данные наглядно демонстрируют, что газеты продолжают пользоваться популярностью лишь у старшего поколения – главным образом потому, что пенсионеры привыкли читать газеты и вряд ли в ближайшей перспективе найдут альтернативный источник информации. Среди людей среднего возраста прослеживается тенденция к сокращению времени, затрачиваемому на просмотр газет при росте внимания к Интернету. Что же касается молодого поколения россиян, то оно пребывает в Сети в разы больше используемого на чтение прессы времени. С учетом есте-

ственной демографической динамики очевидно, что отмеченная тенденция будет развиваться и далее. Таким образом, газета становится консервативным источником информации, к которому вместе с людьми пожилого возраста прибегают и элиты, в то время как Интернет демонстрирует значительный прогресс.

Разумеется, эти и многие другие данные используют ответственные лица из администрации президента и иных государственных структур, отвечающих за пропагандистскую работу, что, естественно, отражается и на выборе средств распространения соответствующей информации. Показателен, в частности, такой факт: из печатной прессы практически исчезли материалы, в которых российские лидеры выступали бы от первого лица. Интервью или авторские статьи президента и премьер-министра появляются там в исключительных случаях, в то время как с зарубежной прессой они общаются весьма охотно. Вместе с тем российские пропагандисты основательно взялись за киберпространство и заняли прочные позиции в Интернете, во всяком случае в Рунете. Первая часть «нулевых» ознаменовалась созданием и «раскруткой» специальных сайтов, через которые пропагандистская работа ведется и по сей день. Их можно разделить на несколько категорий:

– официальные представительства (официальный сайт Президента РФ Kremlin.ru, официальный сайт «Единой России» Edinoros.ru и др.);

– новостные сайты и порталы (Strana.ru, Vz.ru, Rian.ru, egnum.ru и др.);

– сайты экспертного характера (Russ.ru, Kremlin.org, Liberty.ru, Media-cratia.ru и др.);

– сайты «особого назначения» (vladimirvladimirovich.ru).

Для «раскрутки» сайтов на них размещается эксклюзивная информация. Так, например, доклад главного кремлевского пропагандиста и идеолога В. Суркова «Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности», ознаменовавший начало дискуссии об особом пути России – «суверенной демократии», был впервые опубликован на официальном сайте партии «Единая Россия». Статья президента Д. Медведева «Вперед, Россия!», давшая старт дискуссии, на основании которой президент составлял свое послание Федеральному собранию РФ в 2009 г., появилась на сайте довольно либерального интернет-ресурса «Газета.Ру».

В последнее время набирает силу тенденция к использованию в целях пропаганды и блогосферы. Среди «первых лиц» начал положил президент Д. Медведев. Затем его примеру последовал губернатор Пермского края О. Чиркунов. В общем, через некото-

рое время вся российская политическая элита будет отписываться в блогах. Причем эта работа отнюдь не стала чистой формальностью. Данные инструменты профессионально поддерживаются IT-специалистами и стали прямым каналом общения политических лидеров с пользователями Интернета. Политические дискуссии в Сети становятся все более активными.

Кроме того, за «нулевые» пропагандисты освоили такой важный канал распространения информации, как книгоиздание. В 2005 г. было создано книжное издательство «Европа», специализирующееся на выпуске политической литературы и выполняющее прямые пропагандистские установки Кремля. За короткое время «Европа» заняла лидирующие позиции на рынке в своей нише, а продукция этого издательства появилась практически в каждом книжном магазине крупных мегаполисов. Книжный формат восполняет пробел знаний у граждан, обладающих активной политической позицией и претендующих на соответствующее влияние на окружающих. Одновременно все эти годы власть формирует круг лояльных к ней лиц, которые исполняли бы роль таких «привратников», разъясняя основные пропагандистские постулаты на местах и доводя их до конкретных граждан. К настоящему времени этот круг представляет собой сложную структуру, каждый уровень которой играет собственную роль в общей работе. Так, в своеобразный первый ближний круг входят лица, разъясняющие, основные пропагандистские постулаты. Это известные журналисты, политологи, эксперты, депутаты, губернаторы, политические деятели и прочие ответственные лица. Возьмите сборник, посвященный проблеме «суверенной демократии», и вы получите их примерный список: С. Иванов, Ю. Лужков, В. Матвиенко, Б. Грызлов, В. Третьяков, А. Мигранян, Д. Орлов, В. Фадеев, С. Глазьев, В. Иванов, М. Соколов, В. Никонов, Д. Бадковский и др. Разумеется, эта работа отнюдь не бескорыстна. Участники дискуссий получали (и получают) в первую очередь информационную площадку для высказывания своих точек зрения. Здесь срабатывают репутационные, карьеристские мотивации, а также возможность демонстрации лояльности к власти. В свою очередь последняя получала ответные сигналы о принятии предлагаемой ею доктрины. А лучший способ показать свою восприимчивость к ней – пересказать ее своими словами. В итоге большая часть идущей дискуссии сводилась (да и сводится) к обмену сигналами лояльности. При этом власть вовсе не боится критики как таковой. Кроме того, критиковать такие доктрины, как «суверенная демократия», весьма сложно даже с содержательной точки зрения. Любое углубление в терми-

ны здесь оказывается на руку власти, тогда как реальная и радикальная критика находится по другую сторону внедренного концепта. (Более того, порой критика смотрится даже позитивно, ибо для поддержания тонаса дискуссии нужны всплески эмоций. Что же это за дискуссия, если даже спорить не о чем?) Поэтому через те же каналы информации запросто появлялись (и появляются) материалы критического характера, которые модераторы не боятся поставить в один ряд с апологиями. При этом возможность критиковать официальную доктрину явно работает на имидж политика и оказывается еще одним способом поощрения участников дискуссии, которые и сами отчасти формируют пропагандистский контент.

Теперь о содержании пропагандистских коммуникаций. Мы уже обозначили ряд базовых для «нулевых» идеологем: «вертикаль власти», «двукратное повышение ВВП», «суверенная демократия», «Стратегия-2020». Попытаемся провести их классификацию.

Первая отделяет политическую пропаганду, так сказать, в чистом виде, от той, что распространяется посредством политически управляемых каналов. Очевидно, что из представленных идеологем только две являются абсолютно политическими – «вертикаль власти» и «суверенная демократия», ибо только они имеют отношение к формированию представлений у населения о политической системе государства и роли граждан в ее рамках. Оставшиеся две идеологемы – «двукратное повышение ВВП» и «Стратегия-2020» – по сути концепты явно экономического характера, созданные для управления экономикой политическими методами. К тому же обе идеологемы по прошествии определенного времени – одна раньше, другая позже – оказались нерабочими. Поэтому мы исключаем их из сферы дальнейшего рассмотрения.

С научной точки зрения «вертикаль власти» следует определить как политическую метафору, т.е. фигуру политической риторики, обладающую особой продуктивностью. Другими словами, это емкий иносказательный термин, использованный и до сих пор использующийся властью для проведения стратегически важного политического курса. Истоки прочности и долговечности метафоры «вертикаль власти» следует усматривать непосредственно в ней. Принцип «вертикали» не оставляет альтернатив для других способов выстраивания властных отношений. Никаких горизонталей, послаблений и прочих слабостей. Все они преодолеваются и интегрируются в «вертикаль»: остаются только укрепление и рост. Кто-то назовет такую метафору излишне агрессивной, обвинив ее

в символическом монополизме. Но в определенный момент «вертикаль власти», как и предполагали ее создатели, начинает жить собственной, не зависимой от них жизнью, диктуя свои правила игры. Как таковая метафора «вертикаль власти» – бесконечное поле для реформистской деятельности. Стоит только возникнуть ощущению, будто всё, строительство закончилось, – тут же достраивается «новый этаж». При этом нет необходимости уточнять, что именно понимается под «вертикалью». Как раз поразительное свойство понятности и есть один из главных семантических эффектов концепта. Причем подобных семантических эффектов «вертикаль власти» продуцирует очень много. На том и основана ее эффективность: избыточное производство смыслов удовлетворило спрос на идеологию.

Итак, «вертикаль власти» представляет собой полисемантическую метафору, т.е. производящую великое множество политических смыслов. Это перепроизводство смыслов и стало залогом ее чрезмерной эффективности, а также долгой жизни, ибо сейчас, по прошествии десяти лет, можно утверждать: большинство заложенных в ней смыслов было реализовано в политической практике (ранее мы их уже выявили в специальной статье). Заметим также, что «вертикализация» власти прочно ассоциируется с Владимиром Путиным – потому-то «вертикаль власти» иногда называют «путинской». В процессе пропагандистской трансляции ее методы видоизменяются применительно к разным целевым аудиториям. Последние следует разделить на две основные категории. Первая – это непосредственные участники реформы власти (власть, журналисты, эксперты и т.д.), а также практически сформировавшийся за «нулевые» средний класс, способный усваивать политическую информацию любой сложности. Вторая – основная масса населения, оставшаяся в роли молчаливых зрителей. Собственно, концепт «вертикаль власти» в его целостном виде был усвоен лишь первой аудиторией. Для основной же массы он был упрощен, популяризирован и персонализирован. Получилось: «Путин – сильный президент» и «Путин навел порядок в стране». Метафора «вертикаль власти» оказалась весьма живучей. Будучи введенной в оборот в 2001 г., она до сих пор активно упоминается в СМИ, пусть и несколько реже, чем девять лет назад. До сих пор Кремль не предпринимал попыток пересмотреть принципы реформы власти, начатой почти десятилетие назад. Фактически она продолжается. Дело в том, что «вертикаль» как принцип власти может только укрепляться. Любая остановка в ее строительстве, любой поворот по диагонали или по горизонтали грозят ее обрушением.

Все последующие концепты, разработанные и вброшенные пропагандистами, логически вписываются и истекают из «вертикали власти». И политические, и экономические. «Двукратное увеличение ВВП» – суть команда экономике, исходящая от «вертикали власти». «Стратегия-2020» – попытка закрепить «вертикаль» в программе экономической стабильности и развития. «Суверенная демократия» – не что иное, как «демократизация» власти и общества в условиях выстроенной «вертикали власти». Нет ни одного концепта, который каким-либо образом преодолевал бы пресловутую «вертикаль». Это и невозможно. Поэтому «вертикаль власти» надолго останется прародителем российского политического контента.

Разумеется, на Западе «вертикаль» была встречена ожесточенной критикой за излишнюю централизацию власти, сворачивание демократии и авторитаризм. Однако, судя по всему, эта критика оказала обратное воздействие. Успех реформы заставил ее творцов поверить, что «чем больше они ругают нас, тем лучше у нас получается». Подобная психология напрямую оказывает влияние на пропаганду. Ориентировав пропагандистские усилия на внутренний «рынок», ее разработчики игнорируют их восприятие вовне. Опасность также заключается в следующем: отрицательное мнение мировой общественности по поводу российской пропаганды интерпретируется не как ее отрицательная характеристика, но как положительная.

Заметим, правда, что прочная ассоциация «вертикали власти» с Путиным, помимо всех выгод для российского лидера, в перспективе способна повлечь за собой ряд проблем. Как показал опыт двухлетнего правления Дмитрия Медведева, ни на кого из прочих политиков «вертикаль», говоря политтехнологическим языком, не переносится. Медведев не стал фигурой, сумевшей за два года встать во главе «вертикали». И так в отношении любого из действующих политиков. Очевидно, что после окончательного ухода из политики В.В. Путина судьба «вертикали» может оказаться неясной.

Впервые термин «суверенная демократия» появился в прессе весной 2005 г. Хотя авторство его приписывается В. Суркову, на деле его первым применил В. Третьяков. Основные дискуссии начали разворачиваться в 2006 г. – после выступления В. Суркова перед парламентом «Единой России», на котором была изложена концепция «суверенной демократии». Это выступление и можно считать стартом дискуссии. После чего градом посыпались статьи, выступления и другие формы дискуссионной активности. Дискус-

сия о «суверенной демократии» помимо содержательной стороны представляет интерес и с другой точки зрения: по сути, она создала прецедент управляемой общественной дискуссии. Исходя из скорости и масштаба распространения, эта дискуссия в течение 2006–2008 гг. превратилась в настоящую повестку дня для интеллектуалов. В ходе нее пропагандисты апробировали несколько методов управления обменом мнениями, а именно: внедрение и развитие дискуссии, привлечение специальных каналов для ее распространения, поощрение участников обсуждения,

Однако одного доклада оказалось недостаточно. Спустя некоторое время тот же Сурков вынес на обсуждение другой (на этот раз печатный) текст на ту же тему – статью «Национализация будущего (параграфы про суверенную демократию)». В нем автор уже не видит смысла скрывать намерения власти стимулировать общественную дискуссию. «Текст про суверенную демократию, составляемый по ходу дискуссии совместными усилиями сторонников и критиков, – одна из интерпретаций нашего недавнего прошлого и близкого будущего (поэтому он и претендует на точку отсчета в дискуссии о демократии в России). Его задача – привлечение общественного внимания к взаимосвязанным вопросам личной свободы и свободы национальной. Он открыт для согласия и спора. В нем нет почти ничего обязательного и совсем ничего назидательного», – пишет В. Сурков. Сигнал, в общем-то, простой и понятный. Во всяком случае, для любящих разьяснять эти самые сигналы.

Когда создается эффект повестки общественной дискуссии? В момент, когда потенциальные участники самых разных каналов сталкиваются с темой дискуссии. Поэтому для ее распространения были выбраны три основных канала – Интернет, книги и печатные СМИ, а также ряд дополнительных средств, включая партийные учебы и межличностные коммуникации. Первое и главное средство распространения дискуссии – Интернет. Потенциальные участники – политики, эксперты, журналисты и др. – получают большую часть политической информации из того же источника. Последний позволяет быстро выкладывать тексты и реагировать на них в режиме онлайн, значительно ускоряя ход обсуждения. Наконец, принять участие в дискуссии получает возможность куда более широкий круг желающих. В итоге массовость обсуждения концепта «суверенной демократии» уже невозможно представить без специальной «загрузки» Интернета.

Наконец третий, но далеко не последний канал распространения дискуссии – это книжная продукция. Без научного (или хотя

бы псевдонаучного) бэкграунда разговоры о «суверенной демократии» оставались бы не более чем модным политическим «трепом». Обе составляющие концепта – «суверенитет» и «демократия» – произведены научным дискурсом. Поэтому модераторами дискуссии была поставлена задача: сделать «суверенную демократию» предметом изучения политической науки. Вернее, сформировать представление, будто она является актуальной проблемой последней. В итоге благодаря той же «Европе» сборники статей и монографии на соответствующую тему заняли места на полках множества книжных магазинов в разделах «Политология, политические науки». Цель достигнута. Что касается содержательного аспекта пропагандистских акций подобного рода, то его особенность – в предельной актуализации, связанной с изменениями в сфере государственной политики. Здесь потенциально возможны два основных варианта: прямой и косвенной связи с реальными политическими процессами. Во втором случае реальности концепта и политики, если так можно выразиться, оказываются как бы параллельными друг другу и соприкасаются лишь там, где это выгодно пропагандистам (например, военная экспансия США имеет мало общего с так называемым «продвижением демократии», но, постоянно возвращая своих критиков к первоисточкам – концептам, американские пропагандисты отвлекают их от реально происходящих событий, что в данном случае и требуется). Именно такова, по сути, и концепция «суверенной демократии», тогда как «вертикаль власти» оказывается все же связанной с реальными процессами. Ведь, создавая «вертикаль» в течение первого срока, В.В. Путин и его команда занимались реализацией масштабной реформы, результаты которой отразились на всей политической системе. Дискуссия же о «суверенной демократии» в России не привязана ни к каким текущим трансформациям политического устройства.

* * *

Классификацию концептов, формирующих содержание пропаганды, следует дополнить также делением на экспансивные и реакционные. Первые разрабатываются и предлагаются в качестве тем общественных дискуссий, чтобы обеспечить идеологическое сопровождение активной и агрессивной внешней политики. Их основу составляют идеи национального, государственного или любого иного превосходства. Реакционные же концепты, напротив, призваны служить обоснованием внутривнутриполитических курсов, попадающих под прицел извне. Их используют при необходимо-

сти доказать собственную уникальность, пусть даже для этого приходится изобличать весь мир, доказывая, что он пошел неверным путем. «Суверенная демократия» выступает как показательный пример реакционного концепта. Она появилась в результате реакции на упреки Запада, будто Россия скатывается к авторитаризму. Соответственно, этот концепт обладает рядом очевидных недостатков. Прежде всего, в нем изначально заложена дискуссия об авторитаризме и произвольном установлении демократии. Это ее контрконцепт, и вся дискуссия разворачивается между ними. Кроме того, понятие «суверенная демократия» применимо исключительно к России, оно не транслируется на другие государства со схожей внутренней ситуацией. Соответственно, Россия не планирует получать дивиденды от того, что им воспользуются ее соседи, пусть даже такая возможность теоретически существует и в принципе не отрицается.

С другой стороны, если стратегическая задача России на ближайшее время определена как наращивание экономической мощи и восстановление своих позиций на международной арене, то концепт, обосновывающий исключительность ее курса, в полной мере соответствует поставленным задачам. Ведь состязаться с западными странами в изобретении стандартов демократии – дело неблагодарное. Но неужели у России не найдется других преимуществ, которыми она способна утверждать свое превосходство?

Таким образом, вырисовывается законченная картина трендов политической пропаганды. Сформирована система распространения пропагандистского контента, построенная на взаимодополнении межличностной и массовой коммуникации, в которой по сравнению с предыдущими годами повысилась роль Интернета. Кроме того, создан новый канал воздействия в виде выпуска специализированной пропагандистской литературы. Основными идеологемами, распространенными в данной коммуникационной системе, стали «вертикаль власти» и «суверенная демократия». Первая из них ориентирована на внутренний «рынок», с ее помощью проводилась путинская реформа власти. Вторая в большей степени предназначена для западной аудитории, пусть даже она и распространялась с помощью стимулирования внутренней общественной дискуссии. Кроме того, очевидно, что, хотя оба концепта уже выполнили свою роль, первый из них оказался явно несколько удачней, что, по-видимому, связано с его метафорическим характером и совпадением с представлениями населения, а также политических элит о характере власти, естественном для России.

В дополнение обратим внимание на несколько ключевых особенностей прошедшего «пропагандистского десятилетия».

Во-первых, пропаганда осуществлялась (и осуществляется) в основном с помощью каналов информации и схем, разработанных на Западе. Российские пропагандисты в принципе не придумали здесь своих ноу-хау и большей частью копируют западный опыт. Тенденции изменения – например, повышение роли Интернета – также воспроизводят западные способы пропагандистской работы. Эта ситуация выглядит настораживающе, поскольку интеллектуальная зависимость рано или поздно приводит к интеллектуальным же поражениям. Российским пропагандистам стоит уделять больше внимания разработке собственных каналов воздействия на население.

Во-вторых, содержание российской пропаганды, как только соответствующая информация пересекает не существующую для нее госграницу, воспринимается значительно хуже или даже с точностью до наоборот. Освоив внутривосточное пространство в «нулевые», в «десятилетия» российским пропагандистам, по всей видимости, предстоит больше работать в жанре публичной дипломатии, повышая авторитет нашего государства на международной арене.

Наконец, до сих пор официальная пропаганда при всей ее мощи была ориентирована на реализацию относительно частных интересов. По сути, она обслуживала лишь персональные и групповые запросы власть предержащих, которые возводились и до сих пор возводятся в ранг общенациональных. Такая ситуация далеко не в полной мере отвечает интересам всего российского общества, так как ее задачи не ограничиваются лишь самочувствием власти, и такой мощный ресурс государственного управления, как пропагандистский аппарат, необходимо использовать на благо всех россиян.

«Свободная мысль», М., 2010 г., № 2, с. 83–96.

Владимир Семёнов,

кандидат политических наук

**АНТИЭКСТРЕМИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МУСУЛЬМАНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ ПОВОЛЖЬЯ**

Деятельности мусульманских религиозных организаций по противодействию религиозному и политическому экстремизму в

регионах, входящих в Приволжский федеральный округ (ПФО), уделено внимание в ряде публикаций последних лет, но политическая практика требует более пристального внимания исследователей к обозначенному явлению. Приволжский федеральный округ образован в соответствии с Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». На его территории, составляющей 7,27% от общей площади нашего государства и равной 1451 тыс. км², проживает 33 млн. человек (более 22% населения России). В составе ПФО 14 субъектов Федерации: шесть республик, семь областей и один край.

По совокупности этнических и конфессиональных проблем Приволжский федеральный округ можно считать мини-моделью Российской Федерации. Современная полиэтническая структура округа сложилась в результате многовекового совместного проживания и взаимодействия различных этносов и культур. Около 68,8% населения ПФО составляют русские (в целом по Российской Федерации русскими себя считают 83% населения). В большинстве национально-территориальных образований, входящих в состав ПФО, коренное население не является преобладающим. Лишь в трех из них представители титульной (статусной) национальности составляют более 50% населения: в Чувашской Республике, Республике Татарстан и Коми-Пермяцком автономном округе. В целом же на территории округа проживают около 75% всех татар, марийцев, удмуртов, мордвы России, 80% башкир и чувашей. По переписи населения 2002 г., в Приволжском федеральном округе проживали представители 153 национальностей, 44 из которых принято считать мусульманскими. В 14 регионах действует 22 духовных управления мусульман (ДУМ).

Безусловно, у мусульман региона, как у всего российского общества, есть очень много проблем — духовных, социальных, личных, среди которых слабо развитая система религиозного образования и отсутствие грамотных кадров священнослужителей, неумение противостоять натиску идеологии «рынка» и криминала на жизнь общины. Одна из бед российского ислама — внутреннее противоборство мусульманского духовенства и разобщенность мусульманского общества. Раскол мусульманских организаций, начавшийся в 90-е годы, спровоцировал сначала взаимные обвинения мусульманской элиты в ваххабизме, а затем и его действительное появление в Поволжье. Социально-экономическое неблагополучие привело к широкому распространению псевдорелигиозных культов, отличительными чертами которых стали не-

вежество, обман, вовлечение своих адептов в криминальную деятельность. В конце XX – начале XXI в. в связи с притоком в Поволжье представителей различных этнических групп из Средней Азии и Северного Кавказа в регион начали проникать идеи, не характерные для традиционного ислама. Вслед за идеями появились экстремистские группы, борьбу с которыми ведут правоохранительные органы.

В течение 2004 г. в различных регионах РФ правоохранительными органами были задержаны члены экстремистской религиозной организации «Хизб ут-Тахрир» (Партия освобождения ислама). Эта организация была внесена в список 15 организаций экстремистского толка, чья деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г. Состоявшееся в Башкирии судебное разбирательство в отношении членов «Хизб ут-Тахрир» было доведено до логического завершения. В августе 2005 г. Верховный суд Башкортостана приговорил членов ячеек к 4–9 годам лишения свободы. Вместе с тем пока еще рано ожидать, что деятельность «Хизб ут-Тахрир» на территории России полностью пресечена. Современный этап деятельности этой партии можно назвать «русским». Его особенностью является массовое тиражирование пропагандистской литературы на русском языке, распространение русскоязычной версии журнала «Аль-Вай» в регионах страны, создание русскоязычного сайта партии, который свободен для доступа всех желающих. Особое место в пропаганде идей «Хизб ут-Тахрир» занимают листовки, издаваемые на русском языке и распространяемые в мечетях России.

В результате столь массовой идеологической интервенции в среде российского ислама резко увеличилось число мусульман из числа русской, белорусской, украинской молодежи, имеющей весьма поверхностные представления об исламе. Распространение радикальных идеологий, пополнение новоявленными мусульманами рядов экстремистских движений, востребованность подобных идей молодежью свидетельствуют о глубоком социальном неблагополучии, религиозном и правовом невежестве.

По сведениям УФСБ, в состав экстремистской группировки «Хизб ут-Тахрир», действовавшей на территории Самарской области, входили 15 человек. Они вели отчет о проделанной работе и поддерживали связь с членами организации в других странах, в том числе и через Интернет. Мусульманские лидеры Самары резко осудили опасные действия группы молодых людей, объединившихся, по сути, в сектантскую, почти тайную организацию. Има-

мам было предписано активно проводить соответствующую разъяснительную работу.

Все периодические издания ДУМ Нижегородской области так и или иначе касаются темы радикализма, экстремизма и терроризма. С другой стороны, реальных проявлений радикального ислама непосредственно в Нижегородской области практически не имеется, за исключением одного эпизода. В 2005 г. правоохранительными органами были задержаны 12 человек из числа проживающих в Нижнем Новгороде мусульман, обвиненных в причастности к деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир».

ДУМ Нижегородской области обратило внимание общественности на то, что среди задержанных не было «ни одного татарина, ни одного коренного нижегородца». «Мы ответственны, прежде всего, за постоянных прихожан, с которыми ведем повседневную работу по профилактике экстремизма. Если бы, – рассуждают в Духовном управлении, – у нас была возможность контроля над мигрантами-мусульманами в виде реальных полномочий, мы так же работали бы и с ними, неся ответственность и за них».

ДУМ Нижегородской области неоднократно предлагало свои услуги властям «в деле окультуривания мигрантов». Долгие годы в силу неафишируемого противостояния властей и Духовного управления эта идея рассматривалась как притязания мусульман на часть властных полномочий государства. Однако волнения азербайджанцев в Нижнем Новгороде в 2006 г., вызванные убийством омонцовцами торговца, показали, что власть вынуждена прибегнуть к спасительным мерам – привлечению лидеров ДУМ к переговорам. С учетом того, что поток мигрантов в этот самый крупный город ПФО будет увеличиваться, идеи ДУМ Нижегородской области выглядят как реальное желание помочь властям и обществу справиться с проблемой.

Особое значение для региона и РФ в целом имеет проблема изживания экстремизма и терроризма. Задачей российского общества является создание таких условий жизни, при которых радикальная идеология изжила бы сама себя, не будучи востребованной людьми. Важно создавать особую атмосферу неприятия не только методов террористов, но и их воззрений. Именно этому способствует видение ислама традиционными юридическими школами, в частности ханафитским мазхабом. В своей монографии «Исламская альтернатива и исламистский проект» один из ведущих исламоведов России А.В. Малащенко указывает на то,

что ханафитский мазхаб является фактором сдерживания радикализма.

О том, что противодействие радикальному настрою следует оказывать, прежде всего, с позиций богословия, наглядно свидетельствуют работы специалистов, исследующих феномен терроризма. Группа авторитетных турецких ученых в 2004 г. опубликовала книгу «Ислам о терроре и акциях террористов-смертников». Основной вывод авторов заключается в том, что убийство и самоубийство в исламе запрещены, а следовательно, те группы, которые это практикуют, отошли от ислама. Согласно мнению руководства ДУМ Нижегородской области возрождение ханафитской школы – это и есть средство идеологической борьбы против экстремизма.

Работа по противодействию национальному и религиозному экстремизму является одним из важных направлений деятельности органов власти на территории Ульяновской области. Здесь отсутствуют очевидные очаги национальной или религиозной нетерпимости. Вместе с тем большую обеспокоенность с точки зрения угрозы безопасности Российской Федерации вызывает раскол в местной мусульманской умме. В Ульяновской области существуют два духовных управления мусульман. Ведущее место занимает Ульяновское региональное Духовное управление мусульман (муфтий С. Сулейманов) в составе ЦДУМ России (Верховный муфтий РФ Т. Таджуддин), в состав которого входят 74 мечети. Активную работу среди верующих проводит ДУМ Ульяновской области (муфтий Ф. Алиуллов) в составе ДУМЕР (председатель Совета муфтиев России Р. Гайнутдин). В его состав входят 16 мечетей.

Данной ситуацией стремятся воспользоваться мусульманские миссионеры из стран Центральной Азии, Северо-Кавказского региона, посещающие Ульяновскую область с целью распространения среди местных мусульман идеологии радикального ислама. К числу идей, настойчиво пропагандируемых идеологами радикального ислама, относятся утверждения о примате религиозных норм над светским правом, призывы к дискриминации христиан, иудеев и сторонников иных религиозных систем, призывы к джихаду во имя построения всемирного исламского государства (халифата), «так, чтобы исчезло всякое язычество, и вся религия принадлежала бы Аллаху». В регионе имеются последователи такого вида религиозной пропаганды. В сентябре 2005 г. Ульяновским областным судом осуждены члены банды, состоявшей из приверженцев исламской экстремистской религиозной организации «Джамаат».

Фактором, укрепляющим стабильность в регионе, может стать объединение противоборствующих муфтиятов в единое духовное управление. Некоторые предпосылки для этого есть – ряд исламских лидеров региона предлагают начать процесс объединения вокруг компромиссной фигуры муфтия с хорошим исламским образованием, полученным в России, высоким уровнем толерантности, общей культуры, готовности к конструктивному диалогу, яркими лидерскими качествами.

На встречах президентов республик и губернаторов регионов Поволжья с местными мусульманскими лидерами в последние годы постоянной стала тема противодействия экстремизму. 11 марта 2010 г. в Чебоксарах состоялась встреча полпреда Президента РФ в Приволжском федеральном округе Г.А. Рапота и глав духовных управлений мусульман 14 регионов ПФО. Главной темой этой встречи стала проблема экстремизма. Полпред выразил озабоченность тем, что в исламское учение, в уже сложившиеся традиции, пытаются внедрить «чуждые идеологии, замешанные на ненависти и нетерпимости, обесценивании человеческой жизни». По его словам, угрозу раскола в рядах российских мусульман создает деятельность западных экстремистских движений. Они используют не только религиозную непросвещенность людей, но и реальные недостатки, проблемы мусульманских организаций, а кроме этого, недоработки и недостаточное внимание к исламу региональных и муниципальных органов власти. В качестве лекарства от этой болезни Г.А. Рапота предложил возродить добрые российские исламские традиции.

Саратовский имам Мукаддас-хазрат Бибарсов, выступая на совещании, также обратил внимание на важность взаимопонимания между органами власти и духовными управлениями для предупреждения распространения радикальных настроений. Крайности возникают там, где недостаток знаний сталкивается с равнодушием людей и иногда – с попустительством властей.

Г.А. Рапота подчеркнул, что мусульманские лидеры сегодня представлены в общественных палатах всех регионов Приволжского федерального округа, а также в иных координационных и совещательных органах. Председатель Духовного управления мусульман Чувашской Республики Альбир-хазрат Курганов при поддержке всего общественного сектора ПФО избран членом Общественной палаты РФ. Во всех регионах округа активно действует созданный в 2006 г. Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, который оказывает значительную помощь исламским организациям ПФО.

В 2010 г. Минобрнауки Российской Федерации начинает реализацию комплексной ведомственной программы по поддержке исламского религиозного образования, оказания помощи медресе, в том числе – в регионах Приволжского федерального округа. Говоря о проблеме экспертизы религиозной литературы, полпред подчеркнул, что осенью 2009 г. при Министерстве юстиции РФ был создан научно-консультативный совет по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма. В его состав вошли авторитетные российские исламоведы, представители мусульманских религиозных организаций и мусульманской науки.

Участники встречи в своих выступлениях отмечали, что во всех регионах ПФО осуществляется взаимодействие органов власти и исламских организаций в социальной сфере, в сфере культуры и образования, в молодежной политике. Полномочный представитель Президента РФ в ПФО особо подчеркнул, что отношение государственных органов к объединениям мусульман определяется положениями Конституции и Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Г.А. Рапота сказал: «Позиция органов государственной власти состоит в том, чтобы, не вмешиваясь во внутренние дела мусульманского религиозного сообщества, сотрудничать со всеми ответственными, патриотически настроенными исламскими структурами».

В ходе встречи ее участники в качестве тревожащего фактора обозначили активность зарубежных радикально-экстремистских движений, организаций, которые квалифицируются как экстремистские и в России, и за рубежом. Эти движения и их сторонники дискредитируют российский ислам, создают угрозу раскола в рядах мусульман.

«Власть», М., 2010 г., № 6, с. 57–60.

Галина Хизриева,

востоковед

СУФИЗМ В РОССИИ: ВИРДОВЫЕ БРАТСТВА КАДИРИЙА НА КАВКАЗЕ

Суфизм сыграл огромную роль в исламизации Северного Кавказа и распространении ислама в Поволжье, Сибири и Крыму, а также способствовал установлению неформальных связей между мусульманскими народами бывшей Российской империи. Однако его роль в формировании систем социальной организации мусуль-

манских народов бывшего СССР остается практически неизученной. Анализ данных об институтах шейхства, так называемом мурдизме, об общественно-политических, религиозных движениях на основе суфизма позволил приблизиться к пониманию того, что религиозная и политическая жизнь мусульманских народов на постсоветском пространстве представляет собой сложное симбиотическое единство, традиции которого были заложены во второй половине XVIII в. Наиболее ярким примером этого является социорелигиозная жизнь мусульман-вайнахов. В недавнем прошлом эти народы представляли собой малочисленные и враждующие между собой разрозненные кланы, различавшиеся по социальному укладу. Ныне большинство вайнахов являются последователями суфийского шейха Кунта-хаджи Кишиева и его учеников, создавших братство Кадирийя. История становления мусульманского образа жизни у вайнахских народов Северного Кавказа, по сути, является историей становления самих этих этносов. Их этничность находится под эгидой их религиозности. Ни культурно-языковая общность, ни общность исторических судеб, обычно выделяемые как компоненты этнической консолидации, не смогли сыграть той роли, которую сыграл суфизм в их этническом становлении. Своеобразие избранного ими религиозного пути помогало этим народам сохранять свои традиции и специфику внутриобщинных социальных отношений в условиях, способствовавших скорейшей ассимиляции. Горцы Северо-Восточного Кавказа, территория обитания которых постоянно оказывалась на пересечении экономических и геополитических интересов могущественных государств Востока и Запада, на пересечении двух религиозных традиций – православной и мусульманской, – всегда находились в эпицентре политических переломов в жизни российского, затем советского и постсоветского общества. Под их напором эти народы могли бы быть полностью ассимилированными мощными культурными традициями, если бы не суфийский ислам. Разделяющий этносы на небольшие группы верующих, отличающиеся ритуальной практикой, но объединяющий их в сверхсложные религиозные сообщества в лоне общей доктрины, суфийский ислам сделал их неуязвимыми для ассимиляторской деятельности государства. Так, общность ритуалов Кадирийя для многочисленных разрозненных групп Северо-Восточного Кавказа (Чечня, Ингушетия, северо-западная нагорная часть Дагестана) с XIX в. и до настоящего времени играет большую роль в консолидационных этнических процессах, идущих на этих территориях. Благодаря религиозному фактору и особенностям своей ритуальной практики, отделяющей

их не только от всего христианского мира, но и от мусульманского мира Северного Кавказа, современные чеченцы и ингуши стали одним из самых многочисленных мусульманских этносов России. Нет ничего удивительного в том, что чеченцы и ингуши выжили именно за счет религиозной солидарности, ибо они крепко держатся за свои мусульманские традиции, особые ритуальные практики и свой образ жизни.

Еще в конце XIX в. мусульманами Северо-Восточного Кавказа была найдена новая форма социальной организации, которая стала наиболее эффективной с точки зрения процессов консолидации по сравнению со старой тухумно-тейповой (патронимической) организацией. Речь идет о системе вирдовых братств. Сегодня вирд на Северо-Востоке Кавказа в социальном смысле представляет собой нелокализованную общину мусульман, образованную вокруг имени муршида/шейха/устаза/хаджи, с особой социальной структурой, институтами религиозного и социального самоуправления. Этой сетью вирдов покрыта значительная часть Северного Кавказа. Вирд на территории бывшей Чечено-Ингушской Республики является также надтейповой (в Дагестане же – надтухумной и надэтнической) формой социальной организации мусульман. Вирды многочисленны, но их количество значительно меньше количества тейпов. Это более высокая форма консолидации общества по сравнению с тухумно-тейповой; вирд может насчитывать десятки тейповых образований и сотни семейных групп. Функциональное отличие вирда от тейпа кратко можно сформулировать следующим образом: если тейповая структура обслуживает «жизнь», т.е. отвечает за правильное оформление начала жизненного цикла человека – устройство брака и рождение потомства, то вирд отвечает за «смерть» – правильное завершение жизненного цикла. Но это не единственное различие. Особенность вирда как формы социорелигиозной жизни состоит в том, что он выполняет ту роль, которая не могла выполняться тейповой структурой: принадлежность к вирду вписывает его представителя в широкую орбиту мусульманской культуры, не связанную ни с какой иной идеологией, кроме исламской. В свою очередь, принадлежность к этой культуре формирует ощущение сближения с единоверцами во всем мире и укрепляет чувство его защищенности в окружении немусульманских культур.

Советский период ознаменовался тем, что эта форма социальной жизни планомерно уничтожалась и всякое проявление ее жестко преследовалось. Однако возрождению и развитию ее немало способствовало выселение ингушей и чеченцев за пределы Кав-

каза. В казахстанской ссылке, согласно моим полевым материалам 1999–2004 гг. – опросам очевидцев, алимов и руководителей ритуальных практик, – возродились многие традиционные институты ингушей и чеченцев. Некоторые из наших респондентов, бывшие в те годы детьми и подростками, рассказывают, что они впервые увидели отправление ритуала богопомятия (зикр) именно в ссылке. До этого они не имели возможности наблюдать его, поскольку родились уже в советское время и к 1944 г. уже во многом испытали влияние пропаганды советского образа жизни. До выселения многие из них ощущали себя в первую очередь гражданами «своей советской Родины», затем – ингушами или чеченцами из той или иной местности, и лишь после этого – мусульманами. Одним из результатов ссылки стало разочарование в советской идеологии. В обстановке отчаяния и безысходности, под влиянием сельского вайнахского населения, произвольно смешавшегося с сельским населением Казахстана и городскими вайнахами, начали обновляться процессы социорелигиозной поляризации вокруг имени того или иного известного шейха. Ощущение того, что «мы» – прежде всего «мусульмане», усилилось и окрепло именно в ссылке. Новые социогенетические процессы были вписаны уже в контекст не советской, но исламской идеологии. Можно сказать, что депортированные народы, и в частности вайнахи, первыми расстались с советской идеологией, придя к коллективному убеждению, что ислам, шариат, вирд и шейхи, а не «советский интернационализм» и «пропаганда равенства трудового народа», спасли их от голодной смерти, помогли выжить и дали силы для восстановления. Таким образом, на первое место вышла вирдовая идентичность, связанная с суфийским исламом.

По возвращении вайнахов из ссылки во второй половине 50-х – начале 60-х годов XX в. началось массовое паломничество к местам захоронения мусульманских святых под видом обычных похорон или перезахоронений, а советские весенние праздники (так называемые «маевки») стали хорошим поводом для мусульманских праздников. Зикр, мавлиды с исполнением духовных песен – назманаш – стали выдавать за традиционные танцы и песни народов Кавказа, к исполнению которых у советских руководителей не было претензий. Да и многие секретари обкомов партии из вернувшихся вайнахов совершали намаз и держали вирд, запираясь в своих кабинетах. На волне либеральной оттепели 1960-х годов Москва до определенного момента смотрела на это сквозь пальцы. Но эйфория первых лет после реабилитации прошла. Проблемы в сфере национальной политики, созданные властями за

годы депортации, не решались. Продолжалась культурная и экономическая депривация вайнахов. Энергия межнационального напряжения стала прорываться наружу. Уже в конце 1960-х годов усилилась антиисламская атеистическая пропаганда, направленная на борьбу с культом святых в исламе, паломничеством к их могилам и святым местам — зиаратам. В 1970-е годы процесс развития социорелигиозных структур вновь был приостановлен властями, а вирдовые братства оказались в самом глубоком в их истории религиозном подполье. Этот период истории становления вирдовых братств, пожалуй, наиболее темный как в Чечне и Ингушетии, так и в Дагестане. В это время этническая идентичность становится более важной по сравнению с религиозной, поскольку теперь вирдовая организация перестает нести на себе прежде важнейшую функцию внутригрупповой взаимопомощи. С одной стороны, частично ее заменили советские институты социальной защиты населения. С другой — успех в обществе зависел теперь не от связи с традиционными институтами, а от близости к партийно-административной элите общества. Появляются не межвирдовые, а сословные брачные союзы, формируется вайнахская элита этнического партийно-хозяйственного актива республики. Однако вирдовая идентичность и исламские институты лишь в незначительной степени отступают на периферию социальной жизни. Вплоть до развала Союза они по-прежнему играют важную роль в брачно-семейной и социально-религиозной сферах.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов социальная жизнь Северо-Восточного Кавказа начала возвращаться к своему первоначальному истоку. Вновь на первый план выходит мусульманская (вирдовая) идентичность, способная вписать народы Северного Кавказа в общемусульманский контекст и найти им достойное место в духовной культуре мусульманского мира. Новые национальные военно-политические элиты незамедлительно начинают использовать этот потенциал, поскольку он открывает для них небывалые возможности для личного процветания и неограниченной власти. Открытость всем модернизационным процессам исламского мира этой части бывшего СССР имела свои положительные и отрицательные последствия. К положительным можно отнести достижение высокого уровня мусульманской образованности, которую, конечно, необходимо отличать от образованности светской. Система светского образования, в основе которой лежало хорошее знание русского языка и литературы, мировой истории, иностранного языка и специальных дисциплин, в результате перестроечной экономической разрухи и двух последних войн на всем Северном

Кавказе, и особенно, конечно, на территории бывшей Чечено-Ингушской Республики, была разрушена. Ее сменила система крайне коррумпированных постсоветских учебных заведений, которая не могла конкурировать с мусульманским образованием, поддерживаемым ежедневными нуждами ретрадиционализирующейся жизни. Восстановление институтов религиозной жизни вайнахов, желание исследовать и усвоить уроки прошлого, возрождение уважения к духовной традиции отнесем к положительным последствиям, потому что тейпово-вирдовые социальные институты усилили внутрigrupповую поддержку вайнахов как в их национальных республиках, так далеко за их пределами. Возрождение мусульманского образования и легализация традиций социальной организации вайнаховской религиозной жизни тесно связаны между собой. И эта связь не сводится лишь к обсуждению религиозных противоречий между представителями вирдовых братств и, к примеру, ваххабитами – она гораздо глубже. Наличие этой связи говорит о глубинных подвижках в коллективном сознании и самосознании, затрагивающих главные мировоззренческие проблемы современных мусульман Северного Кавказа, которые касаются «последних вопросов бытия». Эти подвижки отражаются в погребальной символической организации некрополей, поскольку эсхатологические вопросы стоят в центре всякой религиозной традиции. Они же занимают ключевое место в ритуальных суфийских практиках Кадириййа и Накшбандиййа, распространенных на Север-Востоке Кавказа.

О развитой общемусульманской культуре в регионе красноречиво свидетельствуют надмогильные типичные стелы, устанавливаемые в последние годы. Однако не все они несут явный отпечаток вирдовой принадлежности. Надписи на таких стелах грамотно выполнены на русском и арабском языках. Они могут содержать изображения мечети, звезды и полумесяца. Других признаков, вписывающих их в традицию, может и не быть. Существует и другой тип стелы, включающий ее в традиционное культурное пространство. На стеле могут быть изображены как общемусульманские символы – мечеть, звезда (часто пятиконечная – марокканская) и полумесяц, так и традиционные – розетка или круг, куда вписывается формула богопоминания. На обновленной в недавнее время стеле одного из ингушских устазов (Батал-хаджи) изображено солнце в виде золотого полукруга с лучами, расходящимися в разные стороны прямо от земли, тогда как на надмогильных стелах его муридов это символическое изображение солнца имеет вид обратной свастики. Редкое их однообразие рес-

понденты объясняют тем, что эти изображения были восстановлены по единому образцу вернувшимися из ссылки родственниками покойных. В самом начале кладбища находится вирдовый зиарат основателю вирдового братства шейху Батал-хаджи и его ближайшим муридам. Аскетизм могил муридов резко контрастирует с богатством и техническим обеспечением зиарата. Могила Батал-хаджи огорожена массивной латунной оградой, на большой высоте установлены прожекторы, освещающие могилу шейха в течение всей ночи. Некрополи других вирдовых братств не столь четко организованы, что свидетельствует о большем влиянии семейных традиций, достатка или социального статуса покойного. По многим стелам легко определить и пол покойного: колыбель, ножницы, иголка с ниткой изображены на женских стелах, пистолет, газыри, четки – на мужских. Наиболее старые надмогильные стелы обоих некрополей имеют резьбу по камню с многочисленными надписями по-арабски. Встречаются на стелах отдельные виды символов времен Кавказской войны, которые указывали на принадлежность к вирду. Круг, изображенный на подобных стелах или стелах, установленных до депортации, толкуется отдельными респондентами как изображение кругового зикра, а «завихренная» розетка, по их мнению, помогала придать кругу изображение движения. Левосторонние и правосторонние «завихренные» розетки – это мусульманское переосмысление с точки зрения зикра древнейшего символа жизни, восходящего, возможно, к древнеперсидскому символу «непокоренного солнца». В богатой ингушской символической традиции находят изображение на стеле наиболее компромиссные мусульманские символы – звёзды (часто выполненные красной краской), треугольники, схематические розетки, использовавшиеся еще в доисламскую эпоху. С 1956 г. и до перестройки начинают появляться надмогильные стелы нового поколения. Изображения на них нанесены краской (чаще красной), имеются деревянные стелы с надписями по-арабски. Крайняя бедность вернувшихся вайнахов и утрата ими мусульманской книжной культуры в том объеме, в котором они ею владели до высылки, привели к тому, что арабская графика уже была плохо известна изготовителям стел.

Неудивительно, что возрождение мусульманской учености и системы традиционных представлений в регионе подвигает потомков к обновлению надписей на стелах или их полной замене на более «престижные» с точки зрения традиции. Пережив религиозную легализацию и политическую реабилитацию, вайнахское общество переживает и десакрализацию своей духовной культуры.

В области «тайного» остается только то, что действительно является таковым с религиозной точки зрения, – знание эсхатологических истин. И здесь обращение к фигуре великого шейха Кунта-хаджи и других кадирийских шейхов-вайнахов как к носителям «последних тайн» мироздания вписано в общеисламский контекст. Согласно устному преданию, шейх Кунта-хаджи является потомком сына Али – одного из асхабов Пророка Мухаммада и защитника идеи громкого богопомятия – Хусейна. Письменных свидетельств этому нет, но устная традиция ссылается на слова самого Кунта-хаджи (согласно моим полевым материалам 2005 г.). Традиция прямо не указывает, но тонко намекает на то, что он мог бы считаться «двенадцатым имамом» – «сокрытым имамом». Таким образом, основатель союза вайнахских вирдовых братств Кунта-хаджи был легитимизирован традицией и как политический, и как духовный лидер мусульман Северного Кавказа. В этом контексте Шамиль, не являвшийся шейхом, выглядит, конечно, в большей степени узурпатором духовной власти, чем легитимным мусульманским правителем. Религиозное соперничество было перенесено в политическую сферу тогда, когда социальные структуры вайнахов, выстроенные Кунта-хаджи, приобрели оформленный вид. Не имея ничего против «шейхства» самого Кунта-хаджи, дагестанские алимы, близкие Шамилю, начали вести борьбу против его общины.

В ссылке традиция устного повествования о деяниях и жизни шейха Кунта-хаджи получила дополнительный импульс. Личности шейхов, носителей традиций вирдовых практик, вокруг которых поляризовались после Кавказской войны духовные силы вайнахских общин, начали играть роль регенерации социальной ткани вайнахского общества. До сегодняшних дней принцип вирдового устройства кладбищ объединяет многочисленные разбросанные войной и лишениями чеченские и ингушские роды и семьи, связывая их с ушедшими поколениями их родных и единоверцев в единую общину, объединенную общей ритуальной практикой и эсхатологической символикой. И в этой жизни, и за ее пределами община остается равной самой себе, ожидая смерти и воскрешения под рукой шейха своего вирдового братства. Поэтому никакие иные идеологии пока не в состоянии успешно конкурировать в вайнахском обществе с доктринами местных шейхов, воплощенными в вирдовую идеологию и вирдовую социальную организацию. Так, к примеру, невнятная идеологическая позиция Российского государства, все еще не определившегося с такими основными понятиями, как «общенациональная идея», «нацио-

нальные интересы», «внутренняя национальная политика», наталкивается в этой среде на эффективную объединительную идеологию, эффективную политику и вполне эффективную социальную модель. Политические методы, направленные на разрушение ее извне, а также на разложение ее изнутри, кроме того что они преступны и, как правило, недостойны, являются бесполезными и контрпродуктивными, т.е. направленными против себя самих.

«Ислам в Европе и в России», М., 2009 г., с. 134–145.

В. Колосов,

политолог

РОССИЙСКИЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

В соответствии с постмодернистскими концепциями в географии, основывающимися на работах французского философа Мишеля Фуко и английского географа Дэвида Харви, роль, восприятие и использование пространства отдельными людьми и социальными группами постоянно меняются в зависимости от социальной практики. В нее входят, в частности, политический дискурс, направленный на изменение или укрепление определенных социальных представлений, в том числе геополитических. Доказано, что дискурс играет большую роль в формировании политической карты и «территориальности» человека.

У каждой социальной или региональной группы есть свое представление о территории. Иногда эти представления совпадают, но нередко находятся в остром противоречии.

Геополитическая культура – это культура знаний о внешнем мире и интерпретации роли государства как субъекта международной деятельности. Это также совокупность институтов и культуры взаимодействия между общественными силами, занимающимися разработкой внешней политики. Геополитическими представлениями (geopolitical imaginations) называют бытующие среди определенной социальной группы или всего населения страны образы и связанные представления о месте страны (этнокультурной группы) в мире, ее союзниках и противниках, границах, это также отношение к внешним силам. Геополитическое видение мира – нормативная ментальная политическая карта мира или региона в совокупности с представлениями о действующих в них силах, влияющих на внешнюю политику.

Геополитическое видение формируется под воздействием многочисленных факторов: семейных традиций, образования, личного опыта человека, в частности размеров и конфигурации освоенного им пространства, рекламы, литературы и искусства, кино, СМИ, создающих и распространяющих набор мифов, стереотипов и представлений о национальной истории и территории. Эти представления распространяются в ходе геополитического дискурса, синтезирующего некоторую информацию о международных делах в привязке к территории. Геополитический дискурс чаще всего инициируют и поддерживают СМИ, обычно обслуживающие интересы определенных групп элиты.

1. Геополитическое видение территории страны: Социальные представления и дискурс

Сложившиеся в стране экономико- и культурно-географические градиенты и разломы («север–юг», «восток–запад», «город–село», «ржавые пояса – силиконовые долины» и т.п.) используются политическими силами для продвижения своих воззрений на главные внутривнутриполитические проблемы и для усиления соответствующей геополитической культуры. Районы, города и другие географические объекты становятся символами, имеющими особую ценность для той или иной культуры. Появляются специфические пространственные маркеры, вызывающие серию определенных ассоциаций. Формирование «внутреннего» геополитического видения предполагает создание ментальной модели территории страны, состоящей из взаимосвязанных образов ее внутренней дифференциации, регионов, городов и других элементов геопространства.

В таких традиционно высокоцентрализованных странах, как Россия или Франция, исключительная роль всегда принадлежала столичному региону. Представления о столице обычно многогранны. Некоторые из них символизируют страну в целом и предназначены в основном для внешнего «пользователя». Другие складываются в результате синтеза представлений граждан о центре своей страны и отражают восприятие ими ее политического режима, статуса в мире, своего собственного уровня благосостояния. Например, московские власти стремятся создать образ российской столицы как главных ворот России в мир современного европейского центра и мирового города. Парадоксальным образом Москва поменялась символическими ролями с Санкт-Петербургом. Тради-

ционно особенностями географического положения, архитектурой и культурным наследием Петербург воплощал принадлежность России к европейскому культурному миру. Напротив, Москва воспринималась как хранительница русских традиций и противопоставлялась космополитическому Петербургу. Ныне именно Москва ассоциируется с интеграцией России в мировые и особенно европейские сетевые структуры, преодолением ее вековой изоляции, социальными инновациями, успехами рыночной экономики и вызывающей роскошью «новых русских», тогда как Петербург приобрел имидж города, органически связанного с окружающей территорией – глубинной Россией.

В крупных государствах с разнообразными природными и социально-географическими условиями и пестрой этнической структурой геополитическое видение национальной территории особенно важно. Оно составляет элемент идентичности и может выступать мощным фактором политической интеграции и целостности страны. В советский период жесткий идеологический контроль способствовал определенной социальной и территориальной стандартизации геополитических представлений.

После распада СССР геополитическая культура подвержена постоянным изменениям, в ходе которых представления о некоторых территориях претерпели радикальные изменения. В число таких территорий, несомненно, входит Северный Кавказ, постоянно находящийся в фокусе геополитических дискурсов в связи с событиями в Чечне и других регионах. В советское время Северный Кавказ представлялся как внутренний район, известный прежде всего благодаря курортам Черноморского побережья и Кавказских Минеральных Вод. Он виделся также как одна из главных житниц страны и ее «этнографический музей». Эти представления радикально изменились после распада СССР. Северный Кавказ стал ареной острых национальных столкновений и войны в Чечне, ныне граничит с районами кровопролитных конфликтов в бывших соседних советских республиках. Сегодня образ Северного Кавказа ассоциируется с такими понятиями, как «война», «терроризм», «насилие». Их использовали 42% россиян, опрошенных в 2005 г. фондом «Общественное мнение» (ФОМ). Только у 8% респондентов название региона вызвало положительные ассоциации – «море», «горы», «хорошая погода», «отдых», «курорты». Такие представления в значительной мере формируются средствами массовой информации, в первую очередь телевидением. По подсчетам А.Г. Дружинина, более 70% информации о Южном федеральном

округе на общегосударственных каналах носит негативный характер.

Задача нашей работы – определить место Северного Кавказа в современном геополитическом дискурсе и геополитическом видении жителей самого региона. Считают ли они весь Северный Кавказ неотъемлемой частью России или же полагают возможным отделение какой-либо его части? Почему этот регион важен для России? В каком направлении развивается ситуация? Каковы наиболее важные определяющие ее факторы? Какие политические выводы следует сделать из недавних событий в регионе и что нужно в связи с этим предпринять? Каковы перспективы региона с точки зрения представителей разных геополитических культур и традиций?

2. Официальный геополитический дискурс

В официальном дискурсе (табл. 1) главный аргумент заключается в том, что Россия просто не может позволить себе «уйти» с Северного Кавказа или его части. В интервью представителям зарубежных СМИ В.В. Путин не раз подчеркивал, что действия федеральных сил на Северном Кавказе определяются не только необходимостью подавить гнездо терроризма, но и опасностью, которую представляла собой неуправляемая Чечня для всего Российского государства. Агрессия де-факто независимой Чечни против Дагестана в 1999 г. и исходившие от нее непрерывные подрывные акции против соседних регионов ясно продемонстрировали, что целью террористов было создание глубоко враждебного России мусульманского государства «от моря и до моря». Вызванный им социальный хаос мог распространиться на другие мусульманские регионы страны, что поставило бы под угрозу само существование России. Поэтому каждый истинный патриот страны должен поддерживать непримиримую борьбу против терроризма и сепаратизма.

Второй аргумент заключается в том, что подавляющее большинство северокавказских народов не мыслит себя без России. Совместная с федеральными силами борьба дагестанцев с чеченскими террористами стала этому ярким доказательством. На организованном в Чеченской Республике в присутствии иностранных наблюдателей референдуме около 80% избирателей высказались за союз с Россией. Трансферты из федерального бюджета составляют в среднем 74% бюджетов северокавказских республик.

Содержание и структура официального геополитического дискурса

«Грамматика» дискурса	Дискурс
Характеристика современной ситуации в регионе	
Почему Северный Кавказ важен для России?	Речь идет о самом существовании Российского государства. Чечня – не только очаг терроризма. «Если мы позволим создать фундаменталистское государство от одного моря до другого, то потом это распространится и на другие районы компактного проживания мусульманского населения России... Любая страна встала бы на защиту своей территориальной целостности».
Как меняется ситуация?	Обстановка постепенно нормализуется: число террористических актов значительно сократилось, экономическая ситуация улучшается.
Каковы внешние факторы и международные последствия ее развития?	Терроризм на Северном Кавказе – часть международной террористической угрозы. Россия находится на переднем крае борьбы против международного терроризма. Однако Запад пытается применять двойные стандарты к оценке ситуации на Кавказе и в других районах – например, на Балканах.
Действующие силы и причины	
Каковы причины создавшегося положения?	Факторы развития ситуации – и внутренние, и внешние. Социально-экономическое положение в регионе (бедность, безработица, коррупция, недоверие властям) имеет большое значение.
Чем объясняется ситуация и кто несет за нее ответственность?	Международный террористический интернационал. Трудности постсоветского переходного периода
Политические интересы и выводы	
Какие политические выводы должны быть сделаны?	Компромиссов с террористами быть не может. Территориальная целостность страны – условие ее процветания, и ее защита – патриотический долг каждого гражданина.
Какие меры следует предпринять?	Укреплять правоохранительную систему, способствовать экономическому развитию, создавать средний класс.

Третий аргумент официального дискурса состоит в том, что действия федеральных сил против чеченских сепаратистов – часть борьбы против международного терроризма. Еще несколько лет назад атака террористов «Аль-Каиды» против американских городов послужила основой нового официального российского геополитического дискурса, в котором противоборство между «цивилизованными» и «варварскими» силами, в том числе чеченским терроризмом, было представлено как фундаментальная основа мировой политики и показано, что России в этом противоборстве принадлежит важное место среди цивилизованных стран. Ныне подчеркивается, что официальные делегации Совета Европы отмечают улучшение положения с правами человека на Северном Кавказе. Рассматривая международные аспекты событий в регионе, В.В. Путин в то же время неоднократно отмечал, что Запад применяет двойные стандарты к оценке ситуации на Кавказе, в России и в районах, находящихся под его контролем, – Боснии, Косове, и др. Это касается не только прав человека. Западные державы ведут дело к провозглашению государственной независимости Косова одновременно обвиняя Россию в поддержке самопровозглашенных республик на постсоветском пространстве.

Четвертый аргумент официального дискурса – улучшение ситуации на Северном Кавказе служит доказательством правильности правительственного курса. Представитель президента в ЮФО Д. Козак докладывал В.В. Путину, что за последние два года число террористических акций в регионе сократилось втрое, а общий уровень преступности в расчете на 100 тыс. жителей на 40% ниже среднего по стране. Наблюдаются отчетливые признаки улучшения экономической ситуации. За первую половину 2006 г. производство промышленной продукции возросло на 7,9% – больше, чем в среднем по России. Социологические опросы фиксируют рост социального оптимизма. Объявленная Государственной думой амнистия побудила многих террористов сложить оружие. Уничтожены их многие лидеры, в том числе Ш. Басаев.

В числе причин сложившейся на Северном Кавказе ситуации указывалось, во-первых, на внешнюю поддержку радикальных движений. Масштабные террористические акции были бы без нее невозможны. Во-вторых, питательной основой терроризма служат бедность, безработица, коррупция. Отсюда вытекает, что надо всемерно укреплять правоохранительную систему, органы охраны правопорядка: никакие компромиссы с террористами невозможны, от них нельзя откупиться подачками. Против тех, «кто взял в руки оружие, угрожает жизни и здоровью наших граждан, целостности

Российского государства», правоохранительные органы должны действовать «слаженно, эффективно, жестко». В то же время В.В. Путин четко высказывается за целенаправленные усилия государства по ускорению хозяйственного развития Северного Кавказа: «...необходим рост экономики и создание среднего класса». «Дело не в деньгах, – подчеркнул В.В. Путин. – Они у нас есть и помимо Стабфонда. Дело – в их эффективном использовании». В сентябре 2006 г. В.В. Путин объявил о создании Комиссии по вопросам улучшения социально-экономического положения в Южном федеральном округе. Существует тенденция преувеличивать инвестиционные риски на Северном Кавказе: угроза терроризма становится меньше. Росту капиталовложений мешает негативный имидж региона.

Упор в официальном геополитическом дискурсе на позитивные тенденции находится в некотором противоречии с фоном освещения событий на Северном Кавказе в ведущем официальном печатном СМИ – «Российской газете». Она наиболее регулярно дает информацию из региона, однако из появившихся за год 63 публикаций о нем в 52 речь шла о террористических акциях, действиях сил правопорядка по борьбе с терроризмом, перспективах амнистии и т.п. Хотя в большинстве случаев «Российская газета» старалась сохранять позитивный тон или ограничивалась сухой информацией, она явно не способствовала изменению имиджа Северного Кавказа в глазах россиян. В 6–7 публикациях содержалась критика властей, преимущественно в форме интервью.

Так, бывший президент Северной Осетии А.С. Дзасохов косвенно обвинил нынешний политический режим в упадке промышленности северокавказских республик, что поставило русское население в особенно обездоленное положение и вынудило уехать значительную его часть. «Мононациональная республика – это замкнутость, самоизоляция, самолюбование, кривые зеркала истории, неспособность видеть дальние горизонты», – отметил Дзасохов. По его мнению, в основе проблем региона – не только состояние экономики и коррупция, но и отсутствие объединительной идеи, разъяснительной, просветительской, идеологической работы.

Сообщая о первом послании президента Чечни к народу и парламенту республики, «Российская газета» отмечает, что А. Алханов резко критиковал федеральную программу восстановления региона, сравнивая ее с наркотической иглой. В ней заинтересовано коррумпированное чиновничество, качающее деньги из центра. К тому же значительная часть федеральной помощи оседает в соседних регионах. Чечня должна кормить себя сама, и эко-

номический подъем могут обеспечить не нефтедобыча и нефтепереработка, а сельское хозяйство, малый и средний частный бизнес.

3. Геополитические дискурсы оппозиции

Левый дискурс описывает ситуацию на Северном Кавказе и его роль для России в целом в тех же словах, что и официальный: этот регион жизненно важен для страны, и его потеря означала бы первый этап развала Российского государства. Однако, в отличие от официального дискурса, коммунисты полагают, что война в Чечне далеко не окончена и риск крупномасштабного конфликта быстро возрастает. Возможный результат независимости Чечни тот же, что и в случае Косова – появление «клиентского» государства с крупной американской военной базой, существующего на иностранные деньги, управляемого гангстерами и боевиками, переправляющего в другие страны наркотики, секс-рабынь и военную контрабанду, глубоко вовлеченного в сепаратистский террор вдоль российской границы.

Причины столь тревожной ситуации двоякого рода – внешние и внутренние. Во-первых, за нее несут ответственность англо-американские империалисты, традиционно использующие лозунг национального самоопределения для включения новых территорий в свою сферу влияния. Поддерживая талибов в Афганистане в их борьбе против Советской армии и косовских боевиков против сербов, США способствовали формированию мусульманского фундаментализма. Они заинтересованы в дальнейшем расширении зоны своего экономического и финансового контроля, прежде всего над нефтяными ресурсами, и в дезинтеграции Российской Федерации как одного из немногих государств, которые еще могут сопротивляться их диктатуре. В левом и национал-патриотическом дискурсе обильно цитируются высказывания З. Бжезинского, вроде его многозначительной обмолвки: «...множество мелких этнических анклавов Северного Кавказа все еще находятся во власти России». Двойные стандарты глубоко органичны западному политическому мышлению. В левом дискурсе подчеркивается: Запад всегда считает себя правым, поскольку, по его мнению, созданная западными странами политическая система – венец демократии и несет миру свободу и процветание. США и Англия поддержали развал СССР и других социалистических стран Европы только потому, что они не были похожи на их безнравственные общества. В то же время в левом дискурсе отмечается, что убедительных до-

казательств широкой вовлеченности международного терроризма в акции на Северном Кавказе нет.

Во-вторых, в левом дискурсе ответственность за положение дел на Северном Кавказе возлагается на нынешний российский политический режим, виновный в полном уходе государства из экономики региона и ее деградации: разрушении целых отраслей народного хозяйства, безработице, бедности, тотальной коррупции. Именно в результате иррациональной политики Москвы произошла самоизоляция республиканских элит от собственного народа. «Советская Россия» приводит пример Кабардино-Балкарии. Вопреки официальным данным, как пишет газета, ВВП республики в последнее время ежегодно снижается на 3–5%. По уровню бюджетных расходов на душу населения она занимает одно из последних мест в РФ. Федеральный центр дотирует ее бюджет на 70%. Средняя заработная плата почти вдвое ниже, чем в среднем по стране. Современный период авторы газеты сравнивают со славным советским прошлым: в 1920 г. в Кабарде и Балкарии было всего две школы на 23 места, а за годы советской власти образовано 10 высших, 15 средних специальных учебных заведений, в которых обучалось свыше 15 тыс. студентов. Число профессоров и доцентов, докторов и кандидатов наук превышает число грамотных людей в 1920 г. Только в одном Нальчике в советские годы за одни сутки производилось продукции в 60 раз больше, чем во всей Кабардино-Балкарии в 1920 г. Никто и не слышал тогда о таких понятиях, как безработица, инфляция, рэкет, терроризм, коррупция, проституция и олигархия. Отношения между народами были мирными и дружественными.

В то же время «Советская Россия» посвятила за год на удивление мало материалов Северному Кавказу: всего 11 публикаций. По всей видимости, газету больше интересуют общие, «глобальные» и общероссийские геополитические проблемы – противостояние Востока и Запада и т.п. То же можно сказать и о газете «Завтра»: за год всего 10 материалов о Северном Кавказе. Национал-патриотический дискурс определяет ситуацию в регионе так же, как и официальные и левый дискурсы: вопрос касается самого существования России как независимого государства. Россия должна бороться за политическую стабильность на Кавказе, иначе она просто исчезнет с карты мира. «Завтра» резко критикует тех, кто под предлогом экономии средств федерального бюджета предлагает сбросить бремя проблем Кавказа, предоставив его самому себе: предоставить независимость Чечне и другим республикам, если они того пожелают.

Национал-патриотический дискурс отличают два аргумента: во-первых, акцент на дискриминацию и преследование русского населения, которое вынуждено мигрировать, не получая никакой помощи от федеральных властей. Без русского населения нельзя сохранить Северный Кавказ в составе Российского государства, подчеркивает «Завтра». Газета цитирует различные чеченские документы периода квазинезависимости Ичкерии и приводит лозунг, украшавший, по ее словам, в ту пору въезд в Грозный: «Русские, пожалуйста, не уезжайте! Нам нужны рабы и проститутки!». Однако власти ищут поддержки среди кого угодно, только не русских, пишет газета. Русский беженец по возвращении в Чечню может претендовать на компенсацию в 125 тыс. руб., а чеченец – 300 тыс.

Во-вторых, национал-патриотический дискурс о Северном Кавказе окрашен ярко выраженными антииммигрантскими настроениями. «Завтра» объясняет приток мигрантов из региона бедностью и нестабильностью. По ее мнению, мигранты представляют серьезную опасность для русской идентичности и культуры. Таким образом, ввиду повсеместного присутствия мигрантов, ситуация на Северном Кавказе касается каждого российского гражданина. Трудно удержаться от цитирования, как всегда, колоритных строк главного редактора газеты А. Проханова: «Что произошло с Москвой, некогда столицей Русского государства, гордым центром советской страны, а теперь – Вавилоном, где коренной москвич оттесняется все дальше к окраинам, а центр заселяется вальяжными горцами, и скоро названия арбатских переулков нужно будет дублировать на языках малоизвестных кавказских племен. И рынки, бесконечные рынки: продовольственные, вещевые, строительные, где клубятся миллионы. Пол-Азербайджана живет в Москве. И пол-Грузии – тоже в Москве. И пол-Армении тоже. А также несметные полчища узбеков, таджиков, молдавских цыган, китайцев, вьетнамцев и обитающих в рощах Бутова».

В национал-патриотическом дискурсе, как и в левом, ситуация оценивается как угрожающая и обостряющаяся. После событий в Нальчике Д. Рогозин, тогда еще лидер парламентской фракции партии «Родина», потребовал на страницах газеты «Завтра» ввести на Северном Кавказе чрезвычайное положение. Национал-патриоты согласны с коммунистами в том, что нельзя объяснить ситуацию заговором международных террористов. Радикальный исламизм, пишет «Завтра», всегда существовал в Чечне, Ингушетии и Северном Дагестане. Ныне, в условиях идеологического вакуума, его идеи пропагандируются среди народов, ранее традици-

онно лояльных России. Пророссийская часть северокавказского общества живет остатками советской идеологии. Советское наследие, воспоминания о Великой Отечественной войне чрезвычайно важны для старшего поколения: для него советская эпоха представляется периодом процветания, когда каждый мог найти работу, существовал порядок, поддерживались мирные отношения между народами региона.

Таблица 2

Содержание и структура левого геополитического дискурса

«Грамматика» дискурса	Дискурс
Характеристика современной ситуации в регионе	
Почему Северный Кавказ важен для России?	Речь идет о самом существовании Российского государства. Победа террористов на Кавказе будет означать этап на пути к распаду России.
Как меняется ситуация?	Риск крупномасштабного конфликта быстро возрастает.
Каковы внешние факторы и международные последствия развития ситуации?	Англо-американские империалисты – сообщники кавказских террористов: они поддерживают их, чтобы расчленив Россию и подчинить ее «осколки» своему влиянию. Убедительных доказательств причастности международного терроризма к акциям на Северном Кавказе нет.
Действующие силы и причины	
Каковы причины создавшегося положения?	Тотальная коррупция, разрушение хозяйства и бедность, вызванная уходом государства из экономики. «Кричащие проблемы народных масс стали питательной средой бандитизма... Реакционные силы активно используют растущее социальное зло в борьбе за власть и собственность» (Г. Зюганов).
Чем объясняется ситуация и кто несет за нее ответственность?	Правящий режим, патологически неспособный действовать эффективно и равнодушный к нуждам миллионов граждан. Запад и особенно США, объявившие Кавказ зоной своих жизненных интересов. «Демократы», развалившие Советский Союз при поддержке США.
Политические интересы и выводы	
Какие политические выводы должны быть сделаны?	1. «В советское время мы даже не знали о том, что такое безработица и инфляция, терроризм и рэкет...» 2. Москва должна наконец отказаться от безоглядного западничества.
Какие меры следует предпринять?	Нужно занять твердую позицию в отношениях с США, Великобританией и другими западными странами.

Однако парадоксальным образом советское наследие таит в себе мощный антироссийский заряд: советская пропаганда не устала внушать, что имперская Россия была тюрьмой народов и только советская власть принесла им свободу. Теперь повторяют тот же тезис, но уже в отношении нынешней России.

Как и коммунисты, национал-патриоты обвиняют американцев в оказании давления на Россию по всему периметру ее границ, в стимулировании сепаратизма в надежде на ее распад и контроль над ее богатыми ресурсами. Как и в официальном, и в левом дискурсах, национал-патриоты полагают, что США и другие западные страны применяют двойные стандарты. Более того, такая политика для них логична и неизбежна, поскольку американцы убеждены в своем моральном превосходстве. Как и коммунисты, авторы газеты «Завтра» винят во всех бедах Северного Кавказа нынешний кремлевский режим. Они стремятся показать, что этнические кланы монополизировали контроль над республиканскими и местными администрациями, правоохранительными органами, местными предприятиями государственных компаний и над наиболее прибыльными отраслями хозяйства. Из-за распада промышленности и других передовых отраслей, отъезда русского населения общество переживает процесс быстрой архаизации: фактически северокавказские республики возвращаются в эпоху феодализма, к режимам личной власти, сочетающим черты традиционной для Кавказа кланово-родовой системы с пережитками коммунистических структур. Эта система основывается также на произволе силовых ведомств, служащих клановым интересам, используемым в качестве инструмента кровной мести и сведения счетов между различными группировками, что неминуемо усугубляет положение. Всеобщая коррупция – органически необходимый элемент системы. «Завтра» цитирует нового президента Дагестана М. Алиева, имеющего хорошую личную репутацию: пост республиканского министра «стоил» 500 тыс. долл., главы районной администрации – 150 тыс. Власть полностью изолирована от реальной жизни, социальная поляризация достигла скандального уровня, а бедность и безработица намного выше средних по стране.

В национал-патриотическом дискурсе делается тот же вывод, что и в левом: политика федеральных властей неадекватна ситуации. Необходимо как можно скорее заменить коррумпированные региональные элиты и реформировать правоохранительную систему, разработать и активно проводить в жизнь специальную экономическую политику для Северного Кавказа, которая позволит создать достаточно новых рабочих мест. Некоторые на-

ционал-патриоты предлагают также переключить политико-административную карту региона и сформировать провинции, которые имели бы равные права.

В либеральном дискурсе нет особого акцента на исключительный характер ситуации на Северном Кавказе. Напротив, подчеркивается, что в принципе почва для вспышек насилия существует по всей стране. Коррупция повсеместно поразила региональные администрации, злоупотребляющие бюджетными средствами и искусственно создающие чрезмерную социальную поляризацию и бедность. Правоохранительная система защищает интересы власти, а не простых граждан, и стремится предотвратить «оранжевую революцию». Однако проблемы Северного Кавказа имеют специфическую этническую и историческую окраску. Кроме того, именно там разгорелась «война против терроризма». Поэтому запыхало здесь, а не в другом месте, объясняла ведущий обозреватель «Новой газеты» А. Политковская, погибшая от руки наемного убийцы в октябре 2006 г. Тем не менее «Новая газета» уделяет значительно больше места информации и аналитическим публикациям по Северному Кавказу, чем «Советская Россия» или «Завтра»: 49 материалов за год. Лишь один-два из них написаны в позитивном тоне.

Таблица 3

Содержание и структура национал-патриотического геополитического дискурса

«Грамматика» дискурса	Дискурс
1	2
Характеристика современной ситуации в регионе	
Почему Северный Кавказ важен для России?	1. Речь идет о самом существовании Российского государства. Россия не может позволить себе уйти с Северного Кавказа. Там будет немедленно образовано одно или несколько эмиратов или ханств, глубоко враждебных России и предъявляющих ей территориальные претензии. 2. Дискриминация и преследование русского населения, лишенного всякой защиты федеральных властей. 3. Миграция сотен тысяч выходцев с Северного Кавказа в российские города, угрожающая русской идентичности и культуре.
Как меняется ситуация?	Ситуация обострилась до критического уровня.

1	2
Каковы внешние факторы и международные последствия ее развития?	1. Нельзя объяснить ситуацию влиянием международного терроризма: идеология радикального ислама веками существовала на востоке Северного Кавказа. 2. Геополитическое давление США по всему периметру российских границ становится нетерпимым. Запад занимает по отношению к России двуличную позицию и применяет двойные стандарты. Цель США – ослабление и дезинтеграция России.
Действующие силы и причины	
Каковы причины создавшегося положения?	Неадекватная политика федеральных властей, позволившая региональным элитам установить авторитарные режимы, интересы которых не имеют ничего общего с чаяниями народа и лишены всякой поддержки. Бедность, безработица.
Чем объясняется ситуация и кто несет за нее ответственность?	«Все проблемы – в Москве, а не на периферии». Администрации и правоохранительная система сформированы по кланово-родовому принципу. Коррупция – неотъемлемый элемент этой системы. Северокавказские республики возвращаются в феодализм: чиновники имеют неограниченную власть и контролируют наиболее прибыльные сферы экономики.
Политические интересы и выводы	
Какие политические выводы должны быть сделаны?	Пророссийская часть северокавказского общества живет остатками советского идеологического наследия. Однако оно несет сильный антироссийский заряд. В нынешних условиях мусульманский экстремизм становится «идеологией социальной справедливости», протестом против аморального характера западной, а теперь также и российской цивилизации.
Какие меры следует предпринять?	Устранить от власти региональные элиты, положить конец коррупции в правоохранительных органах, бороться с этнической преступностью, проводить активную экономическую и социальную политику, изменить политико-административное деление.

В либеральном дискурсе ситуация на Северном Кавказе также оценивается как ухудшающаяся. В «Новой газете» много публикаций о политической напряженности, конфликтных ситуациях, противозаконных действиях властей, нарушениях прав человека. Вывод формулируется газетой четко: официальные заявления об улучшении положения в регионе – не более чем пропаганда. Объектами карательных акций нередко становятся люди,

причастность которых к террористам по меньшей мере сомнительна, а сами эти акции, особенно в Дагестане, по сути часто представляют собой сведение счетов между кланами и кровную месть. В ходе жестоких силовых операций по борьбе с террористами органы правопорядка наносят большой и, как правило, ничем не компенсируемый материальный и моральный ущерб многим невинным людям, в том числе женщинам и детям. Сообщается о жертвах среди мирного населения. Террористов практически никогда не захватывают живыми: газета объясняет это нежеланием правоохранительных органов иметь лишних свидетелей и заниматься сбором доказательств и в то же время их заинтересованностью в рапортах о новых успехах.

Что касается международной сферы, то либералы не согласны с одним из главных тезисов официального дискурса о том, что терроризм на Северном Кавказе – часть глобальной войны с международным терроризмом. Они полагают, что федеральным властям этот тезис нужен для оправдания репрессивной и неадекватной политики. Отвечая голландскому парламентарии Э. Юргенсу, сделавшему доклад о нарушениях прав человека на Северном Кавказе, глава российской делегации на одной из недавних сессий Совета Европы К. Косачев заявил: «То, что вы называете гражданской войной, на самом деле является борьбой с терроризмом». Аналитик Московского центра Карнеги Л. Шевцова определила эту тактику как «использование либеральной риторики нелиберальной властью». Либералы опровергают аргументы официального дискурса о том, что даже европейские политики признают, что ситуация улучшается. «Новая газета» возлагает в этой связи надежды на международные организации, занимающиеся расследованием нарушений прав человека в регионе.

Международные эксперты разработали критерии, позволяющие определить степень причастности «Аль-Каиды» к событиям в каком-либо регионе. Опрошенные газетой иностранные специалисты считают, что международные террористические организации действительно оказывают финансовую и идеологическую поддержку северокавказским террористам, но эта помощь не играет решающей роли. В отличие от групп «Аль-Каиды», проникших во многие страны мира, Басаев и его соратники предпринимали акции исключительно против Российского государства, их не интересовали цели на Западе. Таким образом, все оппозиционные газеты – от национал-патриотической до либеральной – ставят один и тот же диагноз. Причины кризисного положения на Северном Кавказе – коррупция, злоупотребление бюджетными средств-

вами, бедность, безработица, двуличие официальной пропаганды. В либеральном дискурсе также подчеркивается, что власти в республиках не пользуются доверием людей и им нет дела до нужд

Таблица 4

Содержание и структура либерального (правого) дискурса

«Грамматика» дискурса	Либеральный (правый) дискурс
Характеристика современной ситуации в регионе	
Почему Северный Кавказ важен для России?	Положение на Северном Кавказе такое же тревожное, как и в целом по России, хотя и осложняется рядом факторов, в особенности «войной против терроризма».
Как меняется ситуация?	Ситуация быстро ухудшается, стабилизация – миф официальной пропаганды.
Каковы внешние факторы и международные последствия ее развития?	Лозунг о глобальной войне против международного терроризма используется федеральными властями для оправдания своей глубоко ошибочной политики.
Действующие силы и причины	
Каковы причины создавшегося положения?	Тотальная коррупция, злоупотребление бюджетными средствами, бедность, безработица, двуличие и лживость официальной пропаганды, каждодневные нарушения элементарных прав человека. Архаизация общества, сочетающего традиционную этноклановую организацию с пережитками коммунистических структур. Игнорирование реальности федеральным центром.
Чем объясняется ситуация и кто несет за нее ответственность?	Грубые и непрофессиональные действия федеральных властей, драматически нагнетающие антироссийские настроения.
Политические интересы и выводы	
Какие политические выводы должны быть сделаны?	Федеральные власти не только не могут справиться с ситуацией, но даже проанализировать ее.
Какие меры следует предпринять?	Солидарность и самоорганизация гражданского общества могут предотвратить дальнейшие осложнения.

простых граждан. «Новая газета» более конкретна и вскрывает реальные мотивы политических решений, принимаемых республи-

канскими властями, и приводит примеры их абсолютного равнодушия к потребностям людей и общественному мнению. Так, газета сообщает о расстреле спецназом мирной демонстрации в Докузпаринском районе (Южный Дагестан), требовавшей снять коррумпированного главу районной администрации. До этого любые попытки достучаться до республиканских властей закончились неудачей – все жалобы возвращались на место. Эти события были официально интерпретированы как попытка радикальных элементов сместить законную власть. Понятно, что подобные акции не добавляют в глазах граждан легитимности ни республиканским, ни федеральным властям.

«Новая газета» называет еще один фактор напряженности в Дагестане и соседних республиках: уникальное сочетание традиционной этноклановой организации общества с остатками коммунистических структур. В этих условиях есть два решения: или строго применять законы Российского государства, или дать горцам возможность жить по их традиционным законам. Выборочное, спонтанное применение законов и использование правоохранительной системы соперничающими кланами ведут к хаосу.

В либеральном дискурсе делаются те же выводы, что и в других оппозиционных дискурсах: федеральные власти не справляются с ситуацией и даже не в состоянии понять ее причины. Однако политические рекомендации либералов иные: нужно развивать гражданское самосознание и солидарность граждан, поощрять их самоорганизацию в защите своих прав, укреплять ростки гражданского общества.

4. Какой дискурс разделяют жители Северного Кавказа?

Что думают рядовые граждане о решениях, предлагаемых политиками и политическими обозревателями? Похоже, что представление о преимущественно экономических корнях сложившейся ситуации разделяют все: от руководителей государства до оппозиции всех оттенков и общественного мнения в самом регионе. 47,5% респондентов полагают, что именно отсутствие заметного экономического прогресса представляет собой наиболее серьезную проблему для народов Северного Кавказа.

Что касается других причин, поднимаемых в разных дискурсах, граждане согласны скорее с оппозицией: очевидно, что они недовольны региональными (республиканскими) властями и счи-

тают, что коррупция – важнейшее препятствие для улучшения положения. Эта причина названа главной 21,0% респондентов, терроризм и вооруженные конфликты – 17,5%, преступность – 8,9%. В отличие от левого и национал-патриотического дискурса, жители Северного Кавказа не склонны усматривать главной опасности в риске сепаратизма и межэтнической напряженности: ее отметили как главную всего 3,5% опрошенных (1,5% затруднились с ответом).

Ответы на другие вопросы прямо или косвенно подтверждают это заключение. Лишь 1,5% респондентов считают важной проблемой отсутствие у народов Северного Кавказа возможности выйти из Российской Федерации. Только 3,0% согласились с утверждением, что предоставление Россией кавказским народам такой возможности могло бы положить конец террористическим акциям. Поэтому, по всей видимости, часто используемый в официальном дискурсе довод о том, что северокавказские народы по-прежнему связывают свою судьбу с Россией, в целом справедлив. Соответственно, только 9% граждан считают, что вспышки насилия и конфликты в регионе объясняются желанием чеченских сепаратистов вывести свою республику из состава России. Винят в этом власти 17,6% респондентов, международный терроризм – 13,2%. Иными словами, около 40% населения Северного Кавказа разделяют центральный аргумент официального дискурса о связи кавказского и международного терроризма. В то же время существенная часть граждан – 27,1% разделяют точку зрения оппозиции, возлагающей вину за положение на Северном Кавказе на грубую и непрофессиональную политику федеральных властей (другие причины насилия и конфликтов назвали всего 1,9%, затруднились с ответом 8,4% опрошенных).

При этом наблюдаются заметные различия во мнениях среди представителей основных этнических групп. Доля русских, выбравших тот или иной вариант ответа, практически не отличается от средней. Более половины опрошенных аварцев, даргинцев и лезгин наибольшую опасность для народов Северного Кавказа усматривают в неблагоприятном состоянии экономики и нехватке рабочих мест. Известно, что согласно официальной статистике Дагестан занимает одно из последних мест в РФ по уровню доходов на душу населения. Коррупцию полагают главной опасностью относительно больше респондентов, чем в среднем по выборке среди русских и особенно чеченцев, видимо, слишком хорошо знающих, насколько значительная часть поступающих в Чечню из федерального центра средств на восстановление расхищается.

Больше всего различаются точки зрения респондентов на значимость чеченского конфликта как ведущего фактора напряженности. Доля чеченцев, полагающих, что главная ее причина – отказ федеральных властей предоставить независимость Чечне, более чем вдвое выше средней (21%): опрашивались лишь чеченцы, проживающие вне титульной республики. С этими респондентами солидарно также сравнительно много соседей-аварцев (13%), а также кабардинцев (17%). Тревожный симптом: кабардинцы также несколько более склонны жаловаться на отсутствие у народов Северного Кавказа возможностей для самоопределения (7% против 5% в среднем по выборке). Если просуммировать долю выбравших эти ответы, в среднем по пяти регионам антисистемными настроениями, составляет 14%. Среди чеченцев она достигает 26%, кабардинцев – 24, аварцев – 16% (в то же время у их соседей даргинцев – только 5%, кумыков – 4%).

Российскую политику на Северном Кавказе как причину насилия особенно винят аварцы и лезгины (последние, по-видимому, из-за недовольства своим нынешним статусом народа, разделенного государственной границей). Организованная преступность вызывает наибольшее беспокойство среди даргинцев, кумыков и чеченцев (21–25% против 18% респондентов в среднем, считающих эту угрозу безопасности Северного Кавказа наибольшей). Эти две причины всплеск насилия и конфликтов на Северном Кавказе, занимающие центральное место в геополитическом дискурсе оппозиции всех толков, полагают главными больше половины опрошенных кабардинцев, лезгин и аварцев.

Официальную версию о том, что главная причина насилия – радикальный ислам, в наибольшей мере разделяют представители основных народов Дагестана (23–25% даргинцев, кумыков и аварцев), а также армяне (21% против 18% в среднем по выборке). Иными словами, подавляющее большинство среди опрошенных представителей некоторых относительно многочисленных народов региона, особенно чеченцев и кабардинцев, либо считают возможным отделение некоторых регионов от России, либо так или иначе согласны с аргументами, выдвигаемыми в геополитическом дискурсе оппозиции.

* * *

Таким образом, сравнительный анализ содержания дискурсов и социологических данных позволил установить, что официальный дискурс о Северном Кавказе в целом сравнительно мало популярен в самом регионе. В терминах критической геополитики

это означает, что «внутренняя» «высокая» геополитика, развиваемая находящимися у власти политическими силами, не вполне совпадает с «низкой» геополитикой – набором представлений, символов и образов о геополитических перспективах региона и его месте в составе Российского государства, причинах политической напряженности и постоянных всплесков насилия, также разделяемых значительной частью общественного мнения. В этом, по всей видимости, состоит коренное отличие геополитического видения государственной территории и внешнего мира, а также представлений о внешней политике России. Известно, что во всех регионах российские граждане оценивают действия В.В. Путина на международной арене выше, чем его деятельность в целом, хотя и общий его рейтинг весьма высок. Расхождения между «высокой» и «низкой» геополитикой сравнительно невелики.

Между официальным дискурсом и мнением всей оппозиции имеются принципиальные расхождения. В отличие от официальной точки зрения оппозиционный дискурс о Северном Кавказе носит алармистский характер; политические соперники нынешней администрации убеждены, что ситуация в регионе ухудшается и чревата серьезным кризисом.

Содержание дискурсов оппозиции о Северном Кавказе как одном из наиболее важных в геополитическом отношении регионов страны соответствует геополитическим традициям во взглядах на внешнеполитические приоритеты. «Внутренний» геополитический дискурс западников-либералов о Кавказе вполне вписывается в западные традиции, официальный дискурс – государственническую, левый и национал-патриотический – соответственно некоммунистическую, радикально-экспансионистскую и почвенническую традиции.

В то же время есть и позиции, по которым наблюдается консенсус всех политических сил.

Эксперты сходятся во мнении, что на нынешнем этапе ключевую роль в стабилизации положения играет экономика: региону остро нужны инвестиции и новые рабочие места. Большая часть экспертов также полагает, что Северный Кавказ – неотъемлемая часть России. Его дезинтеграция будет означать начало распада всего Российского государства. Поэтому оно не может допустить победы радикальных сил. В геополитическом дискурсе по крайней мере части оппозиции просматривается тенденция к противопоставлению северных «русских» и южных «национальных» регионов Северного Кавказа по культурно-историческим

особенностям. Эта тенденция отражает реальные процессы социально-экономической поляризации его территории и объективно противоречит декларациям о необходимости интеграции.

*«Население Юга России: Трансформация
воспроизводства населения и образа жизни
в новых геополитических условиях»,
Ставрополь, 2009 г., с. 38–53.*

Эмиль Агаев,
публицист (Азербайджан)
КТО ТАКИЕ АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ.
(Этнолирические заметки)

Азербайджанцам не свойственно заикливаться на истории. Мой отец вспомнил по моей просьбе – да и то не без труда – только своих прадеда и прабабку, не дальше. Но любопытно: не каждый из азербайджанцев знает происхождение своего рода, однако, откуда родом «они ВСЕ», знает: конечно, от пратюрков! От кого же еще?!

1. Если рассматривать изначальную доминанту, консолидирующий фактор этноса – его язык, равно как зафиксированные в нем событийные и бытовые приметы давно минувшего, то для азербайджанцев, несомненно, такой доминантой является огузский эпос «Китаби-деде-Коркут», 1300-летие которого было отмечено в конце прошлого века. Не случайно автор перевода эпоса на русский язык Алла Ахундова слово «деде» перевела не так, как это делалось до нее, не буквально, «дед», а – «отец», в смысле – отец тюрков, духовный отец. Как не случайно и то, что первопроходец изучения азербайджанского менталитета философ и публицист Г. Гулиев свою первую книгу на эту тему назвал «Генотипы рода Коркуда». На основе тщательного исследования этого эпоса турецкий ученый М. Эргин делает однозначный вывод: он – «всецело творение Азербайджана», поскольку каждая его строка «сталкивает нас с азербайджанским тюркским языком». И не только языком – с жизнью, бытом, ритуалами и обычаями, наконец, с географией раннесредневекового Азербайджана. Так, живший в XIV в. Абу Бекр, перечислив страны, которые завоевал герой эпоса Баяндур-хан, добавляет: «...а сам он направился на зимовку в Карабаг и на летовку в Гекче-Дениз». Упоминаются в эпосе и Барда, и Гянджа, и находящаяся на территории Нахичеваня крепость Алынжа, и другие места Азербайджана.

Огузско-тюркское начало можно смело считать доминантой этногенеза азербайджанцев (и соответственно, его ментальности), но в седой пра-пра-истории его были и другие составляющие, прошедшие длительную эволюцию, как и сама письменность: от пиктограмм Гобустана, древней клинописи Манны, тюркских рун и арабского письма до современной латиницы (древнейших текстов до нас, увы, дошло крайне мало: борясь с язычеством, ислам уничтожил практически всю рунику!). Тут и Кавказ, прародина многих этносов, в том числе и азербайджанцев, тут и другая их прародина – за рекой Аракс. Тут и другие культуры, которые оказали на азербайджанцев воздействие и на которые воздействовали они сами. Тут и культура пришедших из южнорусских степей «коровьих пастухов», как называли древнеиранские племена аборигены Передней Азии, испокон веков пасшие в основном овец (ну и лошадей – по некоторым данным, они были приручены именно здесь, а не в степях Центральной Азии), которых тюрки сделали своими тотемами, причислив к ним еще и тотем своего мифического спасителя – волка, тут и арабо-исламская культура, и русская, а через нее – западная.

Да, скажу так: Азербайджан больше, чем Азербайджан – исторически, географически, культурно, а азербайджанцы больше, чем азербайджанцы, будучи своими не только в самом Азербайджане, но и на значительной части Кавказа (в Дагестане, в Грузии, до недавнего времени в Армении), и по ту сторону Каспия, и в Турции, и в Ираке, не говоря уже об Иране, где они – вторые после фарсов (а по некоторым данным, и не уступают им по численности). Но и понятно. В силу религиозного (ислам) и языкового (тюрки) факторов Азербайджан был более естественно включен в историю всего региона Переднего Востока, Азии, чем его соседи. Сыграли свою роль и переселения азербайджанцев внутри этого региона, переселения по разным причинам, но чаще – в результате нашествий.

Поначалу язык носил общетюркский характер (как и этноним «туркман»). Однако после размежевания с анатолийскими турками и образования Османского государства азербайджанский язык все более шлифуется, стабилизируется и на исконно исторической азербайджанской территории выделяется в самостоятельный язык тюрко-огузской группы, на который «особо сильное воздействие оказывали сложившиеся почти неизменно враждебные отношения с султанской Турцией и Сефевидской державой» (академик А.С. Сумбатзаде). «Начал учиться по-татарски (азербайджанцев называли в те времена кавказскими татарами), язык, ко-

торый здесь, и вообще в Азии, необходим как французский в Европе», – известные слова Лермонтова из его письма Раевскому. «Почти во всем Дагестане тюркско-татарский язык считается, так сказать, интернациональным», – отметит полвека спустя К.Ф. Ган.

Азербайджанцы – наглядное и как нельзя лучшее подтверждение того, как так называемая «аборигенность» может органически сочетаться с так называемой «пришлостью», в чем-то вбирая последнюю в себя, растворяя ее в себе и в то же время отчасти растворяясь в ней.

Так или иначе, но до ислама предки азербайджанцев были и идолопоклонниками, и зороастрийцами, и буддистами, и христианами.

Албанский историк Моисей Каланкатуйский назвал церковь в селе Киш (северо-запад Азербайджана, недалеко от Шеки) «матерью церквей восточных». Раскопки, проведенные норвежскими учеными, подтвердили: эта церковь была построена... в I веке (!), т.е. является одной из первых церквей в мире. В настоящее время эта албанская церковь реставрирована, при ней создан музей.

Но ранее всего предки азербайджанцев поклонялись окружающей природе – существовал дошедший и до наших дней культ святых мест. В том же историческом заповеднике Гобустан сохранились камни, под которыми женщины пролезали, дабы избавиться от бесплодия. Но чаще эти места («пиры») связаны с неким конкретным чудотворцем.

2. Фактор ислама – это вторая доминанта формирования азербайджанцев как этноса... Не зная Корана и мусульманской культуры в целом, невозможно понять до конца не только творчество Низами, Физули, но даже и Насими, которому принадлежат знаменитые строки: «В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь», который исповедовал еретическое с точки зрения мусульман течение – хуруфизм и который подвергся мучительной казни в сирийском городе Алеппо: на площади с него, живого, сняли кожу. Азербайджанский ренессанс – хоть и своеобразная, но составная часть мусульманского Ренессанса в целом, на века опередившего европейский. Я не говорю уже о том, что без знания ислама не понять психологии, некоторых обычаев и взглядов азербайджанцев, равно как и сформировавшихся под влиянием малограмотных мулл предрассудков и предубеждений, которые в результате просветительской деятельности «могучей кучки» европейски ориентированной национальной элиты в конце XIX – начале XX в. пошли, было, на убыль, а затем, после советизации и в

результате гонения на религию, законсервировались в «чистый быт».

А потому азербайджанский ислам, я бы сказал, – это больше ислам «народный». О мулле у нас вспоминают обычно на похоронах. А в день свадьбы, когда приданое невесты вносится в дом, по старой традиции, первым вносят зеркало, вторым – подсвечник и только затем – Коран.

3. И, наконец, третья – после языка и веры – этническая доминанта Азербайджана – это, безусловно, присоединение к России. С несколькими оговорками – если не считать: а) разделения азербайджанского народа по реке Аракс; б) переселения армян на азербайджанские земли; в) политику русификации, неофициально проводившуюся обеими империями – и российской, и советской – по отношению к мусульманскому (тюркскому) населению. Ну а так... Мамед Эмин Расулзаде, лидер партии «Мусават» и просуществовавшей неполные два года (1918–1920) Азербайджанской Демократической Республики: «Русская оккупация имела и положительные моменты... приобщаясь через русских к европейской науке и технике, Азербайджан постепенно освобождался от пут восточного догматизма и мистицизма, ступал на новый путь развития, процветал и прогрессировал».

С развитием российского капитализма нефтяной бум вызвал появление в Баку (и не только в Баку) национальной буржуазии и европейски ориентированной элиты, что привело к бурному культурному росту Азербайджана и азербайджанцев, сформировавшихся именно тогда, по мнению историков, как нация (если прибегать к традиционной для Европы этнотриаде: народность – народ – нация). «Если я скажу, что М.Э. Расулзаде и его сподвижники “сконструировали” не только Азербайджанское государство, но и создали азербайджанскую нацию, меня обвинят в отсутствии патриотизма, скажут, что я лью воду на мельницу наших врагов. Но в этих словах нет большого преувеличения». Это – писатель Чингиз Гусейнов. Полемизируя с теми, кто обсуждает сейчас в Азербайджане имеющую право на жизнь, но больше, по его мнению, надуманную проблему (кто мы: азербайджанские тюрки или азербайджанцы?), писатель пишет: «Мы азербайджанцы, каковыми представлены всему миру... Так что следует не дискутировать по поводу единого самоназвания, а радоваться трехименности, исторически выпавшей на нашу долю: языковой (тюрки), религиозной (мусульмане) и общечеловеческой (азербайджанцы)». Указывая при этом на то, что эта трехименность зафиксирована и в трех цветах нашего флага: синий – символ тюркизма, зеленый – му-

сульманства, а красный – современного мира. Эта триада, добавлю, впервые была провозглашена еще в начале прошлого века азербайджанским публицистом и политическим деятелем Али беком Гусейн-заде – «тюркизироваться, исламизироваться, европеизироваться». При этом какое-то время поначалу азербайджанские публицисты и просветители (в отличие от своих кавказских соседей) допускали возможность существования своей национальной республики в качестве автономии обновленной России. Мелкая, но любопытная деталь: среди азербайджанских пословиц и поговорок существует много критических по отношению к мулле, беку, шаху, однако не встречается ни одной в адрес русского царя. Этому есть такое объяснение – мол, сказалась сила запретов! Но не следует преувеличивать «властобязнь» азербайджанцев, да и народу на язык замок не повесишь.

Возникший в XIX в. в России интерес к Кавказу удовлетворялся, с одной стороны, поисками любви и взаиморасположения с проживающими здесь христианами – грузинами и армянами, с другой – борьбой против воинственных горцев, в основном мусульман. Азербайджанцы (при Петре Первом «персияне», затем «кавказские татары», затем «тюрки») играли при этом малопонятную роль полудрузей-полуврагов, народа, который ушел в своем развитии дальше диких горцев, но не достиг уровня своих соседей – православных христиан. Своего рода островок Северного Кавказа на юге или островок Средней Азии по ту сторону Каспия – как смотреть. Иначе говоря, роль чего-то несамостоятельного, непонятного, неясного... Они и на самом деле сочетали в себе – в соответствии со своей историей и местом обитания – самые разные черты. Это и затаенно спящая, но при случае взрывная воинственность горцев, и созерцательно-добродушное спокойствие обитателей равнин, и постоянная готовность к риску и подчинению слепой стихии жителей приморья.

Ну а что они сами? В очередной раз на протяжении долгой своей истории они ушли в быт, в себя. «Гостеприимство, радушие, образованность для чужих, кротость и неусыпное внимание к детям – словом, все достоинства общительности и домашнего быта вместе», – отмечал Александр Бестужев-Марлинский, долгие годы живший на Кавказе и изучивший азербайджанский язык. Да, так же, как скромна и неброска природа заповедного Гобустана, скромна и неброска природа характера азербайджанцев, избегающих громких слов, предпочитающих промолчать там, где другие хвалят себя, а то и подтрунить над собой (не зря в азербайджанской литературе столько блестящих сатириков!). Но говорят же: не

все то золото, что блестит... Готовые как никто другой прийти на помощь, спасти, принять гостя, азербайджанцы иной раз беспомощны в сколько-нибудь организованном спасении самих себя, предпочитая смело с кинжалом, а то и с голыми руками бросаться на до зубов вооруженного врага и мужественно принять смерть. С тем, чтобы, предавшись на какое-то время глубочайшей скорби, затем снова вернуться к прежней жизни. Не держа зла и, в отличие от горцев, не будучи способными долго – а тем более жестоко! – мстить.

Может, все дело в снижении, если вспомнить теорию Гумилёва, пассионарности? Есть такое мнение. Читаю: «Тюрки из воинов превратились в поэтов, ученых, зодчих, дипломатов и купцов. Они создали блестящий стиль в архитектуре, построили благоустроенные города, наладили ирригацию и вырастили прекрасные сады, обеспечивающие пищей растущее население. Но защищать себя от врагов тюрки разучились» (выходящая в Баку газета «Ежедневные новости»).

Не соглашусь! А как же тогда расценивать всплеск пассионарности в 1988-м, во время знаменитой сидячей забастовки на главной площади Баку в знак протеста против вырубки деревьев на историческом месте Шуши – Топхане, и невероятные даже в масштабах СССР накануне его краха митинговые страсти на той же площади Азадлыг, собиравшей сотни тысяч людей? Я жил рядом, наблюдал этот потрясающий всенародный подъем и как-то вернулся домой даже в сопровождении кого-то из ребят: от перенапряжения и холода – дело было зимой – у меня случился приступ аритмии... Выйдя на балкон, я увидел, как колонна танков остановилась внизу – ей преградила путь цепочка взявших друг друга за руки юношей и девушек. Речь о другом. Тая в себе огромный протестно-боевой, скажем так, потенциал, азербайджанцы редко «выходят из себя». Разве что в такие вот переломные моменты истории или в случае личного оскорбления или оскорбления семьи: защита чести – *namus!* – на Кавказе, не только в Азербайджане, дело святое. Но и, «выходя из себя», они обычно действуют разрозненно и не очень эффективно. Речь об организованных, коллективных действиях, для которых нужны навыки владения оружием, воинская выучка и тому подобное, чего у азербайджанцев не могло быть, поскольку они не знали «солдатчины» (как и, к слову, крепостного права!), их не брали в царскую армию (благо теперь у них – армия своя!). Впрочем, миролюбием и веротерпимостью азербайджанцы отличались и раньше.

Да, «огузы “Китаби-деде-Коркут” являются коренным населением Азербайджана, поддерживающим сложные отношения с соседями», – пишет автор предисловия к переводу эпоса на русский язык профессор Х. Короглу, отмечая, что, как правило, захватнические набеги на огузов совершали соседи (в основном из Грузии), встречая каждый раз сопротивление; и хотя последние называли противников гяурами, «нет даже намек на то, чтобы бои велись во имя торжества какой-либо из религий». А это – спустя тысячелетие: «Азербайджан может экспортировать не только нефть, но и толерантность». Символично, что слова эти принадлежат послу Германии – страны, извлекаящей уроки из ужасов нацизма.

Откуда она, эта черта в характере азербайджанцев? Да все оттуда же, как я думаю, – от проникновения, столкновения, соперничества, растворения друг в друге разных культур в истории Азербайджана. А там, где есть конкуренция, есть соперничество, там неизбежна и терпимость! Отсутствие природной агрессивности, скажем так (нападали не они – на них, хотя, думаю, были и исключения), равно как и нежелание навязывать другим силой что-то свое – одна из главных особенностей национального характера азербайджанцев. Созерцатели и гурманы (влияние персидской культуры с ее культом наслаждения, отдыха!), погруженные в повседневные свои заботы и многочисленные обязанности, наипервейшая из которых – дети и семья, азербайджанцы не умеют ненавидеть. Точнее, их ненависть носит, повторю, вспыльчивый, взрывной характер и обусловлена, как правило, необходимостью защиты ближних. Не переходя временных границ, границ национальных, не превращаясь в злопамятство, она вскоре уходит и забывается.

Да, Азербайджану «было суждено на протяжении столетий периодически погружаться в иные цивилизации, участвовать в их становлении, расцвете, а затем, обособляясь, следуя центробежным тенденциям, возрождаться вновь. Неся при этом неизбежные потери, но и обогащаясь», – пишет в своей книге «Национальная идея и этничность» академик А. Дашдамиров. А что дальше? Каковы перспективы существования «традиционного азербайджанца», каким его описал в той самой книге философ?

Глобализация как явление не новость в истории. Она имела место – пусть в иных масштабах – и раньше. Тут и языки, охватывающие целые континенты (будь то романские, славянские, тюркские), тут и религии, которые не зря называют мировыми. Просто какие-то народы раньше вышли из своих этнокультурных «колы-

белей», раньше сделали первые шаги к взрослой жизни, какие-то – позже. А потому не существует древних и не древних народов. Есть просто разные степени (темпы) их «взросления», а затем – способности к развитию, росту. Еще в годы перестройки, которую, как известно, поддержала если не вся, то большая часть либеральной интеллигенции, филолог А. Мамедов (погиб позже, в 90-е, при загадочных обстоятельствах) призывал «перестроить в целом тип мышления нации», имея в виду «сказочность», «восточность нашего мышления». Утверждение спорное, хотя в чем-то и справедливое, но – как это сделать?! Призывая не утрачивать азербайджано-русское двуязычие, А. Мамедов хотел «сделать так, чтобы и азербайджанский язык был так же развит, как русский, поскольку это “язык поэзии”». Но сегодня он должен быть и языком экономики, дипломатии, технической информации...». Что верно, то верно. Одно время, работая в аппарате Милли меджлиса (парламента) в качестве старшего референта издательско-редакционного отдела, я не раз сталкивался с трудностями перевода законодательных текстов. Однако с тех пор минуло более десяти лет, и сейчас я все чаще слышу прекрасную, богатую новыми терминами и оборотами, азербайджанскую речь некоторых наших депутатов и экономистов. А там, кто знает, может, произойдут какие-то сдвиги и в «типе мышления нации» – в сторону большего практицизма, рациональности.

Политолог З. Гулиев: «Несмотря на то что первоначальная романтическая эйфория в обществе от завышенных нефтяных ожиданий постепенно испарилась, было бы крайним упрощением говорить об отсутствии позитивов в этой сфере... Азербайджан в определенной мере уже вернул себе роль своеобразной “нефтяной Мекки”, что способствовало успешному вхождению страны в мировое сообщество». Рустам Ибрагимбеков, в шутку: «В неделю три дня мы европейцы, три дня азиаты, а в оставшийся день мы садимся и думаем — что лучше?» Листаю русско-английский разговорник «Hello, America», включающий главу «Американский характер». Хотя в смысле «мечты» – дом, машина, счет в банке – сходство полное, в путях достижения этой мечты – полная противоположность американского характера характеру азербайджанцев. В самом деле, в первом случае – индивидуализм, культ равенства, безусловный приоритет бизнеса, доходящий до «трудоголизма», традиционный оптимизм. Во втором – семейно-родственные устои, подчинение авторитету старших, культ не столько работы, сколько досуга, от чайханы и нард до утонченной музыки и кулинарии, наконец, уходящий корнями в шиизм культ

скорби (по имаму Гусейну). Азербайджанец, как и любой бывший «хomo советикус», привык жить в мире возможностей, пускай зачастую иллюзорных (коммунистический рай!), американец – в мире реальностей.

Могут ли азербайджанцы, не теряя своего лица, приспособиться к этим и другим требованиям современного образа жизни? Это очень непросто. «Почти двести лет нам удалось в “скорлупе традиционности” отстаивать как-то свою самость. Но теперь на нас надвигается более сильная цивилизация, основанная на истории и прогрессе – технологии новаций» (Гасан Гулиев). И, тем не менее, возможности для адаптации есть. Как сказал мне один уста-«папахчи» (мастер по пошиву головных уборов), папаха находится «выше головы, но ниже Бога». Когда призывают подумать, поразмыслить, не случайно прибегают к фразе: «Положив папаху перед собой...». Только сняв папаху, можно думать. Когда папаха на голове, не думают – действуют, ведут себя решительно, по-мужски. Так вот. Сейчас время как раз положить папаху перед собой...

Что ж, можно говорить о феномене Азербайджана, соединившего в себе Запад и Восток. Можно говорить о вещах, составляющих не слабость, а, наоборот, силу национального характера азербайджанца, о его преимуществах (семейные традиции, отношение к матери, к старикам), во многом объясняющих выживаемость этноса на протяжении истории, о достоинствах его культуры, приводящих в восторг иностранцев.

Три опасности, как кто-то сказал, угрожают Азербайджану. Водка с севера, исламский радикализм с юга, американская масскультура с запада. Думаю, с этим можно сладить (хотя если водка и ислам взаимно нейтрализуются, как кислота и щелочь, то с попкультурой сложнее!).

Трансконтинентальное положение Азербайджана на карте мира позволяет ему смотреть как на Запад, так и на Восток (можно привести в качестве примера проект «Великий шелковый путь» и другие). Это – возможность обратиться, с одной стороны, к вечным ценностям, к своим корням, припасть к матери-Азии, а с другой – выйти в Новый и Старый Свет, приобщиться к демократии и европейской культуре, к информационно-техническому гению той же Америки. Это одна сторона вопроса. Другая – приметы исламской реформации, наблюдающиеся в Западной Европе и США, что немаловажно для Азербайджана, подавляющее большинство жителей которого мусульмане. Так, в книге Хишам Аль-Талиба («Руководство по искусству управления») прямо говорится о «необходимости исламизировать американский опыт и облечь исламское

содержание в современную форму». Внешне менее четкая, чем, скажем, у христианских соседей, проявленность национальной природы компенсируется у азербайджанцев большей вариативностью в построении собственного будущего благодаря большому числу необходимых для такого конструирования «кубиков». Как у любого «срединного» этноса, пришедшего в мир на пересечении культур и не «окостеневшего», более того, только начинающего по-настоящему развиваться и расти.

«Дружба народов», М., 2010, № 6, с. 174–191.

К. Балтабаева,

политолог

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННЫХ КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Республика Казахстан и Российская Федерация – евразийские государства, имеющие самую протяженную в мире общую сухопутную границу в 7500 км. Из 14 областей Казахстана – семь граничат с 12 регионами РФ. Россия имеет четвертую по численности после Казахстана, Китая, Узбекистана общность казахов. Так, по данным последней Всероссийской переписи населения 2002 г., здесь проживают 653 962 этнических казаха (0,45% к итогу). Кстати, в отличие от прежних переписей, когда учету подлежало наличное и постоянное население, в переписи 2002 г. учитывалось только постоянное население. По данным Посольства РК в РФ, численность казахов в России достигает более миллиона.

Численность этнических русских в Казахстане, по официальным данным на начало 2008 г., составила 3 915 607, или 25,1% от численности населения страны. По предварительным данным второй Национальной переписи населения Казахстана, доля казахов в этнодемографическом составе населения увеличилась с 53,4% в 1999 г. до 67% в 2009 г.

Казахстан и Россия имеют схожий «код» формирования и изменения полиэтнической ситуации. Соответственно со стороны двух государств необходимо обеспечение консолидированной, солидарной в социально-политическом плане жизнедеятельности представителей казахского и русского народов. Поэтому в контексте развития гуманитарного сотрудничества не может сниматься с повестки дня исследование истории и современного положения казахов в РФ и русских в РК. Здесь мы не случайно избегаем тер-

мина «диаспора», так как казахи автохтоны весьма значительного евразийского пространства. Как правило, районы современного расселения российских казахов с преобладанием степного и полустепного ландшафтов в дореволюционное время являлись местами их кочевий, летних, реже зимних стоянок, здесь сохранились родовые могилы предков, тюркские названия населенных пунктов и местности. Еще административные реформы 20–90-х годов XIX в. сделали казахов полноправными гражданами Российской империи. Родоплеменной состав казахов по периметру государственной границы современной России идентичный с приграничными районами их материнского государства – Казахстана. Всероссийская перепись населения 2002 г. в таблице «национальный состав населения» к названию «казахи» добавляет уточнение в скобках: «адай, аргын, берш, жагайбайлы, жаппас, керей, кыпчак с языком казахским, ногай с языком казахским, табын, тама, торкара, туратинские казахи, уак». Что касается вынужденных миграций казахов из Казахстана в советский период в Россию, то они также не являются основанием для причисления казахов к зарубежной диаспоре, ибо казахи, как и русские, были гражданами одного унитарного государства – СССР.

Распад Советского Союза и образование независимых государств привели, в частности, к появлению нового этнокультурного феномена – русской диаспоры, в том числе и в Казахстане. Преемником СССР стал новый субъект международного права – Российская Федерация. Диаспоральная часть казахов в России складывалась в трудные годы социально-экономического кризиса и хаоса в РК, и процесс ее формирования не завершен. В поисках наиболее выгодных условий проживания, получения бесплатного высшего образования и квалифицированной работы в соответствии с дипломом, который признавался в России, в 1993–2001 гг. из Казахстана выехали 61 589 казахов. Позволим себе не согласиться с категорическим утверждением казахстанского исследователя А.А. Айталы, что распад СССР, образование РК изменили статус казахов России, которые теперь стали диаспорой. Этот вывод дословно повторяет К. Кобландин, но, правда, уже без ссылки на своего предшественника. Логично, исходя из исторических фактов, подразделять казахское население России по «статусу» на две составляющие – автохтонные жители и сравнительно недавно сформировавшаяся диаспоральная часть, кстати, не только за счет выходцев из Казахстана, но и других государств.

Обратимся к материалам Всероссийской переписи населения 2002 г. Казахи проживают во всех без исключения областях, авто-

номных республиках и автономных округах РФ. Они сохранились в числе 23 наиболее многочисленных национальностей, численность которых превышает 400 тыс. человек. Это одиннадцатый по численности народ в России после русских, татар, украинцев, башкир, чувашей, чеченцев, армян, мордвы, аварцев и белорусов.

Из перечисленных народов ислам суннитского толка исповедуют казахи, татары, башкиры, чеченцы и аварцы. По численности казахи превосходят удмуртов (636 906 человек), марийцев (604 298), кабардинцев (519 958), осетин (515 579), бурят (445 175), якут (443 852), евреев (229 938), калмыков (173 996 человек), имеющих свои национальные республики. Казахи являются четвертым среди тюркских этносов России после татар (5,6 млн.), башкир (1,7 млн.), чувашей (1,6 млн.). В межпереписной период (1989–2002) казахи дополнили список тех этносов, чья численность увеличилась в наименьшей степени: буряты – на 6,6, казахи – на 3, татары – на 0,6%. По признанию российских ученых, казахи России наряду с малыми народами Севера, тувинцами, калмыками и русскими имеют наименьшую продолжительность жизни. Районами их компактного проживания являются Оренбургская, Омская, Астраханская, Саратовская, Челябинская, Курганская, Волгоградская области, Алтайский край и Республика Алтай. Ни в одном регионе, имеющем выход на Казахстан, казахи не представляют этнического большинства. Так, доля казахов от общего населения Астраханской области составляет 14,2%, Оренбургской – 5,76, Саратовской – 3,98, Омской – 3,93, Волгоградской области – 1,68%. Исключение – казахи Кош-Агачского района, расположенного в южной части Республики Алтай.

Как известно, характер расселения населения, его распределение на городское и сельское, определяет степень урбанизированности территорий. Этот показатель остается чрезвычайно низким, что не способствует достижению высокого социально-профессионального статуса. Сельское население, как на протяжении всей дореволюционной, советской, так и современной истории российских казахов, до сих пор преобладает (67,46%) над городским. Этот показатель выше в Волгоградской (77,43%), Саратовской (77,33%), Оренбургской (76,79%) областях. Самый высокий удельный вес сельского казахского населения приходится на Республику Алтай – 91,8 и говорить о сильной ассимиляции и тем более деэтнизации среди сельских казахов не приходится. Казахи заняты в традиционной сфере животноводства, в условиях кризиса аграрного сектора получило распространение торгово-посредническая деятельность.

Разрозненно, дисперсно проживают казахи в городах и промышленных центрах России. В Омской области 47,2% казахов являются горожанами. Второе место занимает Новосибирская (35,5%), третья – Астраханская (33,95%) области. В остальных регионах показатели меньше среднестатистического (32,5%) расчета: только 21–22% казахов в Оренбургской, Саратовской, Волгоградской областях расселены в городах. Почти во всех 13 российских городах-миллионерах представлены казахи, в том числе в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Омске, Волгограде, Челябинске, Казани. Традиционно среди них продолжает оставаться высоким процент занятости в области науки, образования, управления.

Согласно Федеральному закону «Об образовании» основное образование является обязательным, требование его обязательности сохраняется до достижения учащимся возраста 15 лет. По данным Всероссийской переписи 2002 г., профессиональное и общее образование имеют 97,77% от общей численности казахов в возрасте 15 лет и более. Дипломы о законченном высшем и послевузовском образовании получили 36 496 казахов. Так, Астраханская область имеет показатель по числу лиц казахской национальности с законченным высшим и послевузовским образованием – 5700 человек, или 5,24% от числа казахов области в возрасте 15 лет и более. В Республике Алтай этот показатель – 11,4%, в Самарской области – 8,58), Новосибирской – 8,22, Челябинской – 8,04, Курганской – 6,94, Саратовской – 6,21, Оренбургской – 5,83, Омской – 5,62, Волгоградской области – 4,63, в Республике Калмыкия – 7,18, в Алтайском крае – 6,77% (в целом показатели достаточно низкие). В городской среде интенсификация процессов межэтнической интеграции сопровождается переходом на русский язык, ростом числа смешанных браков, стандартизацией и унификацией материальной культуры, здесь низок потенциал для этнической консолидации.

По данным Всероссийской переписи 2002 г., более 99% городских и около 98% сельских казахов России владеют русским языком. Такой высокий показатель владения государственным языком страны проживания не могут продемонстрировать казахи других стран. 71,98% российских казахов владеют казахским языком. Вот здесь есть некоторые проблемы. Например, весной 2009 г., на международной конференции «Казахи России: История и современность» представители администрации Омской области, отвечая на вопрос участников конференции из Казахстана: «Почему закрыты ранее существовавшие казахские школы?» – подчеркивали отсутствие потребности общества в знании родного (казах-

ского) языка, ссылались на мнение родителей школьников о возможных препятствиях для детей в получении высшего образования на русском языке в России, на трудности доставки учебной, учебно-методической и другой литературы из Казахстана из-за высоких таможенных расходов. Казахский язык стал в школе предметом «по выбору». Как следует из материалов Всероссийской переписи 2002 г., Омская область имеет самый низкий показатель (3,49%) среди регионов с казахским населением по числу сельских казахов с законченным высшим профессиональным и послевузовским образованием. В межпереписной период (1989–2002) две казахские средние школы сохранились в Алтайском крае. В рамках алтайской государственности казахский язык может использоваться на официальном уровне в местах компактного проживания его носителей. Казахский язык преподается в 70 школах Астраханской и 13 школах Оренбургской областей. Астраханский государственный университет в 2007 г. осуществил первый выпуск учителей на бюджетной основе по специальности «казахский язык и литература». Учительские кадры для казахов готовит и Орское педагогическое училище. Воскресные занятия и занятия в кружках по казахскому языку проводятся в Новосибирской, Омской, Тюменской и других областях. Безусловно, такие меры улучшают этнический комфорт, однако они явно не достаточны для решения задач, зафиксированных в законах и других нормативных правовых актах России. Казахи, как следует из материалов моих экспедиционных исследований в Омской области и личных наблюдений во время проживания в шахтерском городе Новокузнецке и учебы в Новосибирском государственном университете, склонны к аккультурации и сильно подвержены языковой ассимиляции. Русский язык остается достаточно обширно и инструментально востребованным в обучении, в профессиональной реализации, в бытовом общении (впрочем, как и в Казахстане).

Как известно, в ходе переписи 2002 г. гражданин государства мог указать владение тремя языками, что означает умение говорить, читать и писать или только разговаривать на данных языках. Российские казахи указали владение 46 языками (с учетом русского и казахского) из 47 языков (кроме татарского), по которым подготовлены сводные данные в разрезе народов России. При этом владение казахами татарским языком (без учета русского и казахского) стоит на первом месте. Знание татарского языка подтвердили 9909 казахов, немецкого – 9387, алтайского – 2869, башкирского – 2867, узбекского – 1875 человек и др. Многие казахи ориентируются на доминирующую русскую культуру, ассимили-

руются и со стороны татар. «В особенности это касается смешения казахов с татарами в силу их конфессиональной близости и высокого соотношения смешанных браков, в результате чего порой становится невозможным определить уровень перехода от казахов к татарам и в обратном направлении», – констатирует российский исследователь Е.И. Ларина.

У казахов, проживающих в национальных республиках РФ с народами, имеющими с ними общие цивилизационные корни, по мнению А.А. Айталы, культурные ориентации могут быть и протатарскими, пробашкирскими. Определенное количество россиян из числа лиц не казахской национальности подтвердили в ходе переписи 2002 г. владение казахским языком. Среди 21 народа на первом месте стоят русские, среди них 41 759 человек владеют казахским языком. Далее: татары – 19 655 человек, башкиры – 5013, украинцы – 3547, чеченцы – 2575, немцы – 2291, азербайджанцы – 1144, ингуши – 863, белорусы – 515, чувашаи – 508, марийцы – 289, армяне – 251, мордва – 170, кумыки – 147, кабардинцы – 126, удмурты – 131, осетины – 114, аварцы – 68, буряты – 84, якуты – 47, даргинцы – 35 человек. Изменения хозяйственно-экономических условий жизни в годы, последовавшие за распадом Советского Союза, привели к переменам в различных сферах. В социальном составе этнических казахов России появились индивидуальные предприниматели, бизнесмены-работодатели, фермеры. Многие вовлечены в трудовую деятельность на совместных предприятиях с участием иностранного капитала, в том числе казахстанского. Новая категория населения зафиксирована как «безработные» – впервые после переписи 1926 г. Такая структура свидетельствует о развитии рыночных отношений.

В России в соответствии с Федеральным законом «О национально-культурной автономии» (1996) созданы порядка 30 национально-культурных обществ казахов, пионерами в их учреждении выступили еще в 1989 г Оренбургская и Омская области, где проживает 31,7% от общей численности российских казахов. Кстати, по численности казахского населения России Оренбургская область (125 568 человек, 19,2%) занимает второе место после Астраханской (142 633 человека, 21,8%). Традиционным стало участие руководителей региональных национально-культурных обществ казахов в форумах приграничных областей Казахстана и России, курултаях как в России, так и во Всемирных курултаях казахов. Ими принимаются меры по этнической консолидации, изданию национальной периодики, поиску спонсоров для организации работы и т.п. Как показала практика, многое зависит от позиции ка-

захских обществ, сосредоточенных в Москве. Именно они первыми приобрели ценный опыт взаимоотношения с Министерством по делам национальностей РФ, Министерством юстиции РФ, другими властными структурами новой демократической России, Посольством Республики Казахстан, приняли меры по координации деятельности других национально-культурных обществ.

По данным Агентства по демографии и миграции РК, за период с 1991 по 2000 г. в республику из России прибыло 8490 казахов. По состоянию на 1 октября 2008 г. из стран СНГ переехало в Казахстан 531 553 казах (137 966 семей), в том числе из России 32 806 казахов (10 083 семьи), что составляет 5,16% от официальных данных численности казахов 1989 г., т.е. по последней переписи населения перед распадом СССР. Для сравнения можно констатировать, что из Таджикистана (зона военного конфликта) переехало 11 476 казахов, или 95,6% от общей численности казахской диаспоры, из Туркменистана – 57 544 (64%), Монголии – 96 755 (61,6%), Узбекистана 421 630 казахов (50%). В общей численности репатриантов казахи из России составляют 4,65%. Переселенцы из России представлены во всех областях Казахстана, но большая часть (около 65%) расселилась в северном, центральном и восточном регионах, повышая здесь долю коренного населения, закрывая дефицит трудовых ресурсов. Трудности адаптации на местах привели и к обратному процессу – частичному оттоку казахов. Так, И.В. Октябрьская констатирует: «Для казахов-переселенцев, столкнувшихся с необходимостью адаптации к экономическим и социокультурным условиям вновь обретенной родины, возникла проблема этнической идентификации. Очень большое значение в самоопределении казахов Алтая играл и играет религиозный фактор. Активная исламизация района последних лет, связанная с установлением контактов с исламским миром (с мусульманами Казахстана, Монголии, Китая, Турции), актуализирует не только религиозное, но и этническое сознание, и способствует консолидации казахов Республики. В современных условиях, когда алтайцы обрели статус “титульной” нации, а казахи, сохраняющие лидирующие позиции в социальной инфраструктуре, оказались в роли этнического меньшинства, религиозный фактор приобрел особое значение, став формой самоорганизации».

Вопрос о причинах и мотивах эмиграции русских из Казахстана остается одним из самых дискуссионных. СМИ чаще всего в качестве причин отъезда называют разные явления: быстрый демографический рост казахского населения, миграция избыточного сельского населения в города, усиление межэтнической конкурен-

ции на рынке труда, «коренизация» кадров госаппарата и ведущих отраслей экономики, стимулирование миграции казахов из других стран и расселение их на «русских» территориях, т.е. в районах, где численно преобладали русские. Согласно переписи 1989 г., в Казахстане проживало 6 062 019 русских. Сложная экономическая ситуация в условиях перехода к рыночной экономике, падение уровня жизни большинства населения, резкое снижение социальной защиты со стороны государства и многие другие причины вызвали отток русского населения. За 1992–1996 гг. Казахстан покинули 965 000 русских. Согласно переписи 1999 г., численность русских уменьшилась на 26,1% и составила 4 479 620 человек. Если среднегодовой выезд в начале 90-х годов превышал 190 тыс. человек, то после стабилизации и роста экономики, адаптации русских к новым реалиям он уменьшился более чем в пять раз. В 2004 г. выехало 39 000 человек, в 2005 г. – 32 000, в том же году вернулись обратно 20 000 русских. Сегодня их социальное самочувствие в Казахстане можно констатировать как предельно позитивное, они, как полноправные граждане Казахстана, участвуют в создании реальной гуманизированной культуры консенсуса.

Являясь коренными жителями приграничных к Казахстану регионов, поддерживая тесные контакты с родственниками на казахстанской стороне, российские казахи не так интенсивно, как в 1990-х годах, втянуты в миграционные процессы. Представляется, что формирование квоты по казахам России для переселения в Казахстан более реально отражает их настрой остаться в России.

Российские казахи не политизированы, открыты к межкультурному и межрелигиозному диалогу, приобрели достаточно большой опыт совместного проживания в инонациональной среде, в полиэтническом и поликонфессиональном обществе, сохранив при этом национальное достоинство, национальную культуру, язык, исламскую веру, в целом этнокультурный колорит народа, а также разнообразные связи с Казахстаном. В составе России они могут реализовать свой фундаментальный этнический интерес, который состоит в обеспечении субъектной сохранности этнокультурного образования и его развития. Казахи дорожат ареалом своего проживания, своей землей, которая досталась от предков, своей Родиной – Россией. Миграционное поведение российских казахов, трудности адаптации в Казахстане оралманов, особенно из стран дальнего зарубежья, прибывших фактически из монокультурной среды, частичный отток казахов в страны исхода (Монголия, Турция, Россия), анализ ошибок, просчетов в их размещении, обустройстве и трудоустройстве, изучение нового зару-

бежного опыта подводят нас к выводу о необходимости корректировки этнической миграции в Казахстан. Мы поддерживаем мнение директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК Б.К. Султанова о том, что вместо репатриации казахов в Казахстан надо осуществлять курс на разработку собственной государственной политики по поддержке казахского населения с учетом российского опыта в отношении зарубежных этнических русских.

Впервые должна быть поставлена новая задача по выработке стратегии в отношении российских казахов, нацеленной на то, чтобы рассматривать их в качестве рычага для продвижения интересов РК. Создаваемый на границах в рамках сотрудничества пояс доверия и добрососедства – один из важнейших факторов, способствующих ускорению интеграционных процессов. Несомненно, гарантией жизнедеятельности казахов и русских также является Договор о вечной дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный между Казахстаном и Россией.

«Диалог культур: Евразийский опыт и региональная специфика», Оренбург, 2009 г., с. 88–95.

А. Назимов,
публицист (Душанбе)
**ПОЛИТИКА «ЯЗЫКОВОГО РЕНЕССАНСА»
В ТАДЖИКИСТАНЕ**

Осуществляющееся в Таджикистане языковое планирование сопровождалось неоднократной сменой общественных настроений по поводу языковой ситуации, эффективности языкового планирования и соответствия государственного языка объявленному статусу.

Первыми возникли романтические настроения национал-патриотов, воодушевляемых идеями радикального и скорого изменения существующего положения таджикского языка, предложениями радикальной замены «неестественного» состояния таджикского языка его новым расширенным функционированием в качестве государственного языка. Эти идеи находили поддержку в повсеместном открытии таджикских дошкольных учреждений и школ; таджикский язык становится обязательным предметом в школах с русским языком обучения; на многих факультетах открываются таджикские отделения; на страницах республиканских газет и журналов широко обсуждаются вопросы функционирования

ния и культуры таджикского языка; открыто (в том числе в газетах) объявляется требование о знании таджикского языка при приеме на государственную службу; возникает обостренный интерес к работе Государственного терминологического комитета и Ономастической комиссии; издаются академические грамматики и словари таджикского языка разных типов; открываются курсы и вводится трехлетнее изучение таджикского языка во всех вузах; усиливается издательская деятельность по подготовке словарей, учебников, энциклопедической, детской, научно-популярной и иной литературы на таджикском языке; объявляется паритетность (50% – на казахском и 50% – на русском языках) эфирного времени на радио и телевидении; делопроизводство постепенно переводится на таджикский язык и т.д.

Для данного периода была характерна не чувствительность к сложностям существовавшей конкретной языковой ситуации, а склонность к простым решениям и крайним средствам ее изменения.

Резкий разрыв с существующей традицией и ожидание быстрой победы – функционирования государственного языка во всех сферах в полном объеме его функций – вдохновляли многих. Другие в это же время высказывали нескрываемые опасения и страх за судьбу русского языка и будущее своих детей, а также муссировались мнения о том, что таджикский язык якобы «не готов выполнять предназначенную ему роль государственного языка».

Следующим был период нетерпеливого ожидания, недоумения, обид и обманутых надежд, когда оказалось, что взрослое население поголовно «не заговорило по-таджикски», документы создавались на русском языке и лишь потом переводились на таджикский, только часть населения отдавала своих детей в школы с таджикским языком обучения, а СМИ на таджикском языке не приобрели популярность. Неудовлетворенность многих результатами языкового планирования в стране выливалась в возмущение, чаще всего выражаемое в форме: «Вот уже десять (одиннадцать, двенадцать, тринадцать) лет прошло, а таджикский язык все еще не...». Такие радикальные настроения оказались более сильными в среде этнических таджиков, которые, по сути, были главным объектом языкового планирования.

Параллельно с нетерпеливым ожиданием стремительного успеха языкового планирования появляется взвешенная, лишенная политической ангажированности и пристрастности оценка происходящих в языковой ситуации перемен. Постепенно в значительной степени эмоционально напряженное отношение к осуществ-

ляющимся в стране мероприятиям языкового планирования ослабло, стала осознанной мотивация к изучению как таджикского, так и русского языков, пришло понимание того, что изменения в функционировании языков не происходят сами собой и в строго указанные сроки. Инерционность языковых процессов – это объективный фактор, который следует обязательно учитывать при языковом планировании. Разные социальные и возрастные группы населения обладают различной языковой пластичностью: дети, родившиеся и выросшие в независимом Таджикистане, это новая формация, относящаяся к государственному языку как к существующей реальности. Таким образом, разногласия были урегулированы, а сложившаяся в Таджикистане общественная толерантность – это результат правильной политики, приведшей к бережно охраняемой всеми установке на согласие и сотрудничество.

Насколько же обоснована такая точка зрения? Рассмотрим более подробно и суммируем некоторые наиболее яркие факты, позволяющие утверждать, что языковое планирование, осуществляемое в Таджикистане, привело к ощутимым изменениям языковой ситуации и может получить оценку как эффективное. Статусное планирование, в результате которого таджикскому языку был придан статус государственного языка, означало необходимость формирования расширенного таджикского коммуникативно-языкового пространства, которое стало неизбежно перекрещиваться с существовавшим русским коммуникативно-языковым пространством.

Зоны перекрещивания и оказались местом особого напряжения для обоих языков. При этом следует иметь в виду чрезвычайно важный момент: регулированию подвергаются сферы организованного общения, поддающиеся сознательному и целенаправленному воздействию, а сферы неорганизованного спонтанного общения оказываются неперекрещивающимися зонами коммуникативно-языкового пространства, в которых свободно функционируют оба языка. Совершенно очевидно, что неперекрещивающимися зонами коммуникативно-языкового пространства для таджикского и русского языков являются художественная литература, фольклор, семейно-бытовое общение и т.д., а также международное общение на личностном уровне, которое не испытывает организующего давления со стороны осуществляющейся в стране языковой политики. Напротив, одной из зон перекрещивания таджикского и русского коммуникативно-языкового пространства является сфера официального делового общения.

В настоящее время в нескольких областях Таджикистана со значительным числом коренного населения делопроизводство полностью осуществляется на таджикском языке, однако функционирование официально-делового подъязыка в государственном управлении (например, в Мажилиси оли) еще не достигло желаемого уровня. Можно ли рассматривать подобные факты как позитивные изменения языковой ситуации? Безусловно, да.

Во-первых, налицо явная, стремительная и успешная динамика таджикского языка к государственному в силу расширения социальных функций. Во-вторых, происходит закономерное и успешное формирование таджикского официально-делового и общеделового коммуникативно-языкового пространства, в котором существует относительно стабильная коммуникативная практика со своим набором жанров (закон, указ, резолюция, коммюнике, дипломатическая нота, договор, рапорт, инструкция, объявление, объяснительная записка, расписка, жалоба, заявление, различные виды судебно-следственной документации и др.). В-третьих, появился и расширяется корпус квалифицированных участников делового сообщества, способных осуществлять сложные профессиональные задачи на таджикском языке. В-четвертых, таджикский язык в настоящее время располагает развитым официально-деловым стилем – одним из функциональных стилей кодифицированного литературного языка, адекватно и полноценно обеспечивающим потребности деловых и официальных отношений между гражданами и учреждениями в области права и законодательства.

Утверждение о наличии официально-делового стиля кодифицированного таджикского литературного языка нуждается в некотором пояснении. Известно, что официально-деловой стиль как осознанная обществом и функционально обусловленная совокупность языковых средств и приемов их употребления обладает некоторыми особенностями: общенародностью, традиционностью, точностью и стандартностью, подготовленностью, однозначностью, отсутствием образности и нейтральной оценочностью, строгим и сдержанным характером изложения, системой клише, терминов и устойчивых выражений, характерных символов и сокращений, употреблением слов в строгом словарном значении, композиционной заданностью структуры и др. Почему же вообще возникла проблема стандартизации таджикского языка? Именно стандартизация связана с увеличением объема функций и развитием языка, так произошло и с развитием и совершенствованием официально-делового стиля таджикского языка, который стал ис-

пользоваться в ранее ограниченных для доступа сферах, в том числе и в сфере государственного управления.

Изменения общественного мнения можно связывать со многими фактами и переменами в языковой ситуации, которые могут осознаваться или зачастую не осознаваться совсем. Если обратиться ко всем группам таджикистанцев, то, с одной стороны, обнаружится их чрезвычайная неоднородность с точки зрения восприимчивости к регулированию их языкового поведения. Естественно, что более пластичными оказываются те группы, которые в силу возраста (молодежь, дети), особенностей родного языка (носители родственных или неродственных языков), особенностей культуры, или в силу производственной необходимости быстрее и лучше овладевают другим языком. С другой стороны, произошло стихийное перераспределение требований при осуществлении языкового планирования: большие ожидания и повышенные требования стали предъявляться к так называемой русскоязычной части таджиков. Именно они, работая в государственных учреждениях и испытывая особые трудности из-за незнания таджикского языка, были и по-прежнему остаются одним из центральных объектов языкового планирования. Нацеленность языкового планирования на таджиков с доминирующим русским языком оказалась стратегически существенной для формирования языковой ситуации, поскольку, во-первых, она не вызывает у самих таджиков особого недовольства из-за возросшего этнического и языкового самосознания; во-вторых, снижает давление на другие национальности и, в-третьих, в определенной степени снимает напряженность в зонах перекрещивания.

Наблюдающийся приток сельского населения в города резко изменил существовавшую в стране поляризацию преимущественно сельского автохтонного таджикского населения и городского неавтохтонного населения. Данный процесс, увеличивая представительство таджиков с доминирующим родным языком, сказался также на возрастании в городах (особенно в университетах) общей таджикской языковой компетенции.

При оценке языковой ситуации, как правило, учитывается владение языками, оно служит важнейшим критерием определения языкового пространства. Однако при учете владения языками не всегда последовательно учитываются особенности владения таджикским языком самыми крупными тюркоязычными диаспорами в стране, которые благодаря демографическому перераспределению последних лет выдвигались на первые позиции. Если ранжировать диаспоры по степени владения таджикским языком,

то получится следующий ряд: уйгурская (80,5%), узбекская (80,0%), татарская (63,6%), корейская (28,8%), немецкая (15,4%), русская (14,9%), украинская (12,6%). Из этих данных понятно, что с большим отрывом в этом списке лидируют узбекская, татарская, уйгурская диаспоры. Учитывая, что демографические параметры тюркских диаспор с высокими показателями рождаемости быстро увеличиваются, следует ожидать, что среда, в которой находит поддержку осуществляющаяся политика функционального распространения государственного языка, будет расширяться естественным образом.

Немаловажным фактором формирования языковой ситуации в Таджикистане является усиление связи между реальным функционированием языков и мотивацией их организованного овладения. Все население страны оказалось непосредственно и активно включено в процессы этнической и языковой самоидентификации, способствующие росту языкового сознания и языкового самосознания как основополагающей части национального общественного сознания. Активным участником этих процессов оказалось молодое поколение страны, более того, оно выросло, социализировалось и развивалось в атмосфере эмоционально обостренной и всеобщей рефлексии по поводу своего знания и мотивов языкового поведения. Сегодня мы можем констатировать существенное изменение языкового самосознания и мотивации изучения языков уже для поколения 80-х и 90-х, что обуславливает расслоение таджикского общества по все возрастающему уровню владения таджикским языком, подтверждая тем самым успешное формирование соответствующей инфраструктуры для полноценного функционирования государственного языка.

Политика языкового ренессанса направлена на возрождение и расширение функций государственного языка, и в основе государственной политики лежит понимание языкового планирования как действенного инструмента предотвращения этнических и языковых конфликтов, а также осуществления политических и социальных преобразований при построении нового государства.

«Вестник Пятигорского лингвистического университета», Пятигорск, 2009 г., № 3, с. 250–252.

Л. Тимофеенко,

публицист

ТУРКМЕНИСТАН: ДИВЕРСИФИКАЦИЯ МАРШРУТОВ ЭКСПОРТА ЭНЕРГОРЕСУРСОВ

Каспийско-Центрально-Азиатский регион в силу наличия больших запасов углеводородного сырья и выгодного геополитического положения находится в центре внимания ведущих мировых держав. Государства региона рассматриваются ими в качестве важнейших поставщиков энергоресурсов, причем особая роль в стратегии Запада отводится Туркменистану. Основные направления политики руководства страны на современном этапе – увеличение объемов добычи энергетического сырья и установление непосредственных контактов с покупателями туркменских энергоресурсов. Ашхабад стремится выступать в качестве крупнейшего поставщика углеводородов, что позволило бы ему не только укрепить позиции на мировом рынке энергоносителей, но и расширить свое влияние в Прикаспийском и Центрально-Азиатском регионах.

Объявив о намерении проводить курс на «многовариантность экспорта», Туркменистан окончательно отказался от политики изоляционизма, которой следовало прежнее руководство страны, и активизировал свою внешнеполитическую стратегию. Позиционируя себя в качестве независимого поставщика «голубого топлива», Ашхабад рассчитывает на привлечение дополнительных инвестиций в топливно-энергетический сектор, поскольку региональные и нерегionalные государства, помимо конкуренции за право разработки нефтегазовых месторождений на территории страны, проявляют повышенный интерес к прокладке новых трубопроводов, по которым углеводородное сырье должно поставляться на внешние рынки. При этом туркменскому руководству приходится учитывать, что реализация крупных энергетических проектов сопряжена с возможностью обострения геополитического соперничества вокруг Туркменистана между мировыми центрами силы.

По запасам жидких и газообразных углеводородов Туркменистан занимает третье место среди прикаспийских государств, что создает условия для организации на его территории крупного транспортно-энергетического узла. Наиболее перспективными для Ашхабада считаются следующие направления развития транзитно-транспортной инфраструктуры:

– северное, предполагающее модернизацию действующей магистрали «Средняя Азия–Центр» (САД), а также строительство Прикаспийского газопровода;

– восточное, включающее создание трансевразийского коридора поставок сырья по газопроводу «Туркменистан–Китай»;

– западное, в рамках которого рассматривается возможность строительства Транскаспийского газопровода с последующим присоединением его к проекту «Набукко»;

– южное, предполагающее увеличение поставок энергосырья в Иран посредством введения в эксплуатацию дополнительной ветки трубопровода Довлетабат–Серахс–Хангеран, а в перспективе – создание Трансафганского трубопровода.

Реализуя принятый курс в сфере энергетики, Туркменистан стремится к снижению зависимости от российской системы трубопроводов. Для этого официальный Ашхабад в рамках своей долгосрочной стратегии стремится: во-первых, расширить круг инвесторов в энергетический сектор с целью формирования разветвленной транзитно-транспортной системы и внедрения передовых технологий разработки месторождений и первичной переработки природных ресурсов; во-вторых, наращивать мощности ТЭК с целью увеличения объемов добычи углеводородов для удовлетворения потребностей мировых импортеров энергосырья; в-третьих, инициировать создание обновленной системы отношений в мировом энергетическом пространстве, которая позволит в будущем осуществить ряд энергетических проектов под эгидой ООН.

Однако в среднесрочной перспективе ключевую роль в топливно-энергетической стратегии республики будет играть российское направление. Это обусловлено рядом причин:

– во-первых, существующая система трубопроводов между РФ и Туркменистаном остается наиболее удобным маршрутом транспортировки туркменского газа на мировые рынки;

– во-вторых, «Туркменгаз» и «Газпром» связаны контрактом на закупку туркменского природного газа в объеме около 30 млрд. м³ ежегодно;

– в-третьих, Россия стремится сохранить позиции главного транзитера туркменского газа в Европу и предпринимает попытки устранить дисбаланс между экономической и геополитической составляющими договора;

– в-четвертых, для того, чтобы реализуемые Туркменистаном проекты по диверсификации экспорта вышли на проектную

мощность, понадобится определенное время, что способствует сохранению партнерских отношений между Москвой и Ашхабадом.

Подписав в 2007 г. с Россией и Казахстаном договор (предполагающий возможность в дальнейшем присоединения к нему Узбекистана) о строительстве Прикаспийского газопровода, Туркменистан рассчитывает поставлять в российском направлении до 30 млрд. м³ газа ежегодно. В рамках данного проекта предполагается также реконструкция трубопровода «Средняя Азия–Центр», на участке которого в ночь с 8 на 9 апреля 2009 г. произошла авария, повлекшая за собой приостановку поставок туркменского газа по этой магистрали. Данный инцидент негативно отразился на российско-туркменских отношениях. Стороны долгое время не могли прийти к соглашению относительно сроков и объемов возобновления поставок, возникли сложности и в вопросе ценообразования на газ. Лишь в декабре 2009 г. между лидерами России и Туркменистана была достигнута договоренность о восстановлении газотранспортного транзита.

Следует отметить, что периодически возникающие противоречия между Туркменистаном и российским холдингом, несмотря на демонстрацию политической воли сторон к сотрудничеству, препятствуют строительству Прикаспийского трубопровода. Действия Ашхабада продиктованы стремлением проводить независимую энергетическую политику. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в октябре 2009 г. Туркменистан объявил о намерении ввести запрет на реэкспорт своего топлива, чтобы обходиться без посредников при продаже природного газа. Однако этот вариант не устраивает РФ, так как он существенно повысит издержки по доставке природного газа к потребителям в Европе.

Следует отметить, что руководство республики считает целесообразным развитие внешнеэкономических связей исключительно в российском направлении. Этим объясняется стремление к диверсификации маршрутов экспорта энергосырья. В декабре 2009 г. заработал трансконтинентальный газопровод «Центральная Азия–Китай». Протяженность проложенной по территории четырех государств (Туркменистана, Казахстана, Узбекистана и Китая) газотранспортной артерии составляет более 7000 км. Согласно заключенному договору, Туркменистан в течение 30 лет будет поставлять в КНР до 40 млрд. м³ газа ежегодно. На первом этапе наполняемость трубопровода будет обеспечиваться за счет природного газа месторождений «Самандеп» и «Алтын асыр». В ближайшем будущем Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) приступит к добыче сырья на месторождении

«Багтыярлык» на правом берегу Амударьи. Очевидно, что сотрудничество Ашхабада с Пекином может привести к обострению конкурентной борьбы за туркменские энергоресурсы. Однако в краткосрочной перспективе не следует ожидать ослабления позиций РФ в энергетическом секторе.

Повышение интереса КНР к торгово-экономическому взаимодействию с Туркменистаном совпало с планами Ашхабада по диверсификации внешних связей республики. Активизация финансовой деятельности китайского бизнес-сообщества должна закрепить экономическое проникновение Китая в Туркменистан, обеспечить ему доступ к природным ресурсам Каспийского моря. В свою очередь, в нефтегазовых ресурсах Прикаспийского региона заинтересованы европейские государства. Западное направление транспортировки туркменских углеводородов остается одним из важных элементов политики Ашхабада по развитию газо- и нефтетранспортной системы страны. Заинтересованность в туркменских энергоресурсах демонстрируют и многие европейские компании, в числе которых бельгийская «ENEX Process Engineering SA» и немецкая «RWE Dea AG», которая недавно заключила соглашение об участии в освоении углеводородных ресурсов туркменского шельфа Каспия. Лоббируемый странами запада газопровод «Набукко» является продолжением ранее начатых масштабных европейских проектов по созданию трубопроводов, способных доставлять центральноазиатские и каспийские энергоносители на мировые рынки. Проблемным моментом остается и доставка природного газа к терминалам в Азербайджане. В настоящее время ни один из потенциальных проектов транспортировки туркменского газа к энергоузлам в Баку не удовлетворяет необходимым геополитическим и экономическим условиям.

– Транскаспийский трубопровод. Реализации этого проекта препятствует РФ, которая рассматривает данный маршрут как антироссийский; сложности возникают и в связи с неопределенностью статуса Каспийского моря и взаимными претензиями Туркменистана и Азербайджана относительно делимитации каспийского шельфа.

– Трансиранский трубопровод. Вариант использования газотранспортной системы ИРИ для транзита туркменских энергоресурсов не находит поддержки со стороны стран Запада, и прежде всего США, в связи с разногласиями по иранской ядерной программе, а также геополитическим соперничеством на Ближнем Востоке.

– Доставка сжиженного газа морем. Финансовые затраты, необходимые для осуществления модернизации портовых терминалов, а также закупки дорогостоящего оборудования, обуславливают нерентабельность данного проекта в сравнении с трубопроводным вариантом.

Нерешенность международно-правового статуса Каспийского водоема, а также возможные экологические риски делают проблематичной прокладку по дну Каспия газовой магистрали, которая могла бы обеспечить наполняемость «Набукко», однако, несмотря на затруднения, связанные со строительством этого трубопровода, он продолжает рассматриваться ЕС в качестве одного из ключевых маршрутов, по которому европейские государства могли бы получать энергетическое сырье. В рамках стратегии диверсификации экспорта энергоресурсов руководство Туркмении рассчитывает в дальнейшем наращивать поставки энергоресурсов в иранском направлении. Во время газового конфликта между Туркменистаном и российским холдингом «Газпром» руководство страны приняло решение увеличить поставки природного газа в Исламскую Республику Иран (ИРИ). Стороны подписали соглашение, в котором регламентировались цены и порядок продажи туркменского природного газа в Иран. В июне 2009 г. Ашхабад и Тегеран договорились увеличить поставки до 14 млрд. м³ газа в год, а также проложить новый газопровод. Эти меры рассматривались руководством республики как один из оптимальных вариантов стабилизации ситуации в энергетической отрасли Туркменистана, поскольку полностью обеспечивали сбыт добываемого в стране топлива после прекращения поставок газа в российском направлении.

Заинтересованность Тегерана в сотрудничестве с Ашхабадом в сфере энергетики обусловлена тем, что дополнительные поставки туркменского газа имеют важное значение для развития северо-восточных областей ИРИ. Кроме того, расширение трубопроводной транспортной инфраструктуры соответствует политике Ирана, которая предполагает закрепление статуса транзитной страны для транспортировки центральноазиатских энергоносителей на Запад. Во взаимоотношениях с Исламской Республикой Иран Туркменистан в первую очередь руководствуется экономической целесообразностью. В случае стабилизации ирано-американских и ирано-европейских отношений, Ашхабад станет более предметно оценивать перспективы использования территории ИРИ для прокладки транзитно-транспортных маршрутов по доставке в страны Европы туркменского энергосырья. Однако до

настоящего времени женевские переговоры с участием США, Великобритании, Франции, Германии, России и Китая (страны «шестерки») не привели к выработке взаимоприемлемого решения проблемы ядерной программы Ирана. Отсутствие прогресса в переговорах по ядерной программе ограничивает возможности дальнейшего расширения энергетического сотрудничества Ашхабада и Тегерана.

Южный маршрут экспорта туркменского энергосырья также включает в себя Трансафганский газопровод. Участвующие в проекте страны подтверждают свою заинтересованность в его реализации. Однако с момента подписания в Исламабаде в 2002 г. президентами Афганистана, Пакистана и Туркменистана соглашения о строительстве трубопровода «Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия» («ТАПИ»), к которому позднее присоединилась Индия, и достижения в 2008 г. Рамочного соглашения о строительстве Трансафганского газопровода ситуация вокруг этой транспортной магистрали осложнилась. Активизация движения «Талибан» в приграничных с Пакистаном территориях, а также участвовавшие военные столкновения с боевиками в северных районах Афганистана ставят на повестку дня проблему обеспечения безопасности возможного энергетического коридора. Политическая нестабильность правящих режимов в Афганистане и Пакистане увеличивает экономические риски, связанные со строительством газопровода. Азиатский банк развития, выступающий одним из основных спонсоров проекта, продолжает поиски потенциальных инвесторов, что свидетельствует о наличии проблем с окупаемостью строительства Трансафганского трубопровода. Таким образом, целый ряд проблем не позволяет пока приступить к разработке конкретных планов реализации проекта. Следует подчеркнуть, что осуществление проекта «ТАПИ» возможно лишь в том случае, если газопровод будет построен под патронажем международных структур, обладающих полномочиями эффективно решать вопросы обеспечения безопасности энергонесущих систем. Именно с такой инициативой выступает Туркменистан, предлагая принять международный документ по транзиту энергоносителей. В этом случае к Трансафганскому проекту может присоединиться ряд потенциальных поставщиков углеводородов, в том числе и страны Центральной Азии.

При проведении курса на диверсификацию маршрутов транспортировки углеводородов Туркменистану приходится сталкиваться с целым рядом геополитических и экономических проблем. Ашхабад в первую очередь целенаправленно работает над

тем, чтобы снизить зависимость энергетического комплекса страны от транзитно-транспортной системы РФ и обеспечить реализацию энергетического сырья по альтернативным маршрутам сбыта. Обнародование британской компанией Gaffney, Cline & Associates данных исследований о запасах газа туркменского месторождения «Южный Иолотань–Осман», которое, по оценкам экспертов GCA, является четвертым или пятым в мире, придает особую актуальность намерениям Ашхабада диверсифицировать маршруты поставок сырья, подтверждает целесообразность потенциальных проектов строительства газопроводов из Каспийского региона.

*«Россия и новые государства Евразии»,
М., 2010 г., № II, с. 93–100.*

Нурбек Атаканов,

кандидат экономических наук

ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В Центральной Азии два государства – Киргизстан и Таджикистан находятся в зоне формирования и транзита водного речного стока, где сосредоточено почти 85% водных ресурсов Центральной Азии, а другие – Казахстан, Узбекистан и Туркмения расположены в зоне транзита и рассеивания речного стока. В основном в двух аспектах – в качестве поливной воды и как гидроэнергетический ресурс. В советское время, когда еще существовала единая энергетическая система Центральной Азии, этот вопрос регулировался централизованно, когда в вегетационный период приоритет отдавался воде в качестве поливного ресурса в условиях рискованного земледелия в ущерб выработке электроэнергии с последующей компенсацией потенциальных потерь другими видами энергоносителей (уголь, газ и пр.). Узбекистан и Казахстан поставляли углеводородное топливо (уголь, газ, топливный мазут и др.) в Киргизию и Таджикистан, которые несли убытки от плановых пропусков воды на орошение в вегетационный сезон, не накапливая объемов воды для зимнего режима работы ГЭС.

Со времени обретения государствами региона независимости решение этого вопроса стало «камнем преткновения» в отношениях между соседями. Понятно, что Киргизия и Таджикистан требуют от соседей адекватного восполнения понесенных ими потерь от пропусков воды на цели орошения – по объему и цене альтернативных видов энергоносителей, делая упор на экономические

критерии оценки ресурсов. Компенсация, как считают они, должна включать расходы по хранению воды, по содержанию водной инфраструктуры, по предотвращению затоплений, а также за недополученную электроэнергию. Узбекистан, Казахстан и Туркмения, где в основном функционируют ТЭС, настаивают на признании воды как ограниченного ресурса, имеющего существенное значение для жизни, развития и окружающей среды, апеллируя к международному праву, которое, к месту сказать, носит общий рекомендательный характер и имеет массу противоречий. В зимний период эти государства страдают от затопления части их территорий от пропусков воды из водохранилищ для выработки электроэнергии в целях погашения пиковых нагрузок на сети.

Время и развитие рыночных отношений в странах региона породило, с одной стороны, множество межгосударственных соглашений по этому вопросу, а с другой – признало их несоответствие времени и условиям. Таким образом, страны региона в настоящее время пока еще не пришли к общему консенсусу, продолжая консультироваться и обмениваться мнениями по этому актуальному вопросу, основным звеном которого является паритет цен по обмену энергоносителями и ряд технологических моментов. Ситуация усугубляется в связи с намерениями Киргизии и Таджикистана развивать в дальнейшем на трансграничных водных артериях сеть ГЭС, больших и малых, запланированных еще в советское время. Гидроэнергетический потенциал Киргизстана по разным оценкам колеблется в пределах 140–160 млрд. кВт/ч в год и Таджикистана от 500 до 550 млрд. кВт/ч в год, что позволяет этим государствам, не имеющим в достаточном количестве углеводородного сырья, придерживаться этой линии в своей стратегии.

В итоге, пока кардинально не решена проблема, с одной стороны, страдают сельскохозяйственные товаропроизводители, с другой – энергетики, что особенно остро проявляется в периоды маловодных и сухих годов, как, например, 2000 и 2008 гг. Вместе с тем межгосударственные переговоры стран Центральной Азии и России, активизировавшиеся в рамках региональных объединений, подают надежды на скорое решение проблем.

Центральноазиатские государства вместе с Россией в рамках ЕврАзЭС договорились о совместном решении водно-энергетических проблем региона, где Россия выступает как инвестор, поставщик специальной продукции и импортер электроэнергии. Учитывая роль России в этих договоренностях, был согласован вопрос о синхронизации инвестиционной деятельности. Речь идет не только о широкомасштабных планах Киргизии и Таджикистана,

но и о инвестициях в строящиеся ТЭС и ЛЭП на территории Казахстана и Узбекистана. В финансировании этих проектов кроме России участвуют ВБ, АБР, ИБР, ЕБРР, а также Китай, заинтересованный в импорте электроэнергии для своих северо-западных территорий, и Иран. В проектах намерен принять участие и Евразийский банк развития (ЕАБР), созданный в 2006 г. Россией и Казахстаном. В соответствии с рядом соглашений в рамках СНГ торговля электроэнергией не облагается таможенной пошлиной. Киргизия в настоящее время экспортирует электроэнергию в Россию через Казахстан и в Китай. Планируется наладить систему энергообмена в регионе и увеличить объем и географию экспорта электроэнергии за счет России, Китая, Южной Азии, для чего проектируется магистральная ЛЭП «Север–Юг». Создание единой энергетической системы в регионе позволит решить проблемы экономического, социального и даже политического характера, что должно стать основой мира и согласия в регионе.

Важный ключевой фактор – межгосударственные отношения в Центральной Азии по водно-энергетическим проблемам. Выше приводилась краткая информация об энергетических ресурсах государств региона, из чего видно, что противостояние стран, расположенных в зоне формирования водного стока, и стран, расположенных в зоне рассеивания стока, носит политический характер. Киргизия, как и Таджикистан, не имея альтернативных источников энергоносителей, будет развивать гидроэнергетику в любом случае: будь это малые реки или трансграничные. Электроэнергия необходима будет как для внутреннего потребления, так и на экспорт.

Вода должна стать предметом для последующих переговоров в силу того, что других альтернатив в регионе нет. И эта проблема у Киргизии возникает со странами, которые отличаются энергосырьевой ориентацией экономик. На фоне сокращающихся мировых запасов углеводородов трудно в этой ситуации предсказать ход дальнейших событий. Это обстоятельство позволяет вопросы межгосударственных отношений в Центральной Азии рассматривать как ключевую неопределенность, равно как и перспективы возобновления уранового производства в Киргизии.

*«Государственное стратегическое управление:
Сценарии для России», М., 2009 г., с. 276–293.*

Сулаймон Шохзода,
политолог
**МЕХАНИЗМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

К закату биполярности стало очевидным, что обеспечение безопасности локальных пространств – регионов – дело менее дорогостоящее и более эффективное. Мир после 1991 г. с постепенным ускорением превращался в полицентрическую систему отношений с децентрализованными институтами безопасности. Официальные лица открыто признают это как свершившийся факт международной жизни. В частности, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров отмечает, что «регионализация глобальной политики говорит о поиске региональных решений конфликтов и кризисных ситуаций. Укрепление регионального уровня управления в условиях, когда не срабатывают общемировые механизмы, служит своего рода страховочной сеткой на случай развития процессов “деглобализации”, гарантией того, что фрагментация не пойдет глубже, когда каждое государство будет стоять за себя и против всех остальных».

Иные процессы происходили в постбиполярной мировой экономике. При всестороннем содействии США стали набирать силу тенденции глобализации, которые подкрепились «Вашингтонским консенсусом». В соответствии с ним считалось, что государство должно минимизировать свою роль в управлении экономикой. Мировое сообщество уже ощущает последствия реализации такой до конца непродуманной концепции в связи с глобальной экономической рецессией, которая способствует регионализации мировой экономики. Эксперты считают, что, как и в начале XX в., степень интеграции вновь превысила возможности ее управляющих систем, и теперь операторы вынуждены уменьшить глубину интеграции, частично восстановив управляемость за счет примитивизации форм развития. Другими словами, «происходит переход от глобализации к регионализации: формирование укрупненных макрорегионов, ведущих между собой жесткую культурную, политическую, хозяйственную и технологическую конкуренцию».

На месте единого геополитического пространства (социалистического блока и СССР) возник ряд других образований, тяготеющих к разным центрам. Интенсивное воздействие стихийных трансформаций на устоявшиеся и формирующиеся регионы усложняет процесс управления региональными институтами безо-

пасности в условиях продолжающихся центробежных тенденций на постсоветском пространстве и асимметрических действий вне-региональных акторов. Неадекватное восприятие и непонимание сути причинно-следственных связей в процессах развития со стороны последних способствуют интенсификации этих процессов. Исследования постсоветского экспертного сообщества также сильно отставали от бурно развивавшихся событий, происходивших после 1991 г., и только во второй половине 1990-х годов в отечественной науке появились пионерские исследования, посвященные теоретическим и системным основам региональной безопасности. Однако, несмотря на это, в политологических и регионоведческих науках все еще имеются пробелы, которые не позволяют обстоятельно исследовать эту сферу. При изучении механизмов формирования региональной безопасности Центральной Азии особенно важно изучить механизмы сдерживания межгосударственных войн в регионе при имеющихся крупных противоречиях. Насколько прочны эти механизмы?

1. Системные основы современных региональных трансформаций. Импульсы, влияющие на безопасность Центральной Азии извне, имеют межрегиональный характер. Ее место и роль в новой иерархии не определены, однако она постепенно втягивается в различные межрегиональные и глобальные процессы. В свою очередь, это расширяет рамки интенсивного воздействия на безопасность этого региона тех трансформаций, которые происходят в Европе, Азии или Северной Америке. Образование новых государств в регионе и установление непосредственных связей на международном уровне интенсифицировали со временем межгосударственные контакты и «сблизили» сообщества этих стран. Новые связи привнесли и негативные элементы, несколько повысив уровень противоречий в регионе. Более или менее важные процессы, возникающие в далеких и соседних с ним государствах, деятельность негосударственных акторов, таких как новые нетрадиционные международные сетевые структуры – террористические организации, неизбежно влияют на безопасность.

К этим факторам угроз добавляются те процессы, которые развиваются в самом регионе (ассоциативный или диссоциативный регионализм и т.д.). С этой точки зрения регион остается слабо структурированным и неорганизованным образованием, в нем мало развиты общерегиональные и межгосударственные связи и отношения. В структуре межгосударственных отношений преобладают политические, что уводит на второй план невоенные аспекты безопасности, такие как экономика. Государствам ЦА при-

ходится идти затратным путем и в одиночку решать общерегиональные проблемы. Разветвленные структуры Европейского союза позволяют решать проблемы безопасности с большей оперативностью, чем, например, это удастся странам Ближнего Востока. Безопасность любого региона мира зависит от степени его структурированности или «регионности».

Стремительное развитие сельскохозяйственного комплекса и освоение новых земель в 1960–1970-х годах без учета всех последствий в советских республиках Средней Азии привели к экологической деградации региона всего за несколько десятилетий. Антропогенный фактор из созидательного инструмента превратился в разрушительный. По своей природе деструктивные комплексы не случайные антисистемные явления, а тенденции, возникшие в результате потери подсистемой своих свойств и функций. Достаточно смены режима на более радикальный в том или ином государстве – и появляются первые отголоски нестабильности вокруг него. Первоначально те или иные потерявшие свои свойства или функции региональные подсистемы создают риски для дальнейшего развития подсистем, а со временем превращаются в опасные и даже угрожающие факторы. Так, сигнал об ослаблении политического режима в Киргизии (2005) впоследствии привел не только к его смене, но и к другим политическим катаклизмам в регионе. Тогда эффект «домино» удалось приостановить, процессы приобрели латентный характер, а их взрывоопасный потенциал сохранился. Мировой финансовый кризис также интенсифицирует деструктивные комплексы в Центральной Азии. Эксперты МВФ прогнозируют, что страны СНГ из всех регионов глобальной экономики окажутся перед лицом самых сложных проблем в краткосрочном плане.

2. Системные механизмы региональной безопасности. В зависимости от внутренней организации, региональные подсистемы международных отношений по-разному реагируют на деструктивные комплексы. Чаще всего ликвидируют или ослабляют их. Адаптируясь к новым условиям, сама региональная подсистема международных отношений трансформируется с помощью формальных и неформальных институтов. При постоянной угрозе нарушения равновесия в региональной подсистеме они стремятся к его сохранению. Понятие «равновесие» имеет множество спорных определений, наиболее адекватной и исчерпывающей, на наш взгляд, является дефиниция А.Д. Воскресенского, который считает, что оно «может пониматься как относительный баланс выбранных переменных (или факторов) системы, действующих в задан-

ных пределах в течение определенного периода времени. Теоретически переменные могут носить постоянный характер; в реальности же они пребывают в процессе постоянного эволюционного изменения, и в силу этого равновесие может рассматриваться не как “статичное”, т.е. как самодостаточный процесс автоматических компенсирующих реакций на нарушения, который восстанавливает исходное состояние, а скорее как постоянный процесс замены прежнего равновесия новым временным равновесием». Механизмы обеспечения безопасности являются результатом плодотворного взаимодействия акторов в подсистеме международных отношений и структурируют систему региональной безопасности. Они опираются на концепцию международной безопасности, международные режимы безопасности и международные структуры безопасности. Обычно государства в рамках такой региональной подсистемы согласовывают и вырабатывают систему взглядов на взаимную безопасность в заданном пространстве. По сути, у государства, как социальной системы, имеется одна цель – выжить и развиваться, а пути ее достижения – разные. Взаимосогласованная концепция безопасности необходима государствам для формирования в дальнейшем общих норм, принципов, процедур принятия решений и форматов перспективного взаимодействия. В настоящее время наибольшее признание получили концепции, охватывающие такие сферы, как коллективная оборона, коллективная безопасность, кооперативная безопасность, всеобщая/общая безопасность, человеческая безопасность, представляя модели реагирования на деструктивные комплексы. В зависимости от своих интересов субъекты международных отношений предпочитают выбор и реализацию либо одной концепции, либо одновременно нескольких.

3. Государственные акторы в системе региональной безопасности Центральной Азии. В разной степени в процесс формирования концепции и установления режимов и структур в Центральной Азии вовлечены РФ, КНР, США, Индия, страны ЕС, Среднего и Ближнего Востока и Южной Азии. Выстраивание отношений внерегиональных акторов со странами региона происходит в разных форматах и зависит от их национальных интересов и возможностей. При этом большинство действенных форматов безопасности в ЦА основывается на двухсторонних отношениях с внерегиональными акторами. Наиболее активными инициаторами и проводниками региональной трансформации в регионе являются РФ, США, КНР, ЕС.

Российская Федерация продолжает рассматривать регион как часть единого геополитического пространства, потеря влияния в котором может прямо угрожать ее безопасности. После распада Советского Союза внешняя политика России в отношении его бывших республик исходила в большей степени из внутренней. Несмотря на то что во всех ключевых документах РФ отмечается незыблемость положения о сохранении единства постсоветского пространства, отсутствует долгосрочная программа, содержащая четкие сроки, инструментарий реализации внешней политики и тому подобное на этом направлении. К сожалению, и сейчас она остается неопределенной, непоследовательной и нескоординированной на уровне взаимодействия различных ведомств. Не секрет, что именно «жесткая» (военная) безопасность является императивом взаимоотношений РФ с регионом. В то же время государства ЦА ожидают от России интенсификации «невоенных» аспектов безопасности. В отличие от своих конкурентов Россия имеет больше естественных преимуществ в Центральной Азии (общая история, единое гуманитарное и миграционное пространство, экономический уклад и связи), однако она слабо использует имеющиеся возможности сотрудничества с регионом. Отчасти позиция РФ в регионе формируется под влиянием спонтанных обстоятельств. В некоторых ситуациях она становится заложником межгосударственных противоречий стран региона, хаотично принимая позицию то одной, то другой стороны. В институциональном плане Россия является относительно «продвинутым» субъектом, однако ее организационные продукты – СНГ, ЕврАзЭС и ОДКБ пока работают на малой мощности.

После распада СССР Соединенные Штаты без определенных стратегических ориентиров достаточно долго присматривались к региону. Подходы, использовавшиеся в 1990–2000-е годы во внешней политике (например, доктрина Лейка, концепция «гумани-тарной интервенции», принцип односторонности во внешней политике и т.д.), в большей части дискредитировали ее в глазах региональной общественности. Бесперспективность такой политики позже осознали в американских научных кругах. Ими был предложен новый интеллектуальный продукт – формирование макрорегиона – Большой Центральной Азии, направленное на образование в регионе новых режимов и институтов, связанных с США. Эта концепция базируется на тех исторических опорах, которые некогда соединяли и объединяли регионы и народы ЦА и Среднего Востока между собой.

Несмотря на равноудаленные и равноблизкие межрегиональные связи Центральной Азии и Среднего Востока, по сути, экономическая составляющая концепции Большой ЦА открывает региону новые практические контуры и поэтому привлекательна для центральноазиатских государств. Реализация данной стратегии главным образом зависит от успехов США и их союзников в Афганистане и Пакистане. В настоящее время наблюдается медленный рост интереса РФ к беспрецедентному для нее формату взаимоотношений (РФ, Таджикистан, Афганистан и Пакистан), охватывающему участников проекта Большой ЦА.

КНР медленно, последовательно и осторожно выстраивает свои отношения со странами региона. Объединяя институциональные и функциональные возможности и решения проблем воедино, Китай сначала окончательно закрыл пограничные вопросы с государствами ЦА, а потом перешел к активизации экономических отношений с ними. Именно в таком русле развивался и продолжает развиваться китайско-российский проект ШОС. Если в отношении РФ или США в регионе чередовались антироссийские и антиамериканские настроения, то антикитайские на этом фоне можно считать эпизодическими. Политика Китая нацелена на выстраивание тесных связей, медленно формирующих макрорегион Большой Восточной Азии.

Европейский союз в ЦА пытается использовать собственный, более самостоятельный подход. В 1990-е годы его взаимоотношения с государствами региона в целом складывались «в унисон» с американским подходом. При этом европейцы в отличие от других всегда работали в регионе более организованно, с детализированными программами действий. В 2007 г. была разработана Стратегия нового партнерства между Европейским союзом и странами ЦА на 2007–2013 гг. На основе этого документа ЕС параллельно развивает двусторонние и многосторонние форматы в разных сферах, принимает в качестве стратегических задачи обеспечения безопасности и стабильности в регионе, развития института прав человека и по вопросам энергетики. Подход ЕС примечателен тем, что в нем признаются и принимаются в расчет альтернативные пути регионального развития и институтов формирования безопасности. Таким образом, европейцы во избежание дополнительных рисков изначально адаптируют свои подходы к реалиям ЦА.

4. Проблемы и перспективы региональной безопасности Центральной Азии. Вопреки сложившемуся мнению о крайне нестабильной и взрывоопасной ситуации в ЦА государства региона

благодаря механизмам, обеспечивающим безопасность, ни разу не вступали в прямой военный конфликт друг с другом. Механизмы формирования региональной безопасности противоречивы, но они вносят ощутимый вклад в ее обеспечение. Имеется много концептуальных противоречий в подходах к обеспечению региональной безопасности. Государства Центральной Азии действуют непрозрачно, а иногда даже вопреки интересам соседей, и, руководствуясь собственным видением, отвергают тем самым принцип неделимости безопасности. Каждая страна и внешние участники исходят из своих интересов. Страны региона придают мало значения изучению и обоснованию актуализации национальных интересов с точки зрения долгосрочной перспективы. Фактор «здесь и сейчас» под влиянием классических геополитических схем достаточно глубоко укоренился в сознании лиц, принимающих внешнеполитические решения. В этих условиях в 1990-е годы появилась плеяда специалистов, рассматривающих внешнюю политику в духе наставлений классиков зарубежной вульгарной геополитики. На практике некоторые политики с упором на традиционные геополитические схемы поспешили объявить ключевые вопросы национальных интересов стран ЦА взаимоисключающими, т.е. потенциально конфликтными. На острие межгосударственных противоречий в регионе всегда были вопросы безопасности (энергетической, водной и т.д.). При нынешнем развитии ситуации потенциал подобных противоречий, к сожалению, имеет долгосрочный и не слабеющий характер. Из-за остроты межгосударственных трений коллективные и институциональные подходы к решению проблем безопасности в ЦА нередко игнорируются.

В зависимости от целевой установки структурированными механизмами обеспечения безопасности являются различные международные организации в Центральной Азии. По своей функциональной особенности они разделяются на те, которые обеспечивают «мягкую» безопасность, и на те, которые обеспечивают «жесткую» безопасность. Начиная с 1990-х годов эволюция механизмов обеспечения региональной безопасности обрела интересную динамику. Каждая страна региона имела свои взгляды на региональную безопасность, отличные от соседей, и примеров тому немало. Так, если большинство стран ЦА воспринимало средневековый по типу правления режим талибов в Афганистане до 2001 г. как угрозу безопасности региона, то правительство Туркменистана установило с ним торговые отношения. Или же Узбекистан входил в ГУЦАМ, а Казахстан, Киргизия и Таджикистан – в ОДКБ и ЕврАзЭС. Правда, через некоторое время произошла реконфигу-

рация, которая впоследствии тоже изменилась. Резкие колебания в геополитическом пространстве для поиска участниками новых стратегических связей расшатывают временные конструкции безопасности в ЦА. Естественно, это препятствует формированию сообщества безопасности в ЦА.

Институционализированный механизм «жесткого» аспекта безопасности в регионе представлен ОДКБ. Само ее существование имеет важный стабилизирующий характер для ЦА, однако при всех положительных моментах организация имеет и слабые стороны. Государства-участники практически не смогли установить действующий широкоформатный международный режим безопасности. Они создали оборонительную структуру, функционирующую в рамках концепции коллективной обороны, а не безопасности. Она может отразить гипотетические внешние (военный противник), но не внутренние угрозы (религиозный и политический экстремизм, угрожающие политическим режимам). Для стран региона, начиная с 2001 г., прямой угрозы военного конфликта со стороны режима талибов не существует, однако имеются внутренние радикальные группировки, которые стремятся к смене государственного устройства и политических режимов в ЦА. Хорошо известна ситуация, связанная с Баткенскими и Сурхандарьинскими событиями 1999–2000 гг., насильственной сменой режима в Киргизстане в 2005 г., когда ОДКБ не стала предпринимать конкретные шаги по разрешению конфликта. Заслуживает внимания тот факт, что в Концепции о коллективной безопасности государств – участников ДКБ от 10 февраля 1995 г. принцип неделимости безопасности указан только в контексте взаимодействия с третьими странами. Члены организации пока не смогли сделать ОДКБ более эффективной и, поднимая время от времени свои двусторонние споры на повестку дня, ослабляют взаимодействие ее участников.

Несовпадение взглядов и отсутствие общепринятых норм и принципов в области обеспечения региональной безопасности приводят к внешнеполитическому непостоянству, когда участие в тех или иных международных организациях и соглашениях теми или иными странами поочередно приостанавливается и возобновляется. Этот стиль стал практически формой поведения, своеобразной традицией. Поэтому развитие международных структур безопасности в ЦА идет непоследовательно и скачкообразно.

Созданные коллективные институты безопасности в Центральной Азии в основном сформированы Российской Федерацией. Здесь справедливо отметить, что страны ЦА вряд ли бы действовали в этом направлении в одиночку и без участия внешнего

арбитра. Долгая борьба в рамках Центральноазиатской организации (в разные годы она называлась по-разному) привела к разочарованию и охлаждению политических элит к идее подлинной региональной интеграции. Таким образом, если на региональном уровне существуют противоречащие друг другу концепции, режимы и структуры обеспечения безопасности, безопасность в ЦА становится расплывчатой и склонной к непредсказуемым трансформациям.

В заключение надо отметить, что в Центральной Азии, как и в других регионах, в качестве постоянных источников нестабильности выступают негативные и непредсказуемые внешние и внутренние вызовы и угрозы. Ситуация не выходит из равновесия благодаря формальным и неформальным механизмам – стабилизаторам безопасности, которые слабо организованы, но позволяют сохранять региональное равновесие в заданных рамках. Причинами неразвитости этих механизмов могут быть:

а) несовпадение понимания национальных интересов, отсутствие желания и стремления к их сближению;

б) отсутствие попыток реально наполнить и сблизить нормы, принципы, правила, планы, организационные и финансовые установления, принятые группой государств региона, наборы взаимных ожиданий, имеющих в настоящее время скорее декларативный характер;

в) отсутствие политической стратегии и политики институционализации межгосударственных отношений, проявляющееся в процессе взаимодействия в рамках существующих межгосударственных структур безопасности.

Деструктивные комплексы, возникшие в 2008 г. первоначально во внешнеэкономической сфере (мировой экономической кризис, ситуация вокруг Ирана, положение в Афганистане и Пакистане), будут негативно влиять на обстановку в регионе в целом и в отдельных странах. Это приведет к появлению новых и укреплению имеющихся экономических барьеров. Вынужденное свертывание программ повышения благосостояния населения умножит бедность и усилит радикальные настроения и группировки в регионе. Экономический кризис повысит риск обострения внутриэлитной борьбы в государствах региона, до сих пор более или менее подконтрольной политическим режимам. Итак, сложными деструктивными комплексами становятся экономический кризис (в среднесрочной перспективе) и соперничество крупных держав за влияние на формирование комплексно взаимосвязанных макрорегионов (в долгосрочной перспективе). Мировой финансовый

кризис практически обесценит достижения центральноазиатских стран, достигнутые в последние годы. Внутренне неорганизованная ЦА, непосредственно граничащая с крупными державами, в такой обстановке может стать объектом активных внешних манипуляций. Поэтому во избежание негативных последствий внешних влияний необходима поэтапная работа, включающая в себя совместную (а не одностороннюю) оценку реальных (а не мнимых) вызовов и угроз. На основе этого желательно произвести разработку совместного основополагающего документа, позволяющего создать условия для контролируемого развития ситуации в регионе при разных сценариях и согласованных действиях на среднюю и долгосрочную перспективу. Для этого необходима, в первую очередь, политическая воля глав государств.

«Восток» (Oriens), М., 2010 г., № 3, с. 132–140.

В. Юртаев,

кандидат исторических наук

(Российский университет дружбы народов)

ИРАН: ГЕОПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Мечта о формировании единого пространства цивилизации на территории Евразии насчитывает несколько тысячелетий. В предшествовавшие исторические периоды это пространство, например, отождествлялось с пределами Ойкумены, затем определялось в категориях христианского и исламского миров, единого монгольского государства «от моря до моря», находило частичное воплощение в феномене Российской империи и колониальной экспансии стран Старого Света, в завоеваниях нацистской Германии и милитаристской Японии. Вторая половина XX в. прошла здесь под знаком создания мировой системы социализма во главе с СССР. Однако в эпоху глобализации Евразия вошла без общих проектов собственно евразийской интеграции, занимаясь региональным обустройством и участвуя в глобальных проектах человечества. Сохраняющийся сегодня проектный вакуум активно используется США, которые традиционно применяют геополитический инструментальный для включения стран континента – «Хартлэнда» – в пространство выстраиваемого ими монополярного мира. Для создания необходимого плацдарма в центре Евразии осталось совсем немного – в него достаточно включить оказавшийся в анклавной ситуации Иран. Цена вопроса тем более высока, что в других ключевых регионах Евразии к началу III тысяче-

летия процесс интеграции в основном завершен. На западе Евразии возникла «Большая Европа», включившая стратегически важную в геополитическом отношении Восточную Европу. На севере Евразии сохранила свою роль Российская Федерация, усиливающая свои позиции в зоне Евразийского экономического сообщества. На востоке доминирует Китай, на юге – Индия. Несомненный потенциал интеграции демонстрируют страны Юго-Восточной Азии. Зоной нестабильности и перманентной конфликтной турбулентности остаются по разным причинам исламская Центральная Евразия, на пространстве которой островом стабильности выступает Иран, а также исламский Ближний Восток и Балканы. Турбулентность расширяющего свое влияние мира ислама только подчеркивает гетерогенность современного мироустройства.

В регионе исламской Центральной Евразии под предлогом борьбы с «исламским терроризмом» в 2001 г. произошла интернационализация междоусобной войны в Афганистане. Поиски атомной бомбы в Ираке привели в 2003 г. к свержению режима Саддама Хусейна и фактической оккупации этой страны международными силами. В Киргизстане в 2005 г. произошли «тюльпановая революция» и смена режима. Турция воспользовалась моментом для проведения в 2007 г. военных операций на севере Ирака против активизировавшегося курдского движения. Заметна политическая дестабилизация в Пакистане.

Ислам в политике не обязательно означает терроризм или войну. Как отметил директор Французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль, «в этой области, как и во многих других, стоит опасаться эффекта “самореализующегося пророчества”». По его мнению, в обозримом будущем основные тенденции будут связаны, очевидно, с позицией Соединенных Штатов и «исламским влиянием», построением единой Европы, возвращением России на мировую арену и перегруппировкой Азии вокруг Китая. Конкуренция не исчезла с наступлением глобализации, а, возможно, даже усилилась. На этом фоне быстро развивающийся Иран закономерно вернул себе статус ключевого игрока на «большом пространстве» от Пакистана до Египта. Территория Ирана (Персия) с древности служила «мостом» между цивилизациями Запада и Востока. Персидские владыки контролировали маршруты Великого шелкового пути от Каспийского до Красного моря, включая Йемен и Египет. В периоды своего наивысшего могущества Персидская империя олицетворяла весь «Восток», соперничая с цивилизациями тогдашнего «Запада» (Греция, Рим, Византия). Пространство «Большого Ирана» периода расцвета ди-

настии Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.) включало регионы Центральной Азии и Кавказа, Среднего и Ближнего Востока. Территория современного Ирана образует ядро этого пространства.

Исламская Республика Иран (ИРИ) претендует на роль нового лидера мира, выступая под знаменем «самой совершенной религии – ислама» (М. Ахмадинежад). При этом запасы энергетических ресурсов и географическое положение являются источником силы и уязвимости Ирана одновременно. Территория Ирана разрывает геополитическое пространство Евразии на юге, что определяет его стратегическую значимость, но именно поэтому задача установления контроля над ним включена в стратегические сценарии современной западной геополитики. Закрытые на Иран ключевые для евразийской экономики геоэкономические проекты (транзит, энергетика) пока не реализованы и делают его центральной мишенью геоэкономических войн.

Чтобы выдержать конкурентную гонку процесса глобализации, президент М. Ахмадинежад готовит Иран к роли «региональной сверхдержавы», для чего нужны ядерные технологии. Атомная программа Ирана стала квинтэссенцией стратегии развития ИРИ, нацеленной на построение глобального общества социальной справедливости на основе «великих традиций исламской цивилизации». Руководству страны удалось найти актуальную экономическую и политическую оболочку для практического воплощения одного из «принципов веры» («усул ад-дин») в исламе – принципа единобожия («ат-таухид»). Концепция «исламской экономики» была сформулирована первым президентом ИРИ А. Банисадром. Центральной в этой концепции является идея целостности, когда дух и буква высшего единства и гармонии воплощаются в созидательном строительстве мира силами мусульманской уммы (общины). Однако пропуск ИРИ в клуб ядерных держав кажется Вашингтону и его союзникам самоубийственным. Под руководством США создан военный «навес» (Афганистан и Ирак), а сам Иран причислен к «оси зла» и против него применяются экономические санкции.

Иран располагает как развитой экономикой, так и самой сильной армией в регионе Центральной Евразии. По оценкам экспертов, он сохранит за собой вторую позицию в системе ОПЕК как минимум до 2015 г. с 7% производства и экспорта нефти на мировых энергетических рынках. Страна обладает значительным людским потенциалом (72 млн. человек), срединным пространством на пересечении стратегически важных транспортных коммуникаций («Новый Шелковый путь»), великим цивилизационным наследием.

дием. Стратегический ориентир Ирана – занять первое место к 2025 г. в экономике, науке и технологиях в регионе в целом, стать «исламской Японией». Внешнеполитические амбиции Ирана вписываются в современную трактовку регионального лидерства. Такой лидер должен быть вовлечен на паритетной основе в реализуемые мировым сообществом проекты глобального масштаба и разделение труда. В этом контексте становится понятной заинтересованность Ирана участвовать в международных проектах, имеющих геоэкономическое содержание, таких как Международный транспортный коридор «Север–Юг», строительство газопровода в Индию и Китай (идея создания «газового ОПЕК»), планы в области энергетики, космоса и авиастроения. Иран стремится стать полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и др. Вместе с тем Тегеран активно формирует свое «большое пространство» геополитическими мерами, в том числе путем поддержки радикальных сил в Ливане, Палестине и Сирии.

Партнерство с крупнейшими странами мирового сообщества, уважение к великому историческому прошлому Ирана, восприятие его современных лидеров как лидеров ведущей мировой державы – вот те принципы, которые определяют сегодня подход руководства ИРИ при обсуждении проблем продолжения национальной атомной программы и безопасности. Можно сказать, что иранская дипломатия прошла высокую школу переговоров за последние годы и приобрела бесценный опыт взаимодействия с ведущими центрами принятия решений. Последовательно проводя в некотором роде агрессивную внешнюю политику в шаге от «красной черты», Тегерану удалось к 2008 г. повысить переговорный статус Ирана, закрепляя за ним место одной из ведущих стран мира. В международный диалог была внесена сильная гуманистическая составляющая – «дипломатия справедливости». Президент М. Ахмадинежад (с 24 июня 2005 г.) заявил о «втором старте» ирано-исламской цивилизации. Миссия ИРИ была определена как «создание условий для установления всемирной справедливой власти путем нового возвышения исламской цивилизации». В результате должен исчезнуть «режим мирового господства и распространится свет справедливости и духовности». 11 сентября 2007 г. на всеиранской конференции с руководством Корпуса стражей исламской революции президент ИРИ М. Ахмадинежад отметил миссию иранского народа как «цивилизованной, миролюбивой и созидательной нации» по спасению человечества. Очевидно, что это не просто актуализация взглядов имама Хомейни, но творческое

прочтение данных им фундаментальных установок, нацеленных на распространение «исламской власти» по всей Земле с акцентом на социальную справедливость. Возможно, именно «торжество справедливости» станет условием и основанием нового подъема ирано-исламской цивилизации. Иранский народ претендует на роль мессии, также как «доктрина Буша» строится на представлении об особой миссии США. Заметный акцент Вашингтона на применение против Ирана мер военного характера не случаен, поскольку логика решений задается геополитическим видением проблем современного мира. А эта логика требует захвата геополитически значимых территорий для закрепления американского влияния в различных регионах мира.

Одним из главных стратегических партнеров Ирана является Китай. И здесь уместен вопрос: не является ли готовящаяся Вашингтоном атака на Тегеран сигналом к началу решающего противоборства с Пекином, не говоря уже о том, что Америка ничего не может поделать с растущим международным авторитетом КНР и провисшим долларovým навесом. Может быть, подготовка американского нападения на Иран – это следствие опасения того, что через некоторое время у КНР появится серьезное стратегическое оружие, которым пока Пекин не располагает? Тогда нападение на Иран предстает «превентивной мерой», направленной на предупреждение появления в мире второй сверхдержавы.

Тезис о «неизбежности» нападения на Иран в случае прекращения обогащения урана прошел серьезную проверку на истинность весной 2007 г. Впрочем, хотя 6 апреля 2007 г. ничего не произошло, заявление вице-президента США Ричарда Чейни о том, что «все варианты рассматриваются», сделанное еще 17 февраля 2007 г. во время встречи с премьер-министром Австралии Дж. Ховардом, остается в силе. Что будет с Ираном, если события пойдут по такому сценарию? Любое силовое решение, как показывает опыт соседних с Ираном Ирака и Афганистана, наносит невосполнимый урон всему человечеству, приводя к уничтожению культурного наследия великих цивилизаций древности.

3 марта 2008 г. Совет Безопасности ООН при председательстве России одобрил третью волну санкций против Ирана в связи с его атомной программой почти единогласно (14 голосов «за», воздержалась Индонезия). Современная программа развития атомной энергетики ИРИ предусматривает производство к 2025 г. 7 тыс. МВт атомной электроэнергии. К началу 2008 г. Иран имел не менее 3000 центрифуг по обогащению урана. После того как Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) подтвердило

гражданскую направленность иранских ядерных разработок, Москва приняла решение о начале поставок ядерного топлива для АЭС «Бушер». 16 декабря 2007 г. в Бушер была доставлена из Новосибирска первая партия российского ядерного топлива. Российская сторона полагает, что «успешная реализация этого объекта станет, помимо всего прочего, критерием сохранения нормального диалога Ирана и международного сообщества в этой сфере». Учитывая этот факт, а также урегулирование важных вопросов по иранскому «ядерному досье», иранские атомщики полагают, что в отношениях между Ираном и МАГАТЭ началась новая эпоха. Возможно, будет наконец найден консенсус по достижению необходимого уровня взаимного доверия и заключены все требуемые соглашения с МАГАТЭ.

13 сентября 2007 г. в интервью 3 и 4-му телевизионным каналам Великобритании М. Ахмадинежад сделал важное заявление о том, что «Исламская Республика Иран по своей духовной сути не приемлет атомную бомбу» и «сегодня мы исходим из убеждения о ненужности ядерного оружия и оружия массового уничтожения для политики». Президент ИРИ указал на главную причину политизации вопроса вокруг атомной программы Ирана – «враждебность правительства США по отношению к народу Ирана». Страна твердо намерена отстаивать свое неотъемлемое право на реализацию национальной атомной программы в полном объеме.

11 сентября 2007 г. телекомпания «Фокс» распространила информацию о рассматриваемых администрацией президента США Дж. Буша планах возможного бомбового удара по Ирану в течение ближайших 8–10 месяцев. Председатель экспертного совета при неправительственном Комитете по политике в отношении Ирана, бывший заместитель руководителя штаба ВВС США, генерал-лейтенант в отставке Т. Макинерни в этой связи заявил, что, по его мнению, массированную бомбардировку «начнут от 65 до 70 самолетов, построенных по технологии “стелс”, а также 400 обычных самолетов». Как ранее сообщалось, по словам американского эксперта по вопросам национальной безопасности из Центра Никсона А. Дебэта, Пентагон разработал план нанесения массированных авиаударов по 1200 точкам в Исламской Республике. Цель этого плана – в течение трех дней полностью лишить иранскую армию боеспособности.

1 марта 2008 г. президент США Джордж Буш в очередной раз потребовал от Ирана «прекратить экспортировать террор» и предупредил Тегеран о том, что его международная изоляция будет продолжаться. «Международное сообщество серьезно на-

строено на продолжение изоляции до тех пор, пока Иран не откажется от своих ядерных амбиций», – подчеркнул Буш. Одновременно премьер-министр Израиля Э. Ольмерт выступил с заявлением, что он убежден, что Иран осуществляет тайную военную ядерную программу: «Мы считаем, что Исламская Республика создает потенциал с неконвенциональным оружием. Пока ничто не смогло нас переубедить. Иранцы серьезно работают над этим, и половина их деятельности проходит втайне». Эскалация напряженности вокруг Ирана в связи с его атомной программой не является чем-то новым. Тема «красной черты» возникла еще в 2003 г. в связи с прямым требованием зарубежных противников иранской ядерной программы свернуть все работы по обогащению урана в Иране. Эксперты оценивают ядерную инфраструктуру Ирана как огромную систему сооружений в 26 местностях. 11 декабря 2005 г. британская газета «Санди Таймс» сообщила о том, что Израиль уже определил время и силы для «упреждающего удара» по ядерным объектам Ирана.

Какие негативные последствия для самих США и стран Запада можно прогнозировать в случае военного удара по Ирану?

1. Рост антиамериканских и антизападных настроений мусульман. Совершенная «несправедливость» будет звать на борьбу за восстановление справедливости. Особенно опасным это выглядит для стран, в которых мусульмане проживают быстро растущими компактными группами (антивоенные демонстрации протеста, погромы, бойкот всего немусульманского на начальной фазе).

2. Массовые теракты по всему миру и активизация «глобального терроризма» (как «солидарность» с борьбой шиитов Ирана).

3. Возникновение зоны сплошной нестабильности и гуманитарной катастрофы (беженцы, разруха, нищета, голод и т.п.) в условиях партизанской/гражданской войны на всем пространстве Центральной Евразии, с угрозой втягивания в него сопредельных государств Персидского залива.

4. Создание единого фронта вооруженного сопротивления американской агрессии с участием Ирана, Сирии, ливанского движения «Хезболла», шиитов Ирака и др.

5. Угроза радиоактивного заражения больших территорий в случае уничтожения ядерных станций Ирана.

6. Эскалация необъявленной азиатской «энергетической» войны как напоминание о том, что в глобальной экономике «энер-

гетическая безопасность» означает нечто большее, чем защита нефтеперерабатывающих заводов и трубопроводов от терактов.

Получатели доходов от иранской нефти расписаны на десятилетия вперед. С остановкой нефтяного потока из Ирана кардинально изменится система производства и потребления нефти в Азии. В ОПЕК признают, что такого понятия, как «справедливая цена», складывающаяся под воздействием спроса и предложения, уже не существует. «Кроме того, от иранского экспорта зависит целый ряд государств: страны Европы (29%) Япония (26%) и Китай – главный двигатель роста мирового спроса на нефть (11%). Таким образом, любая дальнейшая эскалация конфликта с Ираном не только обострит проблему энергетической безопасности для стран – импортеров нефти, но и разрушит сложившийся баланс поставок нефти на мировой рынок, что выльется в новый рывок цен. К тому же, если произойдет изменение ситуации в Иране, отношения внутри ОПЕК неизбежно также усложнятся, и картелю будет сложнее сохранять единство». Визит Ахмадинежада в начале марта 2008 г. в Багдад четко обозначил приоритеты взаимодействия двух стран. Президент Ирана заявил о готовности начать осуществление крупных экономических проектов на территории Ирака. Общая стоимость обсуждаемых проектов оценивается в сумму 5 млрд. долл. США. Кроме того, в пограничных с Ираком районах (как на территории Ирака, так и на территории иранских провинций Илам, Курдистан и Хузестан) должны быть созданы совместные промышленные зоны. Общую координацию будет осуществлять специальный совместный комитет, сформированный в течение трех месяцев.

Иранская сторона еще в 2004 г. так определяла последовательность приоритетов для Ирака:

- приход к власти в Ираке народного правительства;
- соединение железнодорожных сетей Ирана и Ирака.

По иранским данным, это позволит почти миллиону иранских паломников посещать святыни в Ираке, а 400–500 тыс. иракцев совершат путешествие в Иран. Но важны не сами договоренности, важна общая направленность развития отношений в контексте торгово-экономического сотрудничества, геоэкономических проектов с участием не только Ирана и Ирака, но и других государств: Индии, Китая, Сирии, России, стран Европы. Германия, скажем, хочет открыть свое генеральное консульство в Тебризе – и это понятно, в Германии проживает 150 тыс. иранцев. Если эти государства соединят свои железные дороги, они получают прямой выход в Европу – реализуется проект той самой глобальной

железной дороги, которая начала строиться еще в начале XX в. Создание ее позволит Ирану и Ираку развиваться. (Как мы помним из истории, наличие единой железной дороги в свое время из разрозненных «лоскутков» создало Соединенные Штаты Америки.) Во взаимоотношениях этих двух государств присутствует еще один тонкий момент, также упомянутый президентом Ирана в Багдаде: «Мы имеем общую ответственность. Мы исповедуем ислам, а ислам – это религия для всего мира, это совершенная религия для всего человечества».

Многое в событиях вокруг Ирана в насыщенном событиями 1386 г. хиджры (21 марта 2007/2008 гг.) прошло под знаком «впервые», в том числе – первый визит президента России В. Путина в Иран и первый визит президента Ирана М. Ахмадинежада в Ирак. Ахмадинежад принял участие в работе саммита Совета сотрудничества государств Персидского залива, совершил хадж в Мекку и Медину (Саудовская Аравия), а также посетил Объединенные Арабские Эмираты. В хрониках года зафиксированы беспрецедентные договоренности, достигнутые Ираном со странами Азии и Европы по реализации масштабных региональных проектов по всем векторам развития. В этом контексте приобретают новое звучание заявления иранского президента о том, что стратегия Вашингтона «потерпела поражение в регионе» и что США «оккупировали Ирак лишь с целью завладеть его нефтяными ресурсами». Приезд М. Ахмадинежада в Багдад может быть оценен как во многом итоговый, подводящий определенную черту внешнеполитическим усилиям Ирана. И это не случайно, ведь именно Ирак в последние годы стал точкой соприкосновения в американо-иранских отношениях, чуть было не перешедших в стадию военного противостояния. Наблюдатели сделали предположения о складывающемся стратегическом альянсе на Ближнем Востоке по оси Багдад–Тегеран–Сирия. Была высказана точка зрения, что визит внес серьезные коррективы в геополитический расклад сил на Ближнем Востоке, ударил по интересам США и их союзников по коалиции, придал новый импульс региональной интеграции вокруг Ирана. Как представляется, для многих стало понятно, что борьба за Ирак рассматривается в Тегеране как многофакторный стратегический процесс в противостоянии с США. В то же время эксперты сходятся во мнении, что эта встреча на высшем уровне получила неофициальное одобрение Вашингтона. Об этом косвенно свидетельствует факт консультаций на уровне послов Ирана и США в Багдаде на протяжении предшествовавших шести месяцев. Будут ли служить двусторонние договоренности делу созидания и безо-

пасности в Ираке – покажет время. Также рассматривается сценарий вытеснения США из Ирака.

На южном фланге Иран стремится к более тесному взаимодействию с Индией, в том числе учитывая ее особые отношения с США. Одним из оснований геополитической стратегии Индии в Центральной Евразии является противодействие силам политического ислама и международного терроризма с целью сохранения действующей системы региональных международных отношений в регионе на принципах неконфессиональности. Фактически в Центральной Евразии медленно, но верно материализуется фактор «тройственного согласия» Индии, Ирана и России, который, в силу объективных обстоятельств, способен сдерживать геоэкономическую и геополитическую экспансию Китая в регионе. Намечающийся союз между Ираном и Индией опирается на геоэкономические проектные основания (газопровод, МТК «Север–Юг») и может быть развернут в любом направлении. Иран готов к широкому сотрудничеству с государствами региона, и не только по прагматическим соображениям (прорыв «блокады» США). Значительную роль в сближении секулярных элит Центральной Евразии с Ираном играет последовательное стремление последнего стать одним из региональных центров торговли энергоресурсам (нефтью и газом) и транспортно-энергетической интеграции.

Таким образом, изучение внешнеполитической стратегии Ирана позволяет сделать вывод о ее многофакторности и нацеленности на выработку нового формата международных отношений. Важно заметить, что континентально-исламский Иран резко отличается себя как от Запада (США, ЕС), так и от Востока (Россия, Индия, Китай), предлагая миру исламскую идентичность, основанием которой выступает ирано-исламская (шиитская) цивилизация. Одновременно Тегеран стремится стать равноправным партнером в глобальной организации «нового типа» (Е. Примаков) – Шанхайской организации сотрудничества (Shanghai Cooperation Organization, SCO). В рамках этой организации, объединяющей вместе с наблюдателями большую часть населения планеты и 3/5 территории Евразии, Иран видит востребованность своих инициатив по развитию международного диалога, обогащению его идеями понимания и справедливости. Включение в ШОС ведущих исламских стран (Иран, Саудовская Аравия, Ирак и др.) позволит соединить усилия пяти незападных цивилизаций – русской, китайской, исламской, индуистской и буддийской – в поисках нового мира на основах «справедливой глобализации». Недолгая пауза в эскалации напряженности вокруг Ирана закончилась. К октябрю 2008 г.

стало понятно, что Иран не получит статуса полноправного участника Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а значит, не сможет воспользоваться «ядерным зонтиком» ее лидеров – Китая и России, а также Индии и Пакистана, планировавших войти в 2008 г. в число стран – членов этой влиятельной организации. К осени 2008 г. мировое экспертное сообщество почти забыло выводы ведущих американских специалистов о том, что Тегеран прекратил работы по производству атомной бомбы еще в 2003 г. В связи с иранской атомной программой вновь стали говорить о «красной черте». Утверждается (со ссылкой на израильские источники), что Иран сможет произвести атомную бомбу очень скоро – к 2010 г.

Войну против Ирана придется вести США. Демократы и республиканцы согласны относительно необходимости проведения военной операции, если иранская военная атомная программа окажется в шаге от завершения. Однако начало войны будет отложено до появления «очевидных свидетельств» и проведения хотя бы одного раунда переговоров. Б. Обама заявил о своей готовности к «агрессивной личной дипломатии» в отношении, как он говорит, «угрозы всем нам» – Исламской Республики Иран (ИРИ). Тут все понятно: при отсутствии у американцев серьезных точек опоры внутри Ирана только действующее посольство США в Тегеране могло бы стать центром координации в ходе планируемой войны. Речь идет именно о войне, т.е. масштабной военной операции с установлением контроля над конкретными объектами и ключевыми иранскими городами, так как точечные бомбовые удары не могут гарантировать нужный результат. В Иране учтен мировой и, прежде всего, иракский опыт при строительстве стратегических объектов (уничтожение атомного центра в Ираке в 1981 г.) и обеспечена должная противовоздушная оборона. Свергнув режим Саддама Хусейна под фальшивым предлогом борьбы с мифической атомной военной программой Ирака, США готовят такой же сценарий для Ирана.

Что ждет американскую армию в Иране? На какую победу может рассчитывать Вашингтон? Иран и Ирак – страны, конечно, «восточные», но есть разница, которую следовало бы учитывать. Первое – численность и религиозная сплоченность населения Ирана. Иранцев более 72 млн. человек, из них 90% – мусульмане-шииты. Второе – география. Условия Ирана больше напоминают Афганистан, в котором увязли США и их союзники, а до них Англия и СССР. Третье – иранское руководство имеет опыт свержения шахского режима в 1979 г. в условиях системного присутствия

американцев в Иране и опирается на патриотично настроенную армию, воспитанную в духе священной жертвенной традиции борьбы за свободу и независимость – «культуры Ашура». Сегодняшнему европейцу уже непонятны демонстрации 1914 г., ликующие по поводу начала войны и жаждущие крови врагов. Между тем граждане ИРИ почти 30 лет открыто демонстрируют именно эту готовность умереть несмотря ни на что. Дни поминовения (Ашура) шиитского имама аль-Хусайна ибн Али (Хусейна), убитого в 680-м г., широко отмечаются в Иране. В траурных церемониях (таазие), сопровождающихся ритуальным самобичеванием, принимают участие практически все слои населения страны, включая личный состав армии и флота. Более чем тысячелетняя традиция Ашура и память о шиитских мучениках («шахидах»), героях, павших на поле боя за ислам, зажигают в сердцах верующих огонь сопротивления гнету, насилию и тирании, зовут их на бой за справедливость. Новые поколения граждан ИРИ, подобно героям иранского эпоса, во время таазие демонстрируют свою готовность повторить подвиг Хусейна, следуя путем свободы и независимости до конца.

О возможном исходе попытки вооруженного подавления режима Исламской Республики в Иране высказался на одном из закрытых обедов с участием членов фракции Демократической партии в Сенате бывший директор ЦРУ и нынешний министр обороны США, известный специалист по России и СССР, причастный к скандалу «Иран-контрас» Роберт Гейтс. Именно при нем, кстати, в Пентагоне начали работу над текстом ультиматума, который должен был быть предъявлен Ирану в час «икс». Так вот, по информации одного из виднейших американских журналистов Сеймура Херша, Р. Гейтс предупредил сенаторов: следствием применения военной силы против Ирана будет то, что «мы создадим поколение джихадистов и наши внуки будут сражаться с нашими врагами здесь – в Америке».

Уже сейчас можно подвести итоги: и в Ираке, и в Афганистане все говорит о тупике, в который зашла американская военная машина на «Большом Ближнем Востоке». В Ираке царит разруха, потерян потенциал современного развития и модернизации, нет устойчивой центральной власти, нарастают сепаратизм и насилие, законное народное правительство не создано до сих пор. В Афганистане, где боевые действия активно ведутся с 1979 г., талибы всерьез дестабилизировали традиционное общество, предложив модель «нового афганца», воспитанного без отца и матери в пакистанских центрах подготовки боевиков из детей афганских бежен-

цев на основе радикальной интерпретации ислама и принципа бесчеловечного отношения к любой инаковости. Поддержка этими «современными манкуртами» «Аль-Каиды» не устроила их американских «крестных отцов», а «война против всех» не устроила Афганистан. Почему-то об этом мало говорят, но и в Афганистане, и в Ираке были уничтожены бесценные памятники культуры древних цивилизаций (разграблены национальные музеи, взорван Бамиан, вновь разрушен Вавилон и т.д.). Ряд стран и ЮНЕСКО заявили свой протест, но их голос не был услышан. Никто не верил, что со свержением С. Хусейна одновременно будет уничтожена бесценная часть общего наследия человеческой цивилизации, но это произошло. Что станет с бесценными сокровищами иранской цивилизации? А если фанатики начнут разрушать Лувр или Лондонский музей – страны Евросоюза тоже будут молчаливыми наблюдателями? Вашингтон обязан дать весомые гарантии недопущения новой гуманитарной катастрофы в регионе, сохранения культурного наследия человечества в случае принятия им решения о начале войны против Ирана. Это решение должно получить поддержку Организации Объединенных Наций (ООН) в установленном порядке.

Каждый, кто знаком с Востоком, знает, что захватить власть мало, надо суметь ее удержать. Американским военным понятно, что США располагают силами для нанесения сокрушающего удара по Ирану. Но они не уверены в адекватном восприятии их мощи иранским военно-политическим руководством. Соблазн доказать свое первенство, однако, не должен заслонять здравого смысла. А практика всех силовых решений показывает только одно – на Востоке можно долго сжимать пружину, но рано или поздно она распрямится. В XIX в. англичане испытали это на своей шкуре в трех англо-афганских войнах, а в одной из них чудом спасся только один человек из всей отступавшей на Джелалабад из Кабула английской армии. Война, возможно, облегчит задачу американской администрации по свержению «режима аятолл», но, скорее всего, это станет пирровой победой. Для Вашингтона было бы логичнее, сохраняя военный навес над Ираном, применить уже испытанные средства – такие как политика разрядки времен противостояния двух систем. Ведь «как бы красива ни была стратегия, вам бы по случаю взглянуть на результаты» (У. Черчилль). За время правления администрации Буша военно-политическая дестабилизация Ирака и Афганистана фактически соединила Средний и Ближний Восток в один регион. На фоне поверженного Ирака и относительной слабости соседних стран (арабские страны Персидского зали-

ва, страны Центральной Азии и Южного Кавказа) усиливающийся Иран с каждым годом все заметнее приобретает черты региональной сверхдержавы. А факт противостояния Америке придает Ирану статус глобального игрока, что заметно искажает общую картину в регионе, повышая значимость Ирана до уровня мировой державы. А ведь после принятия Стамбульской инициативы и присоединения к ней арабских стран Персидского залива, введения воинских контингентов в Афганистан и создания военных баз в Центральной Азии, казалось, до полного установления американского господства в центре евразийского геополитического пространства рукой подать. Затем состоялся блицкриг в Ираке, на очереди был Иран, но здесь удача изменила Бушу. Сейчас только перманентная война в Ираке стóбит американским налогоплательщикам более 8 млрд. долл. Ежемесячно.

Сами иранцы надеются на то, что в условиях мирового финансового кризиса США не начнут очередную войну. Впрочем, не исключено и обратное – что новая война поможет забыть неудачи незаконченных, а новые военные расходы помогут экономике США справиться с кризисом, как этому, вероятно, будет способствовать и прогнозируемый коллапс нефтяного потока из зоны Персидского залива и Каспийского моря. Тем временем американцы всячески препятствуют усилиям Тегерана по наращиванию своей обороноспособности под старым надуманным предлогом – не дать Ирану состояться в качестве ядерной державы. Так и не сумев убедить ООН в необходимости введения против Ирана новых санкций, США ввели их в отношении «Рособоронэкспорта» – официально уполномоченной российской государственной компании, обеспечивающей с санкции государства и в рамках соответствующих межгосударственных договоров и соглашений военнотехническое сотрудничество России с зарубежными странами. Министр иностранных дел России С. Лавров твердо заявил на это, что «если кому-то в Вашингтоне кажется, что таким образом США сделают Россию более покладистой для принятия американских подходов к урегулированию иранской ядерной проблемы, то это ошибка. Все наше сотрудничество с Ираном осуществляется в строгом соответствии с международным правом, нашими международными обязательствами и режимом экспортного контроля Российской Федерации». Военнотехническое сотрудничество с третьими странами осуществляют все производители вооружений, и налагать санкции на государственного поставщика можно только в преддверии очень серьезных шагов.

В отличие от США европейские эксперты работают над «новым стартом». Признавая, что в 2003 г. была допущена ошибка и что тогда нужно было приходиться к соглашению с иранской стороной, они переосмысливают сейчас события прошедшего десятилетия. Все чаще говорят о том, что, увлекшись подавлением иранской программы мирного атома полного цикла, Запад «потерял Иран». Однако «Иран слишком значим для Запада, чтобы сводить все к формату атомной проблемы», – говорит К. Бертрам из Института исследований безопасности Европейского союза. Эксперт считает задачей дня пересмотр подхода Евросоюза к иранской проблеме, учитывая новую ситуацию – ослабление мощи США и смягчение внешней и внутривосточной линий Тегерана. Конечно, здесь большой вес имеет позиция Израиля. В качестве исторического аналога предлагаемого нового подхода к Ирану приводится политика разрядки (detente), выработанная в условиях «холодной войны», когда Советский Союз пугал капиталистический мир мечтами о всемирной коммунистической революции и Хрущёв угрожал «закопать» Запад. Ситуация с «экспортом исламской революции» и антиизраильской риторикой напрашивается на прямые аналогии. Запад должен предложить Ирану политику разрядки или политику партнерства, но при этом четко заявить, что результатом любой иранской атаки на Израиль станут немедленные меры военного характера. В число гарантов безопасности Ирана предлагается включить США, страны Евросоюза («евротройку») и Россию.

России есть что терять в случае исчезновения с карты мира Ирана – последнего острова стабильности в Центральной Евразии. Очередная геополитическая и гуманитарная катастрофа в регионе выведет на новый уровень международный терроризм и наркобизнес, тлеющие межэтнические конфликты, религиозный экстремизм, ломает процесс региональной интеграции и модернизации. Россия готова к поддержке всех конструктивных международных инициатив, направленных на мирное разрешение ситуации вокруг Ирана. При этом Москве необходимо уже сегодня четко представлять свои действия при любом варианте развития событий.

«Азиатские исследования: Ежегодник научно-образовательного центра азиатских исследований ОЦДН», М., 2009 г., с. 23–43.

В. Шлыков,
востоковед
**ТУРЕЦКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
В ГЕРМАНИИ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ
ТУРОК В НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО**

Процесс формирования турецкой диаспоры в Германии берет своё начало 30 октября 1961 г., когда между Турцией и ФРГ было подписано соглашение, согласно которому Турция начала официально экспортировать рабочую силу в Германию с последующей ротацией. С момента подписания этого договора начался организованный массовый выезд турецких рабочих в ФРГ, а впоследствии и в другие европейские страны. За сорок лет турецкая диаспора в Германии превратилась в трехмиллионную быстрорастущую диаспору, которая по-прежнему сохраняет тесные связи с исторической родиной. Степень интеграции турецких иммигрантов в Германии различается в зависимости от таких факторов, как возраст, уровень образования, религиозность, место рождения и т.д.

В среде турецкой диаспоры в Германии всегда существовали религиозно ориентированные организации. Особенно их привлекательность выросла после событий 11 сентября 2001 г. Среди турецких экспатриантов стали очень популярны мусульманские характеристики общины как формы иммигрантской политической мобилизации и своего позиционирования. Особенно после того, как Дж. Буш-младший разделил мусульман на «плохих» и «хороших» и объявил о начале «крестового похода» против терроризма. В то же самое время немецкие политики и СМИ начали более пристально смотреть на ислам и на мусульманские общины в Германии в частности. По существу после 11 сентября сформировались две формы мусульманских общин и две интерпретации ислама: с одной стороны, ислам, поддерживаемый государством, а с другой – ислам как угроза государству.

На сегодняшний день в турецкой диаспоре наибольшим влиянием пользуются две исламские организации, различающиеся своим подходом к проблеме интеграции турецких мигрантов в немецкое общество. Первой из них является Турецкий исламский союз, связанный с Главным управлением по делам религии и поддерживаемый турецким государством, а также частично германскими государственными институтами; второй является Исламское общество Национального взгляда, которое не поддерживается ни одним из государств и считается «угрозой» как для немецкого,

так и турецкого общества. Каждая из этих организаций имеет определенную идеологию и большое число членов. Так, только один Исламский союз контролирует 800 мечетей в Германии, а Исламское общество – 514 мечетей по всей Европе, большая часть которых также находится в Германии. В течение нескольких десятилетий они создали свои социальные сети в Германии; у каждой организации имеются женские и молодежные группы, курсы по изучению Корана и похоронные фонды, и обе пытаются привлечь к себе одну и ту же группу последователей ислама – второе поколение мусульман в Германии.

Союз и Общество не сотрудничают вследствие драматических различий в их политических взглядах. Члены обеих организаций не слишком высокого мнения друг о друге. Различия между ними не ограничиваются лишь политической идеологией. Общество находится в менее выгодном положении, поскольку Ведомство по охране Конституции ФРГ внесло его в список «представляющих угрозу немецкой демократии». Его рассматривают как часть политического ислама, который препятствует полной интеграции иммигрантов в немецкое общество. Ведомство также констатирует, что Исламское общество Национального взгляда предпринимает антиинтегративные усилия, особенно настаивая на религиозном обучении детей.

Ключевой проблемой для немецкого общества в его взаимоотношениях с турецкой диаспорой является проблема интеграции. Причем стороны по-разному понимают ее содержание. Если для первых она заключается в усвоении европейских культурных ценностей и фактической утрате турками своей мусульманской идентичности, то вторые, в первую очередь в лице Исламского общества, занимают активную позицию, расценивая «интеграцию по-немецки» как ассимиляцию. Несмотря на то что большинство его членов являются турками-мусульманами, Общество Национального взгляда хочет создать в Германии поликультурную мусульманскую общину, включающую другие группы мусульман и быть официально признанной немецкими властями. Фактически Общество занимается прозелитизмом. Однако этот идеал не находит одобрения со стороны немецкого государства. Видный представитель Исламского общества Национального взгляда Мустафа Йолдаш заявляет: «Мы хотим иметь такой же уровень институционализации, как христиане и иудеи. Нам не нужны деньги, мы хотим быть легитимным партнером».

В последнее десятилетие Национальный взгляд отказывается от жесткой идеологии духовного лидера Н. Эрбакана и получает

новый толчок к развитию в Турции и в Германии. С появлением двух партий внутри Общества Национального взгляда, Партии справедливости и развития Реджепа Эрдогана и Партии счастья Реджаи Кутана – естественно встает вопрос: кто на самом деле выражает идеологию Общества? Как заявил сам Р. Эрдоган, «мы сняли рубашку Национального взгляда». Аналогичные процессы происходят и в организации в Германии. Отход от Эрбакана и консерваторов в сторону Эрдогана и обновленцев отмечает важное событие в эволюции Общества. Это существенно для понимания, что партийные коллизии в Турции отражаются в Германии на Национальном взгляде и его поведении в вопросе об условиях интеграции турок-мусульман в немецкое общество.

*«Ломоносовские чтения». Востоковедение»,
М., 2010 г., апрель, с. 39–41.*

Д. Нечитайло,
ВОСТОКОВЕД
**ТЕРРОРИСТЫ-СМЕРТНИКИ
В ДВИЖЕНИИ ДЖИХАДА**

Теракты с использованием террористов-смертников (СИС) – явление не новое. С ним сталкивались различные европейские и мусульманские страны в прошлом. Атаки смертников стали наиболее опасным *modus operandi* современного терроризма. Людей, которые приводят на себе в действие взрывной механизм, называют еще «умными (живыми) бомбами», вместе с тем смертники – это средство доставки взрывного механизма к цели. Оно может мыслить, выбирать подходящий момент для нанесения удара с максимальным количеством жертв и разрушений. Во многих странах осознают, что необходимы новые методы для предотвращения этих видов терактов, так как в последнее время все чаще звучат призывы радикальных исламистов для усиления поражающего эффекта использовать отравляющие химические вещества. Смертниками могут стать представители различных социальных групп. Акции смертников стали проводиться в регионах, где до недавнего времени это было нехарактерной практикой борьбы: в Алжире, Афганистане, Пакистане. Соотношение затрат и поражающего эффекта от этих акций говорит о том, что использование смертников будет продолжаться, так как всемирный исламизм старается опираться на рациональные, не требующие высоких затрат методы ведения борьбы.

Среди специалистов-психологов существуют различные подходы к исследованию процесса создания так называемых «живых бомб». Профессор А. Мерари из Университета Тель-Авива провел исследование террористов-смертников. Он пишет, что их нельзя подвести под единый демографический или психологический профиль, и утверждает, что не из каждого человека можно сделать смертника. Задача рекрутеров состоит в том, чтобы обнаружить тех, кто склонен к самопожертвованию, а затем усилить эту склонность. При этом могут быть использованы религиозные, патриотические мотивы. Мерари считает, что смертник – это почти всегда последнее звено в длинной организационной цепочке. Когда принято решение о проведении теракта, требуется совершить несколько операций: выбрать цель, собрать информацию, найти кандидата на теракт, обеспечить его физическую и «духовную» подготовку, создать взрывное устройство. Профессор Мерари пишет, что хотя изучение феномена террористов-смертников может стать увлекательным академическим занятием, тем не менее бороться со смертниками легче, чем понять их *modus operandi*. Как правило, смертники – это не фанатики, а инструмент в руках лидеров группировок для получения ощутимой пользы. Датский исследователь М. Таарнби из Университета Ааркус считает, что в подготовке террориста-смертника религиозные предписания, политические заявления, социальные условия находятся на втором месте. Он делит смертников на две категории. Первая – это идеалисты, которые похожи на тех, в отношении кого у общества сложился термин «фанатики». Смертники второй категории мотивированы персонально. Это два противоположных типа террористов. Второй, в отличие от первого, является искусственно созданной конструкцией. Однако использование религии усиливает воздействие на сознание смертников обоих типов.

Другой западный исследователь, В. Лакор, пишет, что «нет единой мозаики, куда можно было бы отнести смертников. Их действия и психотип зависят от социокультурных условий». Профессор Я. Росс из Университета Балтимора, напротив, придерживается мнения, что тип террориста-смертника формируется группой социальных и психологических факторов. Социальные условия включают политический и экономический уровни развития общества, историко-культурные условия, степень недовольства и обид граждан, вектор направленности обид, эффективность контртеррористических мероприятий спецслужб. Я. Росс считает, что модернизация, демократия и социальные проблемы создают структурные условия, способствующие терроризму. Он полагает,

что города создают и накапливают серьезный потенциал социальных проблем, здесь доступны оружие и взрывчатые вещества. Эти структурные факторы взаимодействуют с психологическими факторами предрасположенности отдельных лиц к совершению акций самопожертвования, все это провоцирует терроризм. Я. Росс выделяет несколько факторов, способствующих экстремизму: боязнь остаться не востребованным, сильное эго, депрессия, чувство вины, агрессия – кризис общества, рост числа тех, чья личность пострадала. В обществе происходит рост ненависти к определенным лицам или символам. Я. Росс уверен: кризис в обществе способствует росту уровня насилия. Он пишет, что степень проведения терактов смертников выше там, где в обществе более развиты ассоциативные стремления: склонность людей объединяться в группы, которым легче повлиять на человека и укрепить его желание совершить теракт; более того, человек соотносит себя с ценностями, преобладающими в данной группе. Профессора Б. Хоровиц и Л. Веллс из Университета Вирджинии считают, что «социальная база, из которой опытным вербовщикам лучше всего набирать смертников, – круг друзей семьи. Также легче получать в ряды смертников того, кто стремится отомстить своим обидчикам в лице властей, оккупантов».

Палестинский психолог доктор Ахмад Наджем Мухи ад-Дин опубликовал в лондонской газете «Аш-Шарк аль-Авсат» статью, темой которой стало явление терактов-самоубийств. Подобные акции приобрели большую популярность среди мусульманской молодежи, это одно из наиболее опасных социальных и психологических явлений. После всестороннего анализа подобных акций, их причин и психологических факторов, занимающих главное место в существовании этого явления, психолог пришел к выводу, что молодых людей, осуществляющих теракты-самоубийства, можно разделить на две категории: к первой принадлежат молодые люди, которые открыто заявляют о своем намерении совершить самопожертвование для достижения политических целей или во имя мести. Автор называет их группой «людей, готовых к смерти». Ко второй группе он относит людей, находящихся в травматическом состоянии, в котором они постоянно желают смерти. Он их так и называет: «ищущие смерть». Это желание смерти и некоторые другие политические и социальные обстоятельства превращают их в дешевое оружие в руках других людей, политических группировок или движений, использующих это желание больных людей в своих целях.

Доктор Мухаммад Хафез, исследующий феномен смертников, в книге «Создание живых бомб» пишет о трех факторах, способствующих распространению этого явления. Во-первых, историко-культурная традиция (рассказы, народные песни, легенды), восхваляющая проведение таких акций; во-вторых, одобрение терактов смертников со стороны властей или авторитетных религиозных деятелей; в-третьих, когда группа или сообщество видит непреодолимую угрозу и огромное количество жертв в результате агрессии внешнего врага. Например, лидер движения ХАМАС Х. Машаль в недавнем интервью поблагодарил авторитетного исламского теоретика Ю. Кардави за его позицию относительно акций смертников. «Поддержка, которую мы получили от человека такого уровня, как Кардави, больше, чем от кого-либо другого. Наши братья в Палестине вынуждены проводить такие операции... Дайте им самолеты, танки, ракеты, тогда бы не понадобились смертники. Причина только в этом. Они вынуждены превращать себя в “живые бомбы”».

Исследования показали, что понять феномен террористов-смертников только на основе социально-психологических факторов невозможно. Большинство ведущих специалистов в этой области сходятся во мнении, что в процессе радикализации определяющими являются прежде всего дружеские и родственные связи, групповая динамика. Примером может служить социально-психологический портрет участников терактов в Лондоне в 2005 г. Хан и Танвир выросли в вестернизированных семьях и не проявляли особого интереса к исламу. Л. Дюмо, недавно арестованный во Франции исламист, стал радикалом под влиянием своего харизматичного приятеля. Под впечатлением от гибели товарища члены дворовой футбольной команды в палестинском квартале стали смертниками и совершили семь терактов.

Эксперты отмечают, что растет число смертников среди коренных европейцев, которые формируют нижний эшелон воинов джихада. По мнению известного французского исследователя ислама О. Руа, «для “Аль-Каиды” новообращенные мусульмане – не просто инструмент для запутывания спецслужб, это способ стать глобальным движением. За последние восемь лет практически в каждой ячейке “Аль-Каиды” присутствовали так называемые новообращенные мусульмане. Это структурная особенность, а не случайность». Например, Г. Линдсэй, один из участников теракта в Лондоне в 2005 г., был именно из этой категории мусульман с Ямайки.

Аресты причастных к подготовке терактов в Лондоне и аэропорту Глазго показали рост радикальных настроений среди всех секторов британского мусульманского сообщества. До недавнего времени арабская община считалась преуспевающей и интегрированной по сравнению с бангладешцами, пакистанцами, сомалийцами. Раньше террористические операции в Великобритании проводились бангладешцами и пакистанцами, арабы при этом занимали лидирующие позиции в радикальных группировках. Например, сириец Омар Бакри, известный идеолог, основал отделения «Хизб ут-Тахрир» и «Аль-Мухаджирун». Последняя пользовалась наибольшей популярностью среди этнических пакистанцев, бангладешцев и чернокожих британцев (Асиф Ханиф, пакистанского происхождения, смертник, совершивший теракт в Тель-Авиве в 2003 г., был членом «Аль-Мухаджирун»). Следует также упомянуть Абу Хамзу аль-Масри, «арабского афганца», проповедовавшего радикальные идеи в мечети в Финсбери-парке. Известным его последователем был Ричард Рейд, арестованный при попытке совершить теракт в пассажирском самолете в 2003 г. Мухаммад аль-Массари, саудовский радикальный идеолог, скрывался на территории Великобритании от спецслужб КСА. Известным его сторонником является Мухаммад Сухайл, пакистанского происхождения, основатель группировки «Фонд всемирного джихада», занимающейся вербовкой молодых людей для участия в войне в Ираке, Афганистане и Кашмире.

Отличие неудавшихся терактов в Лондоне и Глазго в июне 2007 г. заключается в том, что они осуществлялись без технической помощи со стороны членов группировок, связанных с «Аль-Каидой». Это начало нового этапа в проведении терактов, вдохновителем которого является теоретик современного джихада Абу Мусаб ас-Сури. В своей книге «Призыв к всемирному исламскому сопротивлению» он инструктирует мусульман, как создавать ячейки, «которые должны быть связаны никак иначе, кроме как идеологически, они должны быть автономны в принятии решения о проведении акции». Новый этап террористической активности, по мнению этого радикального идеолога, должен проходить под лозунгом: «Низам! Ля Танзим» («Система! Не организация»).

Психологи Б. Салих и К. Берреби провели исследование среди палестинских смертников. Они выяснили, что большинство из них имеют образование и только 15% происходят из бедных семей (хотя $\frac{1}{3}$ населения живет за чертой бедности). Что касается саудовских смертников, то их образовательный уровень еще выше, среди них часто встречаются лица с высшим образованием и даже

ученой степени, многие происходят из влиятельных и известных семей. Стало очевидно, что смертники не проходят через ту же систему рекрутирования, что и обычные муджахеды. «Живые бомбы» также называют «бродячими добровольцами», которые ранее не имели никакого отношения к террористической деятельности. Юсуф аль-Аири, бывший лидер «Аль-Каиды» в Саудовской Аравии, телохранитель бен Ладена, призывает к распространению «военной культуры» среди молодежи с целью заполнения вакуума, созданного врагами ислама (имеются в виду уничтожения или аресты многих видных идеологов и активистов радикальных исламистских группировок). Он говорит, что «мусульмане сегодня любят этот мир, ненавидят смерть, отказываются от джихада, Аллах сделал так, что неверные покорили мусульман, унижали ислам, это наказание за то, что мусульмане отказались от джихада». Член «Аль-Каиды» в Саудовской Аравии Иса бен Саид аль-Ошан несколько лет был инструктором в летнем молодежном лагере. В июле 2004 г. в радикальном исламистском журнале «Савт уль-Джихад» было опубликовано «открытое письмо к молодежи»: «Разве вы не понимаете, что враги, которые убивают ваших братьев в Ираке, Афганистане, Палестине, чувствуют себя в безопасности в Саудовской Аравии. Сегодня джихад следует вести, не спрашивая разрешения родителей и заимодателей, так как “сегодня в Багдаде, а завтра в Эр-Рияде”».

Известный исследователь радикального исламизма Дж. Стерн пишет, что в настоящее время процесс вербовки смертников основывается на формальном принятии в организацию и так называемом психологическом контракте между сторонами. Постепенно человек вводится в такое состояние, в котором он не чувствует ничего двусмысленного и неопределенного, он испытывает психологический комфорт. Египетский социолог Худа Закарийя считает, что человек перенастраивается на новый лад, новая группа заменяет ему семью, старых друзей, то общество, которое ранее окружало его, подрываются устоявшиеся принципы, нарушаются привычный порядок вещей, мировосприятие. Ценности новой группы внедряются в сознание с помощью «священных принципов», которые не подвергаются никакому сомнению. Самое опасное – подавление личности и самоосмысления, групповые интересы начинают доминировать над личными. Человека подводят к точке, откуда уже нет возврата. Перед тем как совершить теракт, смертник составляет послание. Группа восхваляет его, сопровождая лозунгами, песнями о джихаде, призывами к продолжению подобных акций. Смертник объясняет причины, побудившие его к

проведению акции террора, в которой он знает, что погибнет. Смертник пишет письмо своим близким, друзьям. «Это и есть та черта, перейдя которую, смертник не может повернуть обратно, чтобы не потерять уважение своих друзей. Теперь у него одна дорога».

Группа выражает личную преданность «Аль-Каиде», принадлежность к «вселенскому движению джихада» и желание пожертвовать собой. Свое обращение группа записывает на видео, которое служит доказательством существования организации, твердости ее намерений. Затем видеообращение распространяется по информационным каналам. Таким образом, группа работает на опережение, чтобы избежать каких-либо попыток со стороны властей страны преуменьшить или исказить пропагандистский или информационный эффект этих акций, масштабность вселенской борьбы против неверия. Видеообращение также призвано служить средством пропаганды, создавая новые поколения воинов джихада. В процессе подготовки будущих смертников эти обращения будут активно использоваться. Таким образом, заверение в преданности общим идеологическим целям и готовности к самопожертвованию является своего рода «психологическим контрактом», основанным на принципе товарищества и едином эмоциональном фоне участников радикальной группы, с одной стороны, и вселенского движения джихада – с другой.

Исследователь радикального исламизма Роберт Пэйп в книге «Умереть, чтобы победить» на основе статистических данных пишет, что атаки смертников из «Аль-Каиды» в 12 раз более смертоносны, чем любые иные военные операции. Поэтому от них радикальному исламизму трудно отказаться. Автор утверждает, что 3% всех мировых терактов – это взрывы «живых бомб», однако именно на них приходится 48% жертв. По различным оценкам, так называемый пояс смертника стоит не более 150 долл. Чтобы противостоять хорошо вооруженным коалиционным силам, требуются опытные бойцы, подготовка которых стоит на несколько порядков больше. Р. Пэйп пишет, что большинство подобных терактов, произошедших за последние 20 лет, призваны были принудить правительства стран вывести свои войска с территории какого-либо государства. Теракты с участием смертников будут оставаться важным элементом стратегии радикального исламизма, однако в тех или иных регионах они будут иметь свою специфику.

Современные технологии манипуляции сознанием способны разрушить в человеке знание, полученное благодаря реальному историческому опыту, заменить его искусственно сконструиро-

ванным «режиссером» знанием. Искусственно сформированная картина исторической действительности передается отдельным индивидам с помощью книг, лекций, радио и телевидения, прессы, театральных представлений, кинофильмов и т.д. Таким образом, строится иллюзорный мир, который воспринимается как настоящий. В результате всю окружающую действительность человек может воспринимать как неприятный сон, а ту идеологию, которую ему внушает пропаганда, вводя его в транс, воспринимает как реальность. В воображении зрителя генерируется иллюзорная картина мира в идеализированном виде. В соответствии с авторским замыслом кино может произвольно создавать у зрителя ощущение «справедливости» и моральной правоты тех или иных персонажей, независимо от их действительной роли в истории.

При этом пропагандистское влияние на человека происходит скрыто, на эмоциональном уровне, вне его сознательного контроля. Никакие рациональные контраргументы в этом случае не срабатывают. В зависимости от контингента методы работы исламистских проповедников носят избирательный характер. В контактах с лицами, имеющими или получающими высшее образование, которые, в принципе, способны к критической оценке радикальной проповеди, применялся метод «муджадала» (диспут). При этом собравшиеся свободно высказывают свое мнение. Находящиеся среди них опытные «муджахеды» объясняют преимущества догм «чистого ислама». Слушателя постепенно подводят к тому, чтобы он самостоятельно пришел к пониманию преимуществ радикальных методов борьбы против неверных. Демонстрируются видеофильмы о подвигах «муджахедов» с кадрами, которые фиксируют убитых неверных, разбитую вражескую технику. Это сопровождается бравурными арабскими песнями про джихад. Фильмы сняты в различных горячих точках мира с помощью новейшего оборудования. Во время психологической обработки учитывается специфика аудитории. Пропагандисты исходят из того, что одна и та же вещь имеет много сторон. Истинная вера некоторыми своими сторонами чрезвычайно притягательна для людей, даже если они не имеют к ней никакого отношения. И если подать ее именно этими сторонами, то они воспримут все ее части и аспекты.

Брат известного террориста З. Муссауи, приговоренный США к пожизненному тюремному заключению, так описывает процесс психологической обработки: «Однажды человек полностью меняет свое поведение... Наряду с преподаванием навыков обращения с оружием, муджахед проходит физическую подготовку. Интенсивность физических нагрузок постоянно увеличивается,

задания по тактике проведения операций становятся сложнее. При этом по мере увеличения нагрузок инструкторы уменьшают рацион питания. Постепенно молодого человека целенаправленно доводят до психического и физического истощения. Нагрузки продолжают увеличиваться. Начинается следующий этап. Теперь на молодого человека начинают давить психологически, ему постоянно внушают мысль о том, что «от него ожидали большего». Молодой человек испытывает чувство вины и замешательство. Инструкторы специально говорят будущему муджахеду, что все те, кто проходил подготовку до него, отлично справлялись со всеми заданиями и нагрузками и теперь ведут войну против врагов ислама, «продолжают великое дело джихада», а он – самый отстающий и подводит всех, именно такие, как он, являются причиной всех неудач исламской «уммы». Автор пишет, что чаще всего все это заканчивается печально, в результате подобной психологической обработки некоторые молодые люди «готовы на все, чтобы оправдать возлагавшиеся на них надежды...».

Известный исследователь современного радикального исламизма, в прошлом сотрудник ЦРУ, М. Сейджман пишет о современных методах вербовки смертников:

1) рекрутеры в различных странах выявляют потенциальных смертников;

2) проводится анкетирование молодого человека, изучается, насколько он готов к совершению теракта-самоубийства;

3) начинается подготовка смертника (основная задача – создать у него ощущение принадлежности к «братьям по оружию», идеям вселенской борьбы против врагов ислама);

4) в процессе обучения в зависимости от интеллекта того или иного «шахида» направляют на определенную цель;

5) делается видеозапись смертника, где он выражает готовность провести акцию самопожертвования и личную преданность бен Ладену;

6) инструктор сопровождает смертника до места предполагаемого совершения теракта.

По мнению М. Сейджмана, для понимания процесса подготовки смертника также следует исходить из понимания групповой динамики и индивидуальной психологии. Маленькая группа создает определенный тип поведения. Обычно группы по численности не превышают восьми человек и довольно однородны по составу (возрасту, происхождению, образованию, социальному статусу, даже вкусовым предпочтениям). Вместе с тем ситуация заключается в том, что террорист полностью осознает, что если он

не погибает, планируемая атака не будет совершена. Он не может выполнить свою миссию и остаться при этом в живых. Радикальным организациям очень выгодно использовать смертников по ряду причин.

1. Исполнитель способен контролировать время и место атаки для причинения максимального ущерба.

2. Как правило, акция смертника привлекает повышенное внимание СМИ, что позволяет той или иной группировке заявить о себе.

3. Современный терроризм – это прежде всего психологическая борьба, и смертники усиливают психологический эффект этих акций. СМИ создают у каждого гражданина ощущение уязвимости и незащищенности перед опасностью, которая подстерегает их практически повсеместно. Ведь пояс смертника может привести в действие с виду вполне успешный, респектабельный человек, который несколько минут назад вам улыбался.

4. Атака смертника технологически, как правило, примитивна. Компоненты, необходимые для взрывного устройства, дешевые и легкодоступные.

5. Спецслужбам очень сложно сорвать атаку смертника. Опасность начинает исходить от смертника тогда, когда он уже на пути к цели. Даже если удастся его вычислить, он может взорвать себя, не достигнув объекта, но среди людей. Поэтому предотвратить жертвы можно только на стадии подготовки теракта.

6. Во время планирования террористических акций большое значение отводится путям отхода. В случае со смертниками этого не требуется.

7. В силу того, что смертник гибнет во время теракта, сводится к минимуму риск того, что он будет задержан спецслужбами и во время допроса выдаст ценную информацию о членах группировки.

8. Так как акция смертника привлекает повышенное внимание международной общественности, она заставляет громадную аудиторию задуматься по поводу тех причин, которые вынудили его взорвать себя, «его акция – это итог тех унижений и зверств, которым подвергся исполнитель».

В настоящее время теракты с использованием смертников стали одним из главных методов борьбы исламистов в различных странах. Радикальный теоретик Абу Бакр Наджи в книге «Управление варварством» пишет, что США – это страна материализма, и в этом ее слабость. Поэтому он предлагает сосредоточить усилия прежде всего на борьбе против экономических интересов стран

Запада. Он считает необходимым наносить удары (дословно: «пускать кровь до банкротства») до тех пор, пока западные страны не смогут справиться с экономическим бременем от военных кампаний. В рамках этой долгосрочной стратегии Наджи предлагает проводить теракты против стран, которые в союзе с США участвуют в оккупации мусульманских земель, принуждая их выводить свои войска. Тем самым США придется отправлять больше своих военных, а значит, нагрузка на их экономику становится сильнее. Этой цели можно достичь путем проведения терактов на территории стран-союзниц либо похищения граждан этих государств (инцидент с южнокорейскими заложниками в Афганистане). Акции смертников, по мнению радикальных идеологов, должны получать мощную медиаподдержку, чтобы возложить ответственность за многочисленные жертвы среди мирного населения Запада на правительства государств, поддерживающих США в их всемирной борьбе с терроризмом.

Прежний руководитель ХАМАС Абд аль-Азиз ар-Рантиси заявлял: «Враги Аллаха и нашего народа любят жизнь, в то время как мусульмане желают принести себя в жертву. Акции смертников вселяют ужас в сердца врагов, который является одной из причин поражения... Подобные акции служат самым коротким путем в рай».

Однако между теоретиками исламизма есть некоторые различия относительно тех, кого считать «шахидами». Так, известные идеологи радикального исламизма Абд аль-Азиз бен Салих аль-Джарбоу и Юсуф бен Салих аль-Аири призывают к проведению акций смертников в интересах исламской уммы. Первый заявляет, что «убийство души» (суицид) разрешено, если это происходит в интересах ислама. Известный радикальный исламский теоретик шейх, аль-Джарбоу в 1998 г. опубликовал книгу «Избранные отрывки по самоуничтожению во избежание утечки секретов», в которой заявляет, что самоубийство разрешено, если существует вероятность ареста. Он ссылается на бывшего муфтия Саудовской Аравии шейха Мухаммада бен Ибрагима Ааля, который во время войны за независимость в Алжире (1954–1962) издал фетву, где мусульманам разрешалось совершать самоубийство, чтобы не попасть в руки спецслужб, так как под воздействием пыток муджахед мог выдать важную информацию и тем самым навредить другим воинам джихада. В то же время шейх Ааль выступал против убийства мусульманами своих единоверцев.

Известный саудовский мусульманский богослов шейх Мухаммад Усаймин по поводу совершения акций самопожертвований

говорит, что «тот, кто надевает на себя взрывчатку, а затем направляется к неверным и взрывает себя среди них, не является павшим за веру (шахидом) – это обыкновенное самоубийство, и такой человек после смерти попадает в огонь ада и остается там навсегда. Даже если этот человек убивает себя вместе с десятками или сотнями людей, от этого нет никакой пользы исламу; людей, принявших ислам, от этого больше не станет. Наоборот, враги веры становятся более решительными, это рождает ненависть и злобу в сердцах врагов ислама, а среди мусульман приводит к смуте». Шейх Усаймин также не считает шахидами палестинцев, взрывающих себя среди израильтян, так как это не приносит пользы ни исламу, ни мусульманам. Единственное, что может спасти такого человека от мук ада, если он, приводя в действие взрывной механизм, основывался на неверных интерпретациях Корана и Сунны и ложных «тафсирах» (толкованиях). Салафитский богослов шейх аль-Албани по поводу свершения подобных акций придерживается аналогичной позиции: «С точки зрения “даава” (в данном случае пропаганды ислама) подобные операции бесперспективны и никогда не приведут к желаемому результату... Скажите молодежи: берегите свою жизнь, правильно понимайте ее». Он считает, что молодежь совершает акции самопожертвования из-за ложного понимания ислама.

Айман аз-Завахири, призывая к нанесению максимального ущерба Западу, в своем труде «Рыцари под знаменем Пророка» пишет, что операции с использованием смертников являются самыми эффективными методами причинения максимального вреда неверным и не требуют больших затрат и потерь. «Те, кто проводит акции самопожертвования, не безнадёжные и нищие, это лучшие из наших людей, они образованные и успешные». Известный исламский идеолог Ю. Кардави считает, что атаки смертников в Палестине следует считать законными, так как они применяются в оборонительных целях против израильтян, захвативших территорию мусульман. Более того, этот теолог говорит, что можно уничтожить и мирных граждан Израиля, так как они являются резервистами. Он называет палестинских смертников именно «шахидами», а не самоубийцами. В то же время Кардави осуждает участников терактов 11 сентября. По его мнению, теракты следует проводить не на территории США, а против их военнослужащих, оккупировавших земли мусульман, а следовательно, участников акции 11 сентября нельзя считать «шахидами».

В различных странах практика применения «живых бомб» неодинакова. Относительно Афганистана стоит заметить, что его

жители издавна известны как стойкие и отважные воины. Проведение акций с использованием смертников чуждо их менталитету. Во время войны против советских войск не было отмечено таких случаев. Первая атака смертника была проведена в 1992 г., когда египтянин по заказу Г. Хекматъяра в Кунаре взорвал себя вместе с Мавлади Джамилем Рахманом, возглавлявшим группировку «Джамаа ад-Дава ва-ль-Куран ва-с-Сунна». 9 сентября 2001 г. в результате атаки смертников погиб лидер Северного альянса А.Ш. Масуд. По некоторым данным, заказчиком этого теракта был бен Ладен. В первые пять лет правления Х. Карзая исламисты в Афганистане редко использовали смертников. Однако с конца 2005 г. теракты с использованием смертников стали применяться исламистами все чаще. Присутствие коалиционных сил затрудняет исламистам ведение открытых боевых действий. Поэтому талибам приходится приспосабливаться к новой ситуации и использовать новые методы. Главный редактор «Кабул Викли» Фахим Дашти считает, что волна подобных терактов свидетельствует об изменении тактики талибов. «Умные бомбы» призваны сеять хаос, талибы стремятся настроить народ против присутствия американцев, вызвать против них ненависть еще большую, чем к устроителям терактов.

Известный афганский политолог Мухтар Пидран говорит, что талибы ищут рычаги для распространения религиозного влияния на народ, который отвергает их идеологию. Большинство афганцев неграмотно, у них часто скудные знания о том, что такое джихад и самопожертвование. Таким образом, по мнению Пидрана, их «легко обмануть и втянуть в эту фабрику смерти». При этом, используя «живые бомбы», та или иная группировка талибов получает возможность заявить о себе на международном уровне. По мнению этого афганского политолога, такая тактика в Афганистане дает талибам и другим группировкам возможность идентифицировать себя с международным исламистским движением. Напомню, что 80% потерь в Ираке американцы несут от безоболочных взрывных устройств. Однако в Афганистане, по мнению военных, ситуация несколько иная. В 2008 г. в 43% случаев (26 из 57 взрывов) погибал только смертник. За последние два года 90 смертников погибли, не причинив вреда кому-либо другому. Представители коалиционных сил даже стали называть афганских смертников «любителями». Объяснением этому может служить особая тактика, которой придерживаются талибы. Они стараются ориентировать смертников на атаки военных объектов, патрулей, подразделений афганской армии. В то же время в Ираке

обычной практикой стало использование «живых бомб» целенаправленно против мирных жителей. Безусловно, и в Афганистане в результате таких акций также гибнут мирные жители. Однако здесь их не всегда совершают коренные афганцы. В большинстве случаев «живыми бомбами» становились арабы или пакистанцы. Талибы стараются избежать массовых жертв в подконтрольных им районах и, соответственно, негативной реакции местных жителей. Например, после теракта в пуштунском городе Спин Болдак люди вышли на улицы с лозунгами: «Смерть “Аль-Каиде”, смерть Пакистану, смерть талибам».

Известно, что лидер движения «Талибан» с настороженностью относится к практике применения «живых бомб». Представитель талибов Забиулла Муджахед недавно даже заявил: «Мы стараемся избегать жертв среди мирных жителей при совершении терактов, это наши мусульмане-соотечественники, мы проливаем кровь, чтобы принести им свободу. И конечно, их жизни дороги нам». Забиулла также отметил, что исламисты сталкиваются с нехваткой исполнителей акций смертников, способных выбрать нужную цель. Исламские радикалы вербуют молодых людей в низших слоях афганского общества, часто не способных отличить афганские силы безопасности от коалиционных сил, военное транспортное средство от гражданского. Тем не менее этим «материалом» манипулируют, чтобы молодежь взрывала себя в качестве «ракеты мุลлы Омара». Полковник британского контингента в Афганистане М. Гриффитс заявил: «Нет сомнения, и сейчас есть прямые доказательства того, что практика применения смертников пришла из Ирака. Некоторые из этих вещей мы уже видели в Багдаде, и теперь это начинается здесь». Генерал полиции Кабула Али Шах Пактиаваль в отношении смертников говорит, что в своем большинстве это молодые люди из Пакистана. Они психологически обрабатываются в медресе, религиозных учебных заведениях в течение двух-трех месяцев, а затем их отправляют сюда. «Я бы смог многих из них остановить, если бы у меня было больше денег. В 90-х годах мы знали, где наши друзья и враги... сейчас мы не представляем, кто хочет убить вас», – говорят рядовые жители Кабула о последствиях атак смертников.

В течение 2006 г. в Афганистане было совершено 139 акций смертников. Следует отметить, что с октября 2001 г. по январь 2007 г. в Афганистане погибли 520 иностранных солдат – 356 американцев, 46 британцев, 44 канадца, 19 испанцев, 18 немцев. При этом только 17 из них погибли в результате терактов смертников в 2006 г., 153 – в результате боев. Жертвами смертников среди

мирных граждан и афганских сил безопасности в 2006 г. стали 170 человек.

На начальном этапе вторжения американских войск в Афганистан лидеры движения «Талибан» не уделяли внимания медиаподдержке своих акций. К концу 2002 г. они активизировали усилия в этом направлении, стали распространять кассеты, книги, листовки и т.д. с призывами к джихаду против оккупантов. В настоящее время информационная поддержка вышла на другой уровень. Помимо печатных изданий в качестве рычага пропаганды стали активно использоваться электронные средства информации. «Талибан» создал свою собственную медиаорганизацию «Амат» по образцу «Ас-Сахаб», подконтрольной «Аль-Каиде». Интервью лидеров талибов, отчеты о военных операциях, репортажи об акциях смертников отличаются высоким качеством, распространяются по различным информационным агентствам транслируются чуть ли не в режиме реального времени.

По сообщениям афганской полиции, жители Кабула неоднократно находили брошенные «пояса смертников» тех, кто в последний момент отказался привести в действие взрывной механизм. Отмечаются также случаи, когда террорист приближался к полиции или американским военным, затем откреплял от себя взрывное устройство и бросал его в военных в расчете на то, что механизм сам сработает в нужный момент. Отмечаются случаи, когда террористы совершают акцию под воздействием лекарственных и наркотических веществ. Не свойственный афганскому менталитету подобный характер борьбы не вызывает удивления, почему среди «живых бомб» нередко встречаются инвалиды, для которых это единственная возможность прокормить свои семьи. За большинством терактов стоит чисто финансовая мотивация, причем смертники не подготовлены психологически в должной мере и часто стараются остаться в живых. Для них это единственный способ заработать. Например, в 2005 г. в Кабуле исполнитель зашел в интернет-кафе. Вместо того чтобы произвести взрыв в людном месте, он вышел в умывальную комнату, снял с себя пояс и при помощи другого взрывного устройства взорвал первое. В результате жертвами стали два человека. Исполнитель остался жив. Как правило, на рынках у талибов есть точки, где можно купить взрывчатые вещества. Транспортные средства, как правило, приобретаются в провинции, так как там цена ниже, нежели в афганской столице. Жители приграничных провинций Хост, Пактия и Пактика в интервью рассказывают, что талибы набирают в ряды смертников детей. При этом родители узнают, что их сын погиб,

только когда талибы приносят им сумму денег за проведенный теракт. Влиятельный лидер одного из кланов в провинции Хост узнал, что его сына забрали с собой талибы для совершения теракта, и пригрозил исламистам, что в случае его невозвращения атакует их позиции вместе со своими многочисленными сторонниками. Ребенок был возвращен, но это исключение, а не правило.

Президент Афганистана Х. Карзай, касаясь проблемы роста терактов с использованием «живых бомб», заявил, что сегодня в стране сложилась ситуация, когда молодого человека отправляют в школу за знаниями, а там из него делают смертника. Большинство таких медресе расположено вдоль пакистанской границы – в Северо-Западной приграничной области. Например, талибы пришли в школу в г. Танке и стали набирать ребят под предлогом священной обязанности участия каждого мусульманина в джихаде. По отзывам очевидцев, талибы прибыли с определенной целью – забрать с собой как можно больше молодых людей. Они заявили, что джихад должны вести все, и тот, кто от него отречется, будет наказан. Таким образом, силой или обманом, талибы увели с собой до 30 человек. Возраст ребят был от 11 до 15 лет. При этом родителям не было ничего сообщено о судьбе детей. В последующем в военно-тренировочных лагерях они проходили психологическую обработку и практику вождения автомобиля. Один из оставшихся в живых ребят затем рассказывал, что тем, кто находился в лагере, постоянно говорили, чтобы они сражались против Израиля, Америки и немусульман. По его словам, курсанты живут в тяжелых условиях: «Нам не нравилось жить там, мы только читали о джихаде и хотели уехать в медресе в г. Муридке, так как там лучше условия...» Влиятельный лидер талибов в Вазиристане мулла Назир недавно призвал своих сторонников прекратить вербовку детей. В одной афганской деревне талибы прикрепили пояс смертника шестилетнему мальчику и сказали, чтобы он нажал на кнопку, когда приблизится к американцам, и «тогда вылетит много цветов». Поравнявшись с американским патрулем, ребенок попросил о помощи. Эти факты объясняют, почему более половины терактов «живых бомб» заканчиваются только гибелью исполнителя.

Несмотря на то что ведение боевых действий с использованием смертников чуждо менталитету афганцев, тем не менее это стало неотъемлемым элементом борьбы против правительственных войск и сил коалиции; чаще всего исполняли этого вида терактов являются иностранцы. Школы по подготовке смертников в Пакистане еще называются «фабриками ненависти», а их выпускники – «детьми бен Ладена», «гуляющими мертвецами». Руково-

дитель по проведению военных операций талибов мулла Додалла, убитый весной 2008 г., часто выступал перед студентами медресе и призывал их участвовать в джихаде против оккупантов.

В Ираке исламисты продолжают «совершенствовать» тактику проведения терактов с использованием смертников. Здесь даже отмечались случаи использования хлора. Специалисты склонны полагать, что это последствия многочисленных публикаций во Всемирной сети, призывающих к усилению поражающего эффекта за счет химических, биологических веществ. Так, 28 января 2007 г. в Рамади от отравления хлором погибли 16 человек. В Ираке в качестве пропаганды радикальные исламисты стараются обратиться к потенциальным смертникам внутри и за пределами Ирака. Абу Дуджана аль-Ансари, руководитель «Бригады аль-Бара бин Малика» (эскадроны смертников в составе «Аль-Каиды»), говорит, что бригада смертников следует приказу бен Ладена терроризировать врага для того, чтобы деморализовать его солдат. Что касается акций против иракских сил безопасности, то они рассматриваются радикалами в качестве придатка оккупационных сил в Ираке. «США использовали бойцов Северного альянса в Афганистане против талибов, это же они делают в Ираке, полагаясь на шиитскую милицию и сформированные иракские силы безопасности. Поэтому нанесение ударов по этим союзникам оккупационных сил то же самое, что удары по самим коалиционным силам».

В Ираке в процессе вербовки смертников особенно актуальна тема унижения. Широко известны кадры из тюрьмы Абу Грейб. Совершающие теракты-самоубийства зачастую руководствуются внутренними мотивами – ответить обидчику, даже если это убьет его самого. Они чувствуют, что должны сделать это иррационально, без учета последствий, цель выбирается архаично. Такие операции смертников представляют собой своего рода возмездие. Человек не может жить с унижением внутри себя – не отомстив, он никогда не обретет душевный покой.

Радикальные исламистские группировки стараются опровергнуть мнение о том, что смертниками становятся представители маргинальных социальных групп. Существует журнал, издаваемый «Аль-Каидой», где приводятся подробные биографии смертников, в которых рассказывается о том, как многие мусульмане распродают свое имущество, чтобы отправиться и провести акцию, взорвав себя в автомобиле, продают земельный участок, оставляют бизнес и т.д. Например, Абу Осама аль-Магриби из Танжера, владелец ресторана с доходом 3 тыс. долл. в месяц, в течение шести лет у него не было детей. Появление на свет первен-

ца, успех в делах не остановили его – он отправился в одну из арабских стран и из мечети в мечеть стал искать кого-нибудь, кто бы взял его с собой в Ирак. В конце концов он присоединился к группе марокканцев. Эта история очень напоминает историю Абу Вада аль-Квейти (Мансура аль-Хаджари), Абу Хамзы аль-Квейти, саудовца Абу Анас аль-Кахтани, которые оставили благополучную жизнь и отправились в Ирак, где взорвали себя. В журнале часто рассказывается о снах будущих смертников, где они, например, видят реку, которая течет в пещеру, над которой написано: «В рай». Они плывут по ней, затем видят прекрасных дев и своих друзей, погибших ранее, подорвавших себя, которые зовут их за собой. После этого они решают повторить то, что сделали их друзья, и т.д. Далее приводится интервью одного из смертников, который опровергает то, что молодые люди становятся смертниками в результате депрессии и бедности: «Я понимаю, что означает операция самопожертвования. Я студент из состоятельной семьи. У меня нет проблем с психикой и т.д. Я мог закончить обучение и стать врачом».

Акции смертников в Алжире не являются характерной тактикой вооруженных исламских группировок. В этой стране имеет место традиция партизанской войны, но не атак смертников. Происходит изменение характера борьбы. Только в текущем году 150 алжирцев были обнаружены в Сирии и выдворены обратно на родину. По сообщениям сирийских спецслужб, они собирались пересечь иракскую границу.

Мусульманскую молодежь пакистанского происхождения, проживающую в европейских странах, проходящую обучение в учебных заведениях на исторической родине, можно разделить на две категории: во-первых, те, кого родители отправили на историческую родину, чтобы оградить от западной культуры и образа жизни; во-вторых, те, кто желает углубить свои знания по исламской религии. Часть студентов еще до поступления в учебные заведения придерживается крайне радикальных взглядов. Другие становятся радикалами в процессе обучения. В Пакистане около 20% из 11 221 религиозного учебного заведения контролируются радикальными исламистскими группировками, в которых помимо религиозных дисциплин преподается и военное дело. Существуют специальные центры, где обучают изготовлению взрывчатых веществ, но эти центры находятся при мечетях. Известный лидер «Аль-Каиды» Абу аль-Хади аль-Ираки, который, по данным спецслужб, планировал теракт с использованием террористов-смертников 7 июля в Лондоне (арестован американскими спец-

службами), заявил, что исполнители этих терактов из Великобритании первоначально собирались отправиться воевать в Афганистан или Ирак, однако в Пакистане инструкторы «Аль-Каиды» решили, что им лучше совершить теракт у себя на родине. Было принято в расчет то, что у них британские паспорта, они знают язык и страну. После этого в Пакистане (территории племен) было принято решение об отправке их в специальные лагеря.

Сегодня инициатива перешла к молодому поколению исламистов. В связи с ослаблением организационной структуры новое поколение руководствуется общими задачами «всемирного джихада», современные структуры в высшей степени автономны, руководствуются общими принципами и идеологическими установками во вселенской борьбе против общего врага. Одно из важных требований в исламистских группировках: члены ячейки не должны знать о существовании других групп, не должны обладать большей информацией, чем им необходимо для выполнения операции. Значительным фактором в трансформации методов вербовки и идеологической подготовки явилась война в Ираке. Еще никогда «дальний враг» (США) не был так близко, как там. Ирак стал главной темой для дискуссий в мусульманской молодежной среде. Вторжение в Ирак воспринималось как предлог для осуществления замыслов Запада по овладению природными ресурсами. Антиамериканские проповеди в мечетях вызвали широкий резонанс как в мусульманских странах, так и в Европе. Наиболее активно исламисты-радикалы действуют в Великобритании, Германии, Испании, Италии и Нидерландах. В марте 2003 г. власти Германии арестовали шесть человек, которые посещали мечеть «Ан-Нур» в Берлине. Несмотря на то что мечеть расположена в районе, населенном преимущественно турками, «Ан-Нур» не пользуется популярностью у турецких иммигрантов. Известная своими радикальными проповедями, «Ан-Нур» часто посещается выходцами из арабских стран. Арестованным было предъявлено обвинение в том, что они занимались вербовкой студентов для совершения акций самопожертвования. Ихсан Гарнауи, 32-летний тунисец, пять лет провел в Афганистане и имел связи с бен Ладеном. При обыске у него были обнаружены взрывчатые и токсичные вещества, видеоматериалы с изображением некоторых районов Германии с воздуха, паспорта, оружие.

Организации «Ансар аль-Ислам» и «Аль-Каида» объединили усилия для вербовки добровольцев для войны в Ираке. Аз-Заркауи искал добровольцев на Ближнем Востоке для проведения терактов в Европе. Ячейки «Ансар аль-Ислам» в Италии отправляли смерт-

ников в Турцию, Сирию для последующей переправки в Ирак. Есть предположение, что совершившие теракты у отеля «Ар-Рашид», миссии ООН в Багдаде в октябре 2003 г. были смертниками европейского происхождения, завербованными муллой Фуадом из Сирии, который подчинялся аз-Заркауи. В мае 2004 г. итальянские спецслужбы арестовали алжирца Маамари Рашида, нескольких тунисцев – все они входили в группировку «Ансар аль-Ислам». Из перехваченных телефонных разговоров стало ясно, что подготовленные для переправки в Ирак 40 человек были готовы совершить акции самопожертвования. Теракты в Касабланке в мае 2003 г., в Мадриде, Лондоне показывают, что их исполнители не проходили обучение в Афганистане, были «доморощенными» исламистами-радикалами, занимались подготовкой в свободное время. Инструкции по производству взрывчатых веществ террористы получали в Интернете.

Исламистские интернет-форумы играют важную роль в пропаганде радикализма. На одном из форумов рассказывается о последних минутах жизни смертника, а затем размещен номер телефона его родителей, чтобы из разных стран их поздравили после совершенного их сыном теракта. В мае 2007 г. ведущий известного радикального форума по прозвищу «Муджахед 1988» обратился к многочисленным посетителям со словами: «Прощайте. Я люблю вас всех. Молитесь все за меня, чтобы я стал шахидом». Через некоторое время на форуме были размещены подробности гибели «Муджахеда 1988». Безусловно, обращение популярного ведущего одного из форумов находит отклик в молодежной среде и обладает пропагандистским эффектом.

Акции смертников, по мнению радикалов от ислама, призваны сеять ужас и провоцировать общественное мнение, чтобы заставить правительство того или иного государства изменить свою политику по определенной проблеме. После взрывов в октябре 2002 г. на Бали бен Ладен в своем обращении выступил с угрозами в адрес австралийского правительства, которое поддерживает политику США. После терактов в Мадриде в марте 2004 г. бен Ладен обвинил испанские власти в том, что они поддерживают США и отправляют свои войска в Ирак. Эти террористические акты призывают граждан европейских государств заставить правительства выводить свои войска, в обмен на это они получают «худну» – временное прекращение боевых действий. По инициативе бен Ладена была создана компания «Ас-Сахаб», производящая профессиональные видеоклипы, продвигающие «культуру джихада». Эти клипы передаются предпочтительно западным СМИ, активно ис-

пользуются интернет-каналы. Эксперт в области терроризма М. Рэнсторп говорит, что террористические сети мутируют и адаптируются с большой скоростью.

«“Живые бомбы” – это в настоящее время единственный способ заставить трепетать Запад, это то оружие сдерживания, перед которым Запад уязвим, “живые бомбы” могут взрываться в определенном месте и в назначенное время», – так радикальный теоретик Яхья Фиргал заканчивает свою статью «Раскрытие сущности акций террора с использованием самоубийств». Необходимо добавить, что теракты с использованием смертников обладают мощным разрушительным эффектом, и при этом подготовка смертника не требует больших затрат и необходимости создавать специально оборудованные военные базы. Поэтому прививанию культуры смерти радикалы от ислама уделяют особое внимание. Акции смертников, как показали последние события, приводят к смещению правительств, они способны вызвать потрясения на финансовых рынках, парализовать транспортные системы. Увеличился «неструктурированный рост» желающих вступать в радикальные исламистские организации, «виртуальные университеты джихада» дают координаторам неисчерпаемые ресурсы для проведения террористических операций. Различные способы манипуляции сознанием позволяют террористам использовать интеллект хорошо образованных молодых людей и направлять их на самые сложные объекты для нанесения максимального ущерба. Опасным является и то, что «архитекторам» «всемирного воинства джихада» удастся путем рекомендаций, памфлетов, книг, через Интернет формировать единую стратегическую линию для совершения акций террора в различных регионах мира (Египет, Ирак, Европа, Нигерия, Афганистан, Саудовская Аравия и т.д.). В свою очередь, руководствуясь общей идеологической линией, нижние звенья, исходя из обстановки, принимают решения о нанесении удара по тому или иному объекту. При этом чаще всего они не получают прямого приказа о совершении теракта.

*«Ближний Восток и современность»,
М., 2009 г., № 40, с. 162–184.*

Е. Гаврилина, А. Семедов,
исламоведы
**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА**

Политический ислам представляет собой диалектическое единство теологии и политики (теории и практики): политическая практика вторична по отношению к теологии, но формы этой практики заставляют изменять теологию. Идеология политического ислама – набор определенных концепций, которые могут произвольно использоваться для конструирования конкретной идейной позиции. Эти концепции могут быть по своему происхождению исламскими («джахилийя», «ширк»), западно-либеральными («исламская демократия»), марксистскими («исламская революция») и т.д. Многообразие источников концепций служит доказательством постмодернистской природы исламизма. Эклектический характер исламизма, его внутренняя противоречивость никак не обсуждается идеологами. Они лишь декларируют определенные принципы, которые, взятые вместе, образуют мозаику политической религии.

Политический ислам (или исламизм) стал неотъемлемой частью современной жизни. Современный политический ислам – это многоуровневая и многоаспектная проблема. Думаю, потребуются десятки и сотни работ для всестороннего анализа данного феномена, который характеризуется динамичностью и способностью принимать причудливые формы в различных уголках Земли. Идеология и практика политического ислама направлены на решение не религиозных, а светских проблем обустройства общества. Его богословский дискурс, религиозная интерпретация – главный инструмент разъяснения рядовым мусульманам политических и социальных установок, а также средство мобилизации на борьбу за предлагаемые исламистами цели.

Попытки Запада под лозунгом глобализации навязать мусульманам свои культурно-нравственные стандарты и политико-правовые формы, без учета сложившихся в мусульманском мире традиций, вызывают отторжение. Особенно когда такие шаги воспринимаются как атака на ислам как систему ценностей. Религиозная мысль живет и развивается, нащупывая новые подходы к осмыслению меняющейся реальности. Да, идеология возникла, восстав против религии, но некоторые современные религиозные идеологии способны преодолеть это противоречие за счет соеди-

нения откровения с целесообразностью, веры с разумом. Именно таковой и является идеология политического ислама.

Исламский мир чрезвычайно разнообразен, но его многообразие укладывается в общий спектр, который следует именовать исламской цивилизацией. Исламизм, соответственно, также многолик, и все-таки это – единый феномен. Политический ислам – это разнообразные движения, в той или иной форме выражающие устремления различных социальных групп в различных странах исламского мира. Он теснейшим образом связан с теми современными политическими, социальными, экономическими и моральными проблемами, с которыми сталкивается практически весь мир. Политический ислам в современной системе международных отношений – это глобальный центр силы, с которым нельзя не считаться и от действий которого зависит стабильность в ключевых регионах. Ислам как вера предшествует политическому исламу, поэтому он не является простым инструментом реализации тех разнообразных целей, которые преследует последний. Политический ислам сегодня стремительно эволюционирует. Более того, это наиболее динамичная политическая сила в современном исламском мире. Одна из причин популярности исламистских движений – активная деятельность по предоставлению тех социальных услуг, которые не в состоянии предоставить государство. Эти движения оказывают содействие в получении образования, медицинских услуг, жилья широкому кругу людей, прежде всего бедным слоям.

Социальная роль политического ислама заключается и в том, что вольно или невольно он выступает как средство выражения интересов разных социальных групп. Обычно исламисты получают наибольшую поддержку со стороны среднего класса, мелкой буржуазии и городского населения. Они опираются на молодежь, студентов, интеллектуалов. Однако политический ислам (как правило, фундаменталистского толка) используется также и в интересах наиболее реакционных элементов общества, выступающих против прогресса.

Политический ислам не представляет собой какой-то единой идеологии, которую следует принимать или отвергать как нечто целое. Условно можно выделить в политическом исламе две крайние идеологические позиции: исламский радикализм и исламский либерализм. Исламский радикализм образует небольшой сегмент исламского интеллектуального и политического спектра, однако его значение определяется воинственностью и готовностью некоторой части активистов к насильственным действиям, в том числе к крупным террористическим акциям. Все исламистские радикалы

являются фундаменталистами, т.е. придерживаются узкого, буквального и нетерпимого толкования ислама. Большинство из них к тому же разделяют то или иное утопическое видение панисламского государства. Радикалы и фундаменталисты, по существу, не в состоянии предложить решение тех серьезных проблем, с которыми сталкиваются мусульмане. Однако нельзя говорить о близком конце эпохи радикального ислама, поскольку нынешние политические, социальные и экономические условия способствуют появлению значительного числа людей, готовых к насильственным действиям, которые легко рекрутируются радикальными организациями.

Либеральный, или модернистский, исламизм признает ценности демократии, прав человека, плюрализма и гражданского общества как в полной мере совместимые с исламом, которому изначально был присущ «мультикультурализм». Главная задача модернистов – «новое чтение» священных текстов, с тем чтобы выработать понимание ислама, совместимое с большинством современных социальных и политических ценностей. Ключевым инструментом в достижении такой цели является «иджихад» как средство применения базовых исламских принципов к новым неизвестным ранее ситуациям. Политический ислам представляет собой скорее движения, ориентированные на изменения, а не на консервацию настоящего или прошлого. Политический ислам испытывает значительное воздействие со стороны многообразных «внутренних» и «внешних» сил. Значительные трудности для исламистов возникают в связи с утверждением секуляризма в мире и с проникновением секуляризма в исламские страны.

Политическому исламу предстоит дать ответ и на практические социально-экономические вопросы: отсутствие политических свобод, препятствующее использованию человеческого потенциала и проведению реформ, низкий уровень образования населения, делающий невозможной адаптацию к условиям современного мира; низкий социальный статус женщины. Наконец, политический ислам столкнется с возможным воспроизведением в исламском мире той эволюции, которую проделывает религия в «постмодернистскую эпоху» в западном мире, где индивид самостоятельно выбирает наиболее подходящую для себя систему верований или не выбирать никакой.

Однако в 90-х годах особенно отчетливо проявилась неоднородность политического ислама. Сегодня он включает как призыв к революционному изменению политических режимов и систем, так и вполне умеренное и легальное стремление перестроить соци-

ально-политические институты путем воспитания и убеждения. Исламская тематика в целом конъюнктурна, отсюда следуют неизбежные искажения подлинного содержания данного учения, ксенофобия и враждебность западного мира к исламу.

*«Ломоносовские чтения. Востоковедение»,
М., 2010 г., апрель, с. 147–172.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2010 – 9 (219)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 8/IX-2010 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 9,0 Уч.-изд. л. 8,4
Тираж 500 экз. Заказ № 148

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/ Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)